А 233/126

СУДЪ ОБЩЕСТВА ОФИЦЕРОВЪ

и

ДУЭЛЬ

ВЪ ВОЙСКАХЪ РОССІЙСКОЙ АРМІИ.

(Дѣйствующее законодательство со всѣми комментаріями).

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА для ОФИЦЕРОВЪ ВСѢХЪ РОДОВЪ ОРУЖІЯ.

Одобрена Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба
(Циркуляръ Главн. Штаба 1896 г. № 227).

ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

СОСТАВИЛЪ
Полковникъ П. А. Швейковскій,
Военный Слѣдователь Петербургскаго Военнаго Округа.

Цѣна 1 р. 25 к.

Изданіе 2-е, исправленн. и дополненное.

Издалъ В. Березовскій
С.-Петербургъ, Колокольная улица, собственн. домъ, № 14.
1898.

876

2007050236

С.-Петербургъ.—Типографія Э. Арнгольда, Литейный просп., № 59.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Судъ общества офицеровъ. стр.

I. Краткій историческій очеркъ . . . . . 1—10

II. Судъ общества офицеровъ по дѣйствующему законодательству:

ГЛАВА ПЕРВАЯ. **Назначеніе суда, §§ 1—2** . . . . . 11—12

ГЛАВА ВТОРАЯ. **Предѣлы вѣдомства суда, §§ 3—5** . . . . . 12—16

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. **Понятіе о чести, §§ 6—10** . . . . . 16—22

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. **О подсудности.**

О подсудности суду общества офицеровъ вообще. Порядокъ увольненія штабъ-офицеровъ, § 11 . . . . . 23—24

О подсудности офицеровъ запаса арміи, § 12 24

О подсудности офицеровъ финскихъ войскъ, § 13 . . . . . 24—25

О подсудности подпрапорщиковъ, § 14 25

ГЛАВА ПЯТАЯ. **Устройство суда общества офицеровъ.**

Общія положенія. Порядокъ увольненія офицеровъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, въ случаяхъ невозможности примѣненія положенія о судѣ общества офицеровъ, § 15 . . . . . 26—27

Объ учрежденіи суда общества офицеровъ въ кадрахъ кавалерійскаго запаса, § 16 27

Составъ суда общества офицеровъ и условія для избранія членовъ этого суда, § 17 28

Случаи некомплекта офицеровъ, § 18 29

Объ избраніи въ члены призванныхъ изъ запаса, § 19 . . . 30

Объ обязательности избранія одного штабъ-офицера и одного капитана въ полкахъ и артиллерійскихъ бригадахъ, и не менѣе одного капитана въ отдѣльныхъ баталіонахъ, § 20. 30—31

Нравственная и служебная безупречность (цензъ) избираемыхъ членовъ, § 21 . . . . . 31—32

Право на избраніе лицъ, бывшихъ въ составѣ суда, § 22 . 32

Обязанности избирателей при выборахъ, § 23 33

Порядокъ избранія членовъ суда, § 24 . . . . . 33—34

ГЛАВА ШЕСТАЯ. **Порядокъ производства въ судахъ общества офицеровъ.**

Положеніе общее (о возбужденіи преслѣдованія), § 25 . . . 35

Участіе въ возбужденіи дѣла самого общества офицеровъ, § 26. 36

Дознаніе (предварительное разслѣдованіе), §§ 27—29 . . . 37—39

О представленіи дознаній и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ военнаго начальства (§§ 30—35) . . . . . 39—46

Судебное разбирательство.

О приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ, § 36 46

Составъ суда, § 37 46

Отводъ судей, §§ 38—39 . . . . . 46—48

Относительно присяги судей, § 40 48

Условія разбирательства дѣлъ, § 41 . . . . . 48—50

Порядокъ судебнаго разбирательства дѣлъ, § 42 . . . . . 50—52

Постановленіе приговора, §§ 43—50 . . . . . 52—59

Объявленіе приговора и представленіе его полковому командиру, § 51 59

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. **Обжалованіе рѣшеній суда общества офицеровъ, §§ 52—55** . . . . . 59—62

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. **Приведеніе въ исполненіе приговоровъ суда общества офицеровъ и послѣдствія этихъ приговоровъ.**

Приведеніе приговора въ исполненіе, §§ 56—63 . . . . . 62—66

Послѣдствія увольненія отъ службы по приговору суда общества офицеровъ, §§ 64—69 . . . . . 66—70

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. О дуэляхъ въ офицерской средѣ. стр.

I. Историческое происхожденіе дуэли . . . . . 73—111
II. Правила о дуэляхъ и законодательные мотивы къ этому узаконенію
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Законодательные мотивы къ узаконенію о дуэляхъ, § 1 . . . . . 112—115
ГЛАВА ВТОРАЯ. Сущность закона 13 мая 1894 года (прик. по воен. вѣд. 1894 г. за № 118), § 2 . . . . . 115—118
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Разъясненія относительно примѣненія закона 13 мая 1894 года:
Приказъ по военному вѣдомству 1894 г. за № 119, § 3 . . 119
Порядокъ разсмотрѣнія судомъ общества офицеровъ вопроса о поединкѣ, § 4 . . . . . 119—120
По поводу донесеній о поединкахъ, какъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, § 5 . . . . . 120—121
Компетенція суда общества офицеровъ по дѣламъ о поединкахъ, § 6 . . . . . 121—124
Мѣры, принимаемыя судомъ для примиренія, § 7 124
Письменность производства суда, § 8 124
На сколько обязательно рѣшеніе суда общества офицеровъ, § 9. 125
Случаи столкновенія оберъ-офицера съ штабъ-офицеромъ или съ генераломъ или съ чиновникомъ воен. вѣдомства, § 10 . 125
Случаи столкновенія съ гражданскими чинами, § 11 . . . . 126—128
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Условія дуэли (техническая сторона поединка).
Общее положеніе, § 12 . . . . . 128—129
Вызовъ и принятіе вызова. Общій характеръ поединка. Лица, участвующія въ боѣ. Кто признается неправоспособнымъ. Отказъ отъ дуэли. Оружіе. Мотивы дуэли. Мѣсто, время, равенство шансовъ боя. Преимущества огнестрѣльнаго оружія. Секунданты; условія, которымъ они должны удовлетворять; нравственная отвѣтственность секундантовъ. Выборы распорядителя (посредника) и значеніе послѣдняго. Переговоры между секундантами. Сношенія ихъ съ кліентами. Общія условія дуэли. Роль суда общества офицеровъ въ установленіи условій дуэли. Условія дуэли сообразно тяжести оскорбленія. Случаи оскорбленія, нанесеннаго нѣсколькими лицами, и наоборотъ, § 13 . . . . . 129—147
Подготовительныя дѣйствія къ бою, § 14 . . . . . 148—150
Существо самаго поединка (боя) на холодномъ оружіи и на пистолетахъ. Разные виды поединка на пистолетахъ, § 15—16 . . . . . 151—158
Обязанности секундантовъ во время самаго поединка (боя), § 17 158—160
III. Наказуемость дуэли до дѣйствующему законодательству.
ГЛАВА ПЕРВАЯ. По Воинскому Уставу о наказаніяхъ, § 18. 161—162
ГЛАВА ВТОРАЯ. По Уложенію о наказаніяхъ, уголовныхъ и исправительныхъ.
А. Дуэлянты. За вызовъ. За принятіе вызова. За поединокъ состоявшійся. За поединокъ безъ секундантовъ. Примиреніе дуэлянтовъ, §§ 19—23 . . . . . 162—165
Б. Участники и прикосновенные.
Подстрекатели къ поединку. Передатчики вызова. Секунданты. Случайные свидѣтели. Врачи. Всѣ остальныя лица, §§ 24—29. 165—168
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Общія соображенія относительно наказуемости военно-служащихъ за дуэли, въ виду новаго закона о дуэляхъ въ офицерской средѣ, § 30 . . . . . 168—172
IV. Приложенія: 1-е. Новый проектъ Уголовнаго Уложенія. Глава XXII. «Поединокъ» . . . . . 173—175
2-е. Образецъ протокола дуэли . . . . . 176—177

Приказомъ по Военному Вѣдомству отъ 20 мая 1894 года, за № 118, даровано офицерамъ Россійской Арміи право защищать свою честь съ оружіемъ въ рукахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣмъ же приказомъ еще болѣе поднято значеніе суда общества офицеровъ, которому предоставлено право разрѣшать вопросъ объ умѣстности и необходимости дуэли въ каждомъ данномъ случаѣ, участвовать, затѣмъ, вмѣстѣ съ секундантами, въ установленіи условій самой дуэли, когда послѣдняя оказывается неизбѣжною, и удалять изъ своей части, какъ тѣхъ офицеровъ, которые отказались въ подлежащихъ случаяхъ потребовать или дать должное удовлетвореніе за оскорбленіе чести, такъ и тѣхъ, которые, защищая на дуэли свою честь или давая удовлетвореніе оскорбленному, не проявили при этомъ истиннаго чувства чести и личнаго достоинства.

Такимъ образомъ, этими законоположеніями затрогиваются самые дорогіе для офицеровъ интересы, а потому, естественно, что каждый изъ нихъ долженъ твердо знать, какъ положеніе о судѣ общества офицеровъ, такъ и правила о поединкахъ въ офицерской средѣ, и усвоить ихъ предпочтительнѣе и глубже предъ всѣми прочими положеніями и руководствами по военному вѣдомству.

Предлагаемый трудъ заключаетъ въ себѣ не только всѣ эти законоположенія со всѣми разъясненіями и толкованіями, но и руководство офицерамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имъ придется защищать свою честь. Условія (правила) дуэли освящены обычаемъ и преданіями и составляютъ предметъ особаго кодекса принципа чести (législation du point d'honneur). Этотъ кодексъ, представляя собою сборникъ записанныхъ обычаевъ, изложенъ былъ впервые въ книгѣ Шатовильяра «Essai sur le duel» 1836 г., которая является источникомъ законодательства принципа чести. Впослѣдствіи появились комментаріи правилъ, содержащихся въ *Essai sur le duel,* а именно сочиненіе гр. Верже «Nouveau Code du duel» 1879 г. и Кроаббона «La science du d'honneur point» 1894 г. Эти сочиненія и послужили

источникомъ при изложеніи правилъ о дуэли. Кромѣ указанныхъ источниковъ принятъ въ соображеніе составленный генер.-лейтен. Кирѣевымъ «Проектъ правилъ для поединковъ въ офицерской средѣ», бывшій на разсмотрѣніи особой коммиссіи, образованной подъ предсѣдательствомъ ген.-лейт. Струкова.

Со введеніемъ въ нашей арміи закона о поединкахъ замѣчены прискорбные случаи дуэлей по ничтожнымъ поводамъ, а именно — во многихъ случаяхъ дуэли отличались несоотвѣтственностью между характеромъ нанесенной обиды и родомъ дуэли и неправильною оцѣнкою обиды (ихъ значенія); сверхъ того, нерѣдко поединки отличались отсутствіемъ всѣхъ традиціонныхъ условій боя. Подобныя ненормальныя явленія, справедливо вызывая общественное негодованіе, объясняются, главнымъ образомъ, непониманіемъ основныхъ началъ и духа закона о поединкахъ и, отчасти, незнаніемъ установленныхъ обычаемъ и закономъ правилъ о дуэли. Предлагаемая книга имѣетъ цѣлью дать вѣрное и точное изложеніе дѣйствующихъ законовъ и тѣхъ основныхъ началъ, т. е. законодательныхъ мотивовъ, которые послужили источникомъ той или другой статьи закона и содержатъ въ себѣ указанія относительно условій ея примѣненія. Поэтому, настоящій трудъ имѣетъ значеніе настольной книги не только для командировъ отдѣльныхъ частей, на которыхъ закономъ возложена первѣйшая обязанность по охраненію чести во ввѣренныхъ имъ частяхъ, но и для всѣхъ военнослужащихъ.

Въ концѣ книги приложены постановленія о поединкѣ по проекту новаго «Уголовнаго Уложенія»; это послѣднее предполагаютъ, въ недалекомъ будущемъ, ввести въ дѣйствіе взамѣнъ нынѣшняго «Уложенія о наказаніяхъ, уголовныхъ и исправительныхъ». Изготовленный проектъ Уголовнаго Уложенія опубликованъ въ концѣ сентября мѣсяца 1895 года, въ сентябрьской книжкѣ «Журнала Министерства Юстиціи».

Г. Гельсингфорсъ,
10 іюля 1898 г.

Часть первая.

Судъ общества офицеровъ.

I.

Краткій историческій очеркъ [1]).

Суды общества офицеровъ или суды чести имѣютъ цѣлью оберегать и сохранять незапятнанною честь какъ всего общества офицеровъ, такъ и каждаго въ отдѣльности.

Понятіе о «чести», такъ называемой сословной чести, явилось впервые въ средніе вѣка, въ эпоху феодализма и рыцарства. Рыцарство создало и развило то понятіе о чести (point d'honneur), которое впослѣдствіи сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ сословной чести военнаго дворянства, рыцарства нашихъ дней. Этотъ point d'honneur составлялъ главную нравственную черту отличія дворянства, отъ буржуазіи и простолюдиновъ; это была его профессія; рыцари, по тогдашнему выраженію, были люди, qui font la profession expresse de l'honneur.

Вмѣстѣ съ развитіемъ point d'honneur явилась дуэль или поединокъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе оскорбленія чести. Феодальные бароны разбирались между собою во всѣхъ распряхъ вооруженнымъ боемъ: право войны принадлежало каждому изъ нихъ. Съ усиленіемъ государственной власти короли присвоили только себѣ право войны: они разрушили феодальные замки и потребовали, чтобы бароны подчинились въ своихъ спорахъ королевскимъ

---

[1]) Спасовичъ «О преступленіяхъ противъ чести» (Журн. Мин. Юст. 1860 г., III); Таганцевъ «Лекціи по угол. праву»; Лохвицкій «Курсъ Угол. Пр.»; Фалецкій «Суды чести въ Пруссіи»; Неклюдовъ «Особенная часть Русск. Угол. Пр.»; Бобровскій «Военн. Право въ Россіи при Петрѣ В.», «Періодъ преобразованій Петра В.», «Происхожденіе воинскихъ артикуловъ», «Преступленія противъ чести по русскимъ законамъ до начала XVIII в.», Бѣляевъ «Лекціи по исторіи русск. законодат.»; Соловьевъ «Исторія Россіи»; Адольфъ Когутъ «Книга замѣчательныхъ дуэлей» (на нѣмецкомъ языкѣ); Леонардъ Шверинъ, «Цѣль, значеніе и примѣненіе положенія о судѣ чести въ Прусской арміи» (на нѣм. яз.); Тардъ «О дуэли» (на франц. яз.), Кроаббонъ «Наука о принципѣ чести» (на франц. яз.); «Воен. Сборникъ»; Законодательныя работы по составленію и по пересмотру Дисциплинарнаго Устава; справки изъ Архива бывшаго Инспекторскаго Департамента и др.

судамъ. Рыцари уступили королямъ, но не вполнѣ: они согласились, чтобы распри ихъ объ интересахъ имущественныхъ разбирались королевскими судилищами, но не дѣла объ оскорбленіи чести. Тогда короли запретили дуэли и за нихъ, какъ за преступленія государственныя, какъ за тяжкое посягательство на прерогативы королевской власти, была назначена смертная казнь, вмѣстѣ съ разными унизительными добавочными наказаніями. Мало того, наказаніе нерѣдко распространялось (ordonance 1609 г.) и на дѣтей лицъ, виновныхъ въ дуэли, которые лишались на опредѣленное время дворянскаго званія и право поступать на королевскую службу. Дуэль не погашалась никакою давностью, даже смерть виновнаго не останавливала уголовнаго преслѣдованія, такъ какъ допускался процессъ противъ памяти умершаго.

Несмотря на суровые запреты законодателей, дуэль распространяется все болѣе и болѣе, особенно во Франціи. Такъ, по свидѣтельству современниковъ, въ одно царствованіе Генриха IV, во Франціи, съ 1589 по 1608 г., погибло на дуэли отъ 7.000 до 8.000 человѣкъ. Число дуэлей особенно увеличилось въ XVI вѣкѣ потому, что съ 1580 года явился обычай, что и свидѣтели поединка также дрались съ свидѣтелями противной стороны, въ качествѣ seconds, tiers, quarts; такъ что поединокъ обратился какъ-бы въ сраженіе, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, что каждый дрался съ противникомъ одинъ на одинъ. Безсиліемъ закона объясняется и огромное число эдиктовъ о дуэли. Строгость наказанія еще болѣе усиливается въ эдиктахъ XVII вѣка Людовиковъ XIII и XIV, и достигаетъ наивысшаго развитія въ извѣстномъ édit des duels 1679 г. Былъ учрежденъ даже особенный судъ чести (судъ маршаловъ), которому было предоставлено, какъ высшему авторитету, разрѣшать всѣ вопросы чести и благородства, примирять поссорившихся дворянъ и предупреждать между ними дуэль, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшать поединки, когда таковые признавались имъ самимъ необходимыми для возстановленія поруганной чести. Но ни казни, ни объявленія, что король принимаетъ на себя обиду того, кто отказался выйдти на поединокъ, ни учрежденіе маршальскихъ судовъ (судовъ чести), не унимали дворянство. Строгость законовъ вела

только къ тому, что поединки приняли болѣе мрачный характеръ: они происходили безъ свидѣтелей, въ глухихъ мѣстахъ, даже ввелся поединокъ—самоубійство, т. е. поссорившіеся бросали жребій и вынувшій несчастный—лишалъ себя жизни.

Короли, въ большинствѣ случаевъ, не рѣшались исполнять своихъ постановленій, и прощенія виновныхъ въ поединкахъ были безпрерывныя. Такъ, въ мемуарахъ того времени указано, что съ восшествія на престолъ Генриха IV въ 1589 году и до конца 1608 года было до 7.000 указовъ о помилованіи по дѣламъ этого рода. Сами каратели поединковъ сочувствовали имъ до извѣстной степени: бывали примѣры, что и короли вызывали другъ друга на поединокъ. Такъ императоръ Карлъ V получилъ вызовъ на поединокъ отъ Франциска I, короля французскаго. Король Густавъ-Адольфъ былъ страстный противникъ дуэли. А между тѣмъ, давши пощечину полковнику Скатону въ порывѣ гнѣва и узнавъ, что оскорбленный офицеръ рѣшилъ немедленно уѣхать за-границу, тотъ-же король поспѣшилъ нагнать его на границѣ и, подавая ему одинъ изъ своихъ пистолетовъ, сказалъ: «здѣсь, гдѣ кончается мое королевство, Густавъ-Адольфъ уже болѣе не король, и здѣсь, какъ честный человѣкъ, я готовъ дать удовлетвореніе другому честному человѣку» [1]).

Все это доказываетъ, что рыцарскій обычай дуэли оказался могущественнѣе законовъ. Фридрихъ II, первый изъ прусскихъ королей убѣдился, что наказаніе не есть дѣйствительное средство для уничтоженія дуэлей: оно даетъ только возможность злоупотреблять закономъ. Онъ видѣлъ, что обыкновенный судъ не вполнѣ можетъ удовлетворить обиженнаго: «le point de la difficulté, qui reste à resoudre, serait le trouver un expédient, qui en conservant l'honneur aux particuliers, maintiendrait la loi dans toute sa rigueur» [«Задача, которую остается рѣшить, состоитъ въ томъ, чтобы найти средство, которое, охраняя честь отдѣль-

---

[1]) Любопытенъ отзывъ о дуэли императора Николая I, приводимый въ «Запискахъ Смирновой» («Сѣверн. Вѣстн.» 1895 г. октябрь) ...«Я ненавижу дуэль—говорилъ онъ.—Это—варварство. На мой взглядъ въ ней нѣтъ ничего рыцарскаго. Герцогъ Веллингтонъ уничтожилъ ее въ англійской арміи, и хорошо сдѣлалъ».

ныхъ лицъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оставляло бы законъ въ своей силѣ»] [1]).

Единственнымъ средствомъ, по мнѣнію Фридриха II, былъ судъ чести, который долженъ быть верховнымъ судьей въ дѣлахъ о поединкахъ и во всѣхъ ссорахъ и обидахъ между собою прусскихъ офицеровъ. Въ 1785 году былъ изданъ проэктъ общаго закона, но однакожъ военная коллегія воспротивилась принятію его и указомъ короля, 21 мая 1791 г., великому канцлеру, прежній запретительный законъ о дуэли (1713 г.) оставленъ въ своей силѣ. Пруссія сильно поплатилась за свою палочную систему. Въ два сраженія (ауэрштедское и іенское), она вмѣстѣ съ войскомъ потеряла почти и всѣ свои владѣнія. Дѣйствительно, войско ея было во всѣхъ отношеніяхъ дурно. Дисциплина держалась только страхомъ наказанія. И потому, когда прусское войско встрѣтилось съ разумно-воодушевленнымъ войскомъ французовъ, то было разбито, и тогда только прусское правительство увидѣло всю несостоятельность своей военной организаціи. Два реформатора, Шарнгорстъ и Штейнъ, рѣшились замѣнить эту систему болѣе нравственною. Они почти-уничтожили въ войскахъ тѣлесное наказаніе; а для офицеровъ, подъ ихъ вліяніемъ, вышелъ, 3-го августа 1808 года, королевскій указъ, по которому трибуналы чести (Ehrengerichte) въ первый разъ были признаны законнымъ учрежденіемъ. Окончательное устройство суды чести получили въ 1843 году (указъ 20 іюня 1843 г.). Цѣль этихъ судовъ— охраненіе чести офицерскаго званія. Эти суды и послужили прототипомъ нашему суду общества офицеровъ, введенному въ дѣйствіе въ нашей арміи въ 1863 году.

Въ Россіи не было ни феодальныхъ порядковъ, ни рыцарства. Поэтому, Русь до Петра Великаго не знала и не имѣла понятія о той чести, которое на западѣ наслѣдовалось отъ рыцарскихъ орденовъ. Начиная съ Петра Великаго, все заимствовалось у Запада. Всѣ реформы Петра I проникнуты вліяніемъ западно-европейскихъ идей. По западному образцу учреждена регулярная армія и образованъ флотъ. Въ военныхъ законахъ Петра Великаго (въ арти-

---

[1]) Извѣстно, что Фридрихъ Великій, пренебрегая своимъ отечественнымъ языкомъ, всегда говорилъ и писалъ по французски.

кулѣ воинскомъ и въ уставахъ: воинскомъ 1716 г. и морскомъ 1720 г.) повѣяло новымъ духомъ: поднято человѣческое достоинство солдата, признана въ немъ личность съ правомъ на честь и уваженіе. Преобразователь Россіи, желая поднять личность воина, съ одной стороны, старался возбудить въ немъ нравственное достоинство, внутреннюю честь, какъ неотъемлемую принадлежность каждаго человѣка, а съ другой стороны—требовалъ, чтобы и послѣдняго солдата *каждый* уважалъ какъ воина, чтобы *никто* не порочилъ его личность, какъ слуги отечества.

Дѣйствительно, въ русской арміи, одержавшей величайшую побѣду подъ Полтавою, понятіе о чести стояло на весьма высокой степени: невозможно и сравнить солдатъ полтавскаго періода съ солдатами азовскихъ походовъ.

«Честь и достоинство каждаго воина, каждаго солдата въ регулярной арміи Петра выростали вмѣстѣ съ подъемомъ величія своего вѣнценоснаго предводителя» [1]).

Создавая армію, Императоръ Петръ Великій ясно сознавалъ, что армія тогда только будетъ на высотѣ своего призванія, когда ея руководители—офицеры—проникнуты чувствомъ чести и сознаніемъ высокаго значенія воина, слуги отечества, когда офицеры, какъ наставники солдата, высоко стоятъ по своему нравственному уровню и воспитанію въ духѣ чести. Поэтому Создатель русской арміи особенно заботился о нравственности въ средѣ офицеровъ, и, съ этой цѣлью, въ 1720 году послѣдовалъ указъ Императора Петра I военной коллегіи слѣдующаго содержанія:

«Во всѣхъ полевыхъ и гарнизонныхъ полкахъ объявить, что ежели въ которыхъ полкахъ явятся такіе офицеры, что за шумствомъ и другими непотребными ихъ поступками въ службѣ имъ быть невозможно, такихъ свидѣтельствовать всѣмъ того полка штабъ и оберъ-офицерамъ по совѣсти и подъ присягой и тѣ свидѣтельства заручать, описывая обстоятельно ихъ шумство и тѣ другіе непотребные ихъ поступки, и потомъ каждому аншефу такія подлинныя свидѣтельства, при своемъ доношеніи, присылать для рѣшенія въ военную коллегію».

Этимъ указомъ впервые установлено, чтобы поведеніе

---

[1]) Журн. Гр. и Угол. Права 1889 г. № 10 «Преступленія противъ чести по русскимъ законамъ до начала XVIII в.» Ген.-Лейт. Бобровскаго, стр. 94.

офицера обсуждалось товарищами, и такому обсужденію поступковъ придается значеніе суда чести. Слѣдовательно, у насъ, въ Россіи, Петръ Великій положилъ начало общественнымъ судамъ офицеровъ въ полкахъ, хотя для нихъ не было указано точно опредѣленныхъ правилъ и они не имѣли, ясно опредѣленныхъ закономъ, карательныхъ мѣръ.

Объ отмѣнѣ этого указа не видно до 1829 года; но въ дѣлахъ начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества безпрестанно подтверждается, чтобы общество офицеровъ объясняло причины, на основаніи которыхъ оно удаляло изъ полка офицеровъ за дурное поведеніе и предосудительные поступки.

Въ 1808 году вышелъ указъ, чтобы офицеры давали свидѣтельства офицерамъ, увольняемымъ за ранами и по болѣзни, для полученія пенсіи.

Въ 1822 году, въ приказѣ начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества снова подтверждается обществамъ офицеровъ, чтобы они непремѣнно излагали причины, по которымъ они увольняютъ изъ полковъ своихъ товарищей.

Въ 1829 году всѣ существовавшія о свидѣтельствахъ постановленія отмѣнены. Поводомъ къ отмѣнѣ послужилъ слѣдующій случай[1]). Въ 1825 году, въ одномъ полку офицеръ тяжко оскорбилъ подполковника того же полка. Тогда бригадный и полковой командиры просили у начальника дивизіи разрѣшить имъ написать подполковнику письмо за подписью всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ этой бригады, въ которомъ бы они могли ему выразить свое сожалѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявить желаніе продолжать съ нимъ службу. Но начальникъ дивизіи не удовольствовался одной бригадой, а предложилъ и другой бригадѣ его же дивизіи принять участіе въ подписаніи письма. Многіе офицеры этой второй бригады, считая это необязательнымъ для себя, не подписали письма къ подполковнику. Начальникъ дивизіи донесъ о семъ корпусному командиру и сей послѣдній предписалъ арестовать всѣхъ неподписавшихъ письма, а главные изъ нихъ, по представленію начальника же дивизіи, уволены отъ службы. Уволенные офицеры, прибывъ

---

[1]) Статья Фалецкаго «Суды чести въ Пруссіи» (Отечеств. Зап. 1863 г., мартъ, стр. 266—267).

въ Петербургъ, подали прошеніе на Высочайшее Имя, въ которомъ просили предать ихъ суду. Военный судъ, который былъ назначенъ по ихъ просьбѣ, совершенно ихъ оправдалъ; приговоръ его былъ утвержденъ военнымъ министромъ.

Аудиторіатскій департаментъ, разсудивъ, что все это произошло отъ письма, предложеннаго начальникомъ для подписи офицерамъ, положилъ: воспретить на будущее время требовать такого рода письма, какъ дающія поводъ къ нарушенію военной дисциплины. Государь Императоръ утвердилъ это опредѣленіе и призналъ, что вообще должно запретить всѣ свидѣтельства и подписки общества офицеровъ, по какому бы случаю они не выдавались, какъ вредныя и могущія нарушить военную дисциплину. Вслѣдствіе этого и состоялось 21 января 1829 года Высочайшее повелѣніе на имя начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, генералъ-адъютанта Дибича, о прекращеніи выдачи офицерами своимъ товарищамъ какого бы то ни было рода свидѣтельствъ.

По этому повелѣнію, право удалять изъ общества офицеровъ порочныхъ лицъ предоставлено было ближайшему начальству.

Въ восточную войну, для укомплектованія арміи, понадобилось большое число офицеровъ, а потому строгой разборчивости въ выборѣ изъ желавшихъ поступить на службу не было. По окончаніи же войны, для уменьшенія расходовъ по военному министерству, а равно для удаленія изъ полковъ лицъ, порочащихъ званіе офицера, воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное въ приказѣ военнаго министра отъ 8 августа 1856 года, дополненное и разъясненное приказомъ 6 декабря того же года.

Этими приказами предоставлялось полковымъ командирамъ и начальникамъ, имѣющимъ равную власть съ первыми, входить съ представленіемъ, по командѣ, къ корпуснымъ командирамъ объ удаленіи отъ службы офицеровъ, неаттестующихся по формулярнымъ и кондуитнымъ спискамъ. По разсмотрѣніи и утвержденіи донесеній корпуснымъ командиромъ, полковые командиры должны были предложить этимъ офицерамъ подать въ отставку; если же эти офицеры не изъявятъ на это согласія, то полковые

командиры и безъ его должны представить ихъ къ увольненію отъ службы, но съ тѣмъ, чтобы въ Высочайшихъ приказахъ не объявлялись причины ихъ удаленія. Жалобъ же отъ увольняемыхъ офицеровъ не принималось.

Приказы эти были не болѣе какъ временная мѣра. Въ 1863 году, при разработкѣ въ законодательномъ порядкѣ положенія о взысканіяхъ дисциплинарныхъ, явился вопросъ о необходимости введенія суда общества офицеровъ, какъ лучшаго средства къ сохраненію, поддержанію и развитію чувства долга, чести и нравственности между офицерами, содѣйствующаго въ то же время и къ столь необходимому взаимному сближенію офицеровъ одного и того же полка.

Въ томъ же 1863 году объявлено было «Положеніе объ охраненіи воинской дисциплины и о взысканіяхъ дисциплинарныхъ», которымъ введены «суды общества офицеровъ». По закону 1863 года организація нашего суда общества офицеровъ близко подходила къ организаціи судовъ чести Пруссіи. Судъ составлялся изъ всѣхъ наличныхъ оберъ-офицеровъ полка и этому суду подлежали только одни оберъ-офицеры. При этомъ, въ каждомъ полку избирался «совѣтъ посредниковъ», состоявшій изъ 5 человѣкъ, а въ отдѣльныхъ баталіонахъ и артиллерійскихъ бригадахъ—изъ 3 оберъ-офицеровъ. На обязанности этого совѣта лежало собраніе достовѣрныхъ свѣдѣній о предосудительномъ поступкѣ офицера путемъ дознанія, а также первоначальный разборъ ссоръ между офицерами и изысканіе средствъ къ ихъ примиренію. Затѣмъ совѣту предоставлено было право, въ случаѣ убѣжденія въ виновности офицера, предложить ему, съ разрѣшенія командира полка, оставить полкъ и подать въ отставку, назначая для того трехдневный срокъ. Если обвиняемый не исполнялъ требованіе совѣта или между членами совѣта возникало разномысліе, то дѣло передавалось на рѣшеніе всего общества оберъ-офицеровъ, которое созывалось не иначе, какъ по распоряженію полковаго командира. Судъ общества офицеровъ, по выслушаніи письменнаго донесенія совѣта посредниковъ, рѣшалъ только одинъ вопросъ: слѣдуетъ ли обвиняемаго признать подлежащимъ удаленію изъ полка и увольненію отъ службы, или признать его, по долгу совѣсти и чести, свободнымъ отъ всякаго укора въ нарушеніи обязанностей и достоинства своего званія.

Приговоры суда общества офицеровъ считались окончательными и обжалованіе ихъ не допускалось.

Въ такомъ видѣ судъ общества офицеровъ былъ введенъ въ дѣйствіе въ войскахъ въ 1863 году. Когда же, съ изданіемъ, въ 1867 году, Военно-Судебнаго Устава, а въ 1868 году Воинскаго Устава о наказаніяхъ, явилась необходимость согласовать съ ними Положеніе о взысканіяхъ дисциплинарныхъ 1863 года, то, въ числѣ другихъ вопросовъ, былъ предложенъ на обсужденіе, пересматривавшей Положеніе, коммисіи, вопросъ о необходимости нѣкоторыхъ существенныхъ измѣненій и въ положеніи о судѣ общества офицеровъ.

Четырехлѣтній опытъ примѣненія суда офицеровъ въ нашихъ войскахъ указалъ: 1) Что учрежденіе двухъ инстанцій—совѣта посредниковъ и общаго собранія оберъ-офицеровъ полка служило поводомъ къ возбужденію между ними прискорбныхъ несогласій, потому что, если совѣтъ посредниковъ предлагалъ обвиняемому подать въ отставку, а общее собраніе оправдывало его, то совѣтъ посредниковъ, не считая себя представителемъ мнѣнія общества офицеровъ, слагалъ съ себя свое званіе и, конечно, имѣлъ неблагопріятное вліяніе какъ на выборъ новаго совѣта, такъ на дальнѣйшія общія собранія офицеровъ. 2) Вообще, общее собраніе офицеровъ собиралось весьма рѣдко, такъ какъ невозможно было собирать всѣхъ оберъ-офицеровъ въ полкахъ арміи, которые большую часть года расположены на широкихъ квартирахъ. 3) Собраніе 60 оберъ-офицеровъ, преимущественно молодыхъ, созванное для разбирательства вопросовъ, столь щекотливыхъ, какъ обсужденіе поступковъ товарища, давало иногда поводъ къ безпорядкамъ, противнымъ дѣлу военнаго быта и дисциплины, и порождало раздѣленіе офицеровъ на партіи. 4) Къ совѣту посредниковъ общество офицеровъ относилось съ довѣріемъ, и большею частью дѣла оканчивались однимъ постановленіемъ совѣта, такъ какъ обвиняемый добровольно подчинялся его рѣшенію и рѣдко рѣшался предоставлять свою участь рѣшенію общаго собранія оберъ-офицеровъ полка. 5) При обсужденіи тѣхъ проступковъ, которые подлежатъ суду общества офицеровъ, необходимо участіе старослуживыхъ офицеровъ: честь полка болѣе дорога тому, кто долго прослу-

жилъ въ части, кому полкъ уже сдѣлался семьею, а потому подобныя сужденія и не могутъ быть довѣряемы молодымъ людямъ, которые, съ недостаткомъ жизненнаго опыта вообще, едва ли могутъ быть самостоятельными и безпристрастными судьями въ дѣлѣ практической жизни. И наконецъ, 6) при предполагаемомъ измѣненіи суда общества офицеровъ устранится выраженная нѣкоторыми начальствующими лицами возможность удаленія изъ части старшихъ офицеровъ младшими изъ личныхъ видовъ, для болѣе скораго производства по линіи.

Въ виду изложенныхъ соображеній особая коммисія, образованная въ 1867 году, для пересмотра дисциплинарнаго положенія, пришла къ выводу, что совѣтъ песредниковъ, нѣсколько видоизмѣненный противъ существующаго, есть именно тотъ судъ, который единственно возможенъ въ войскахъ.

Въ 1869 году послѣдовало преобразованіе суда общества офицеровъ сообразно указанному выше выводу коммисіи. Согласно этому измѣненію, судъ общества офицеровъ составляется уже не изъ всѣхъ офицеровъ полка, а изъ нѣсколькихъ выборныхъ лицъ: въ полкахъ—изъ 7 членовъ, избираемыхъ изъ числа штабъ-офицеровъ, ротныхъ командировъ и прочихъ офицеровъ не ниже штабсъ-капитанскаго чина, а въ отдѣльныхъ баталіонахъ, въ артиллерійскихъ бригадахъ и другихъ равныхъ имъ частяхъ — изъ 5 членовъ, избираемыхъ также изъ числа штабъ и оберъ-офицеровъ: 3-хъ не ниже штабсъ–капитана и 2-хъ не ниже поручика (ст. 134 Дисциплинарнаго Устава, XXIII кн. С. В. П. 1869 года).

Эта организація суда общества офицеровъ осталась безъ измѣненія и при послѣдующихъ пересмотрахъ Дисциплинарнаго Устава, и только въ послѣднемъ, новѣйшемъ изданіи устава (Высочайше утвержденнаго 28 мая 1888 г.) сдѣлано дополненіе: «въ составѣ суда общества офицеровъ *обязательно* избираются: во всѣхъ полкахъ и артиллерійскихъ бригадахъ — не менѣе одного штабъ-офицера и одного капитана, а въ отдѣльныхъ баталіонахъ и равныхъ имъ частяхъ—не менѣе одного капитана» (ст. 136).

II.

Судъ общества офицеровъ по дѣйствующему законодательству [1]).

(Глава XIV Уст. Дисц. изданія 1888 г.).

Глава I.

Назначеніе суда.

§ **1.** Назначеніе суда общества офицеровъ выражено въ законѣ такъ: «*Для охраненія достоинства военной службы, офицеры, замѣченные въ неодобрительномъ поведеніи или поступкахъ, хотя не подлежащихъ дѣйствію уголовныхъ законовъ, но не совмѣстныхъ съ понятіями о воинской чести и доблести офицерскаго званія или изобличающихъ въ офицерѣ отсутствіе правилъ нравственности и благородства, подвергаются суду общества офицеровъ. Суду этому предоставляется также разборъ случающихся между офицерами ссоръ*» (ст. 130 Дисц. Уст.).

Слѣдовательно судъ общества офицеровъ, имѣя цѣлью охраненіе чести и достоинства офицерскаго званія, представляетъ собой лучшій авторитетъ по всѣмъ вопросамъ чести и благородства; онъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣрный хранитель и выразитель традицій своей чести.

§ **2.** Средствами для осуществленія указанной задачи суда общества офицеровъ служатъ: во первыхъ—*удаленіе*, въ потребныхъ случаяхъ, изъ офицерской среды тѣхъ чле-

---

[1]) Дисц. Уст. изд. 1888 г.; всеподданнѣйшіе доклады Коммисіи по пересмотру Дисц. Устава; законодательныя работы; основныя положенія проекта Дисц. Уст.; приказы по воен. вѣд., циркуляры Главн. Шт. и Главн. Воен. Суд. Управл.; рѣш. Гл. В. Суда.

новъ ея, которые позволяютъ себѣ дѣйствія, несовмѣстныя съ установившимися въ корпусѣ офицеровъ понятіями о правилахъ нравственности, чести и благородства; а во вторыхъ — *возстановленіе* чести офицера отъ неосновательныхъ обвиненій или подозрѣній въ поступкахъ, несовмѣстныхъ съ понятіями о воинской чести и доблести офицерскаго званія (156 ст. Дисц. Уст. и 29 стр. проекта основныхъ положеній о судѣ общества офицеровъ).

Возстановленіе чести отъ позорящихъ ее неосновательныхъ обвиненій достигается оправдательнымъ приговоромъ (1 п. 156 ст. Дисц. Уст.)

Возможны случаи, когда честь лишь подвергается опасности оскорбленія, и дѣйствія или упущенія обвиняемаго офицера не заключаютъ въ себѣ данныхъ, по которымъ онъ оказался бы недостойнымъ къ продолженію службы, и тогда судъ общества офицеровъ можетъ ограничиться однимъ *внушеніемъ* (2 п. 156 ст. Дисц. Уст.).

Глава II.

Предѣлы вѣдомства суда.

§ **3.** На основаніи 130 и 131 ст. Дисциплинарнаго Устава, вѣдомство суда общества офицеровъ распространяется только на такіе поступки, которые, во первыхъ — не составляютъ служебныхъ нарушеній и во вторыхъ — не подлежатъ дѣйствію уголовныхъ законовъ вообще. Поэтому, *поступки офицеровъ, соединенные съ нарушеніемъ обязанностей службы, воинскаго чинопочитанія или противные долгу службы и присяги* (131 ст. Дисц. Уст.), а равно *преступленія и проступки, предусмотрѣнные уголовными законами* (130 ст. Дисц. Уст.), вовсе изъемлются отъ суда общества офицеровъ.

Въ связи съ этимъ, не должно быть допускаемо разсмотрѣніе въ судѣ общества офицеровъ такихъ проступковъ, по которымъ уже состоялся приговоръ уголовнаго суда; но, съ другой стороны, нѣтъ основанія устранить вообще всякую возможность привлеченія къ этому суду офицеровъ

по дѣламъ, которыя разсматривались въ уголовномъ судѣ. Дѣйствительно, независимо отъ преступленія, за которое офицеръ преданъ суду (уголовному), съ его стороны могутъ существовать, или даже въ связи съ разсматриваемымъ преступленіемъ могутъ быть обнаружены такіе поступки, которые, не составляя дѣяній, запрещенныхъ закономъ и подлежащихъ посему вѣдѣнію уголовнаго суда, вмѣстѣ съ тѣмъ не совмѣстны съ понятіями воинской чести и достоинства офицерскаго званія. Очевидно, уголовный судъ не можетъ входить въ обсужденіе подобныхъ поступковъ подсудимаго, такъ какъ это выходитъ изъ круга его компетенціи, и слѣдовательно здѣсь совершенно законнымъ и основательнымъ является вмѣшательство суда общества офицеровъ. Далѣе, это вмѣшательство возможно даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда уголовный судъ признаетъ судимые имъ проступки офицера непреступными, но когда они, однако, хотя и не воспрещены уголовнымъ закономъ, но противны правиламъ нравственности и благородства. И при этомъ, конечно, уже безразлично, будутъ ли предосудительные поступки находиться въ связи съ преступленіями или проступками воинскими или съ преступленіями и проступками общими.

Слѣдовательно, *производство формальнаго уголовнаго суда не исключаетъ возможности передачи дѣла въ судъ общества офицеровъ и наоборотъ;* при чемъ привлеченіе къ суду общества офицеровъ возможно только послѣ рѣшенія дѣла въ уголовномъ судѣ, если предосудительные поступки, указанные въ 130 ст. (§ 1), соединены съ другими преступными дѣяніями, за которыя офицеръ преданъ уголовному суду.

Хотя по общему правилу, указанному выше (130 и 131 ст. Дисц. Уст.), поступки офицеровъ, составляющіе служебныя нарушенія (131 ст.) или преступленія или проступки, предусмотрѣнные уголовными законами (130 ст.), изъемлются отъ суда общества офицеровъ, но, тѣмъ не менѣе, — по разъясненію Главнаго Военнаго Суда въ рѣшеніи 1888 г. за № 101,—они могутъ быть обсуждаемы и судомъ чести,—до рѣшенія дѣла въ уголовномъ судѣ,— если только, по свойству и характеру своему, марають честь и достоинство офицерскаго званія (напр.: пьянство

и буйство). Подобное предварительное сужденіе офицера въ судѣ чести и *удаленіе* его, по приговору этого суда, *изъ службы является лишь мѣрой, охраняющей достоинство военной службы* и не можетъ избавлять виновнаго отъ уголовной отвѣтственности.

§ **4.** Суду общества офицеровъ подлежитъ и *разборъ случающихся между офицерами ссоръ* (ст. 130 Дисц. Уст.) и *дѣла о поединкахъ*, а именно — разрѣшеніе вопроса о степени грубости оскорбленія, въ смыслѣ неумѣстности или необходимости собственно поединка и вліяніе на установленіе самыхъ условій дуэли (приложеніе къ ст. 130 Дисц. Уст. въ видѣ «правилъ о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ», въ редакціи приказа по воен. вѣд. 1894 г. за № 118). Оскорбленія и ссоры между начальниками и подчиненными, а равно между старшими и младшими (между штабъ и оберъ-офицерами) не подлежатъ рѣшенію суда общества офицеровъ.

Вновь изданныя правила о дуэляхъ (прик. по в. в. 1894 г. № 118), *не касаясь вообще общихъ правъ суда общества офицеровъ* входить во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ въ обсужденіе неблаговидности поведенія офицера и постановлять объ удаленіи недостойныхъ офицеровъ изъ части, нисколько *не ограничиваютъ сихъ правъ и въ отношеніи каждаго случая дуэли, когда обнаружится, что офицеръ, защищая честь или давая удовлетвореніе оскорбленному, не проявилъ при этомъ истиннаго чувства чести и личнаго достоинства, а обнаружилъ стараніе соблюсти лишь одну форму* (см.: II часть книги «О дуэляхъ въ офицерской средѣ», § 2; прик. по в. в. 1894 г. за № 119).

§ **5.** Въ Дисциплинарномъ Уставѣ нѣтъ подробнаго перечисленія поступковъ, подлежащихъ вѣдомству суда общества офицеровъ. Уставъ въ 130 статьѣ дѣлаетъ только общее ихъ опредѣленіе, указывая однако, что поступки не должны составлять преступленій и проступковъ, предусмотрѣнныхъ уголовными законами, а также не должны касаться нарушенія служебныхъ обязанностей (ст. 131 Дисц. Уст.). При пересмотрѣ Дисциплинарнаго Устава въ послѣдней его редакціи указывалось, со стороны военныхъ начальниковъ, на необходимость перечисленія въ самомъ за-

конѣ нѣкоторыхъ чаще повторяющихся или отличающихся особенною безнравственностью проступковъ, не достойныхъ званія офицера. Но противъ этого перечисленія поступковъ, подлежащихъ суду общества офицеровъ, представлены были слѣдующія соображенія. Во первыхъ, перечислить всѣ эти поступки, при разнообразіи ихъ, невозможно; отсюда неизбѣжность пропусковъ и какъ послѣдствіе ихъ,—отсутствіе основаній для привлеченія виновныхъ къ суду общества офицеровъ. Во вторыхъ, если перечисленіе поступковъ допустить въ видѣ примѣра, то эта система можетъ ввести судъ общества офицеровъ въ заблужденіе, давъ основаніе предположить, что законъ придаетъ значеніе только лишь указаннымъ въ немъ поступкамъ, а ко всѣмъ прочимъ относится безразлично. Въ третьихъ, едва ли справедливъ высказанный нѣкоторыми начальниками взглядъ, что отсутствіе перечисленія въ законѣ тѣхъ поступковъ, которые могутъ подлежать суду общества офицеровъ, влечетъ бездѣйствіе его въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ. Законъ, напротивъ, предоставляетъ обществу офицеровъ полный просторъ; все, что хотя и не составляетъ нарушенія закона уголовнаго, но противно законамъ нравственности, правиламъ чести и благородства, можетъ быть преслѣдуемо судомъ этого общества. Бездѣйствіе судовъ скорѣе зависитъ отъ иной причины, именно отъ недостатка должнаго взгляда на то, что совмѣстно и не совмѣстно съ понятіями о воинской чести и достоинствѣ офицерскаго званія, а взглядъ этотъ укоренить путемъ предписаній закона, по самому существу суда общества офицеровъ, невозможно. Наконецъ, въ четвертыхъ, указаніе въ законѣ частныхъ случаевъ, подлежащихъ преслѣдованію этимъ судомъ, не можетъ устранить также и существованія слишкомъ узкихъ и мелочныхъ взглядовъ на воинскую честь и доблесть офицерскаго званія, существующихъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замкнутыхъ кружкахъ офицерскаго общества. Поэтому сохранено, какъ вполнѣ удовлетворительное, опредѣленіе поступковъ, подлежащихъ суду общества офицеровъ, заключающееся въ ст. 130 (мотивы къ проекту основныхъ положеній суда общ. офицеровъ, стр. 10—14). Въ виду упомянутаго уже выше указанія на то, что въ нашей арміи, въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ, существуютъ

слишкомъ узкіе и мелочные взгляды на воинскую честь, въ проектѣ основныхъ положеній суда общества офицеровъ проведена мысль, что *«въ признаніи извѣстныхъ поступковъ и дѣйствій офицера несовмѣстными съ воинскою честью и достоинствомъ офицерскаго званія судъ* (общества офицеровъ) *долженъ руководствоваться не взглядомъ замкнутаго кружка офицеровъ какой-либо отдѣльной части, а разумнымъ взглядомъ, установившимся во всемъ корпусѣ офицеровъ»* (стр. 74 основн. положеній).

Глава III.

Понятіе о чести [1]).

§ **6.** Идея чести—весьма высокая идея. Не только по естественному человѣческому разсужденію, но и по высшему нравственно-христіанскому сознанію — честь должна быть для человѣка дороже самой жизни. «Лучше мнѣ умереть, чѣмъ если похвалу—честь—мою кто уничтожилъ бы», говоритъ св. апостолъ Павелъ (1 Кор. IX, 15). Въ военномъ сословіи издавна было распространено и всегда имѣло особенное значеніе понятіе о чести. И не безъ основанія. Съ развитіемъ и укорененіемъ чувства чести въ войскахъ, въ нихъ въ то же время укрѣплялась полная и самоотверженная преданность идеѣ государства и связь чести съ патріотическимъ долгомъ.

§ **7.** Основою современнаго понятія о чести является идея нравственной личности и покоющееся на ней понятіе личнаго достоинства. Поэтому *честью называется то внутреннее чувство собственнаго человѣческаго достоинства, которое, съ одной стороны, побуждаетъ насъ направлять свою жизнь и дѣятельность согласно съ требованіями разума, съ внушеніями совѣсти, съ предписа-*

---

[1]) Таганцевъ «Лекціи по уголовн. праву»; Сергѣевскій «Обида по дѣйствующему русскому праву» (Юридич. Лѣтопись, 1890 г., II); Кавелинъ «Задачи этики (ученіе о нравственности при современ. условіяхъ знанія); Спасовичъ (Журн. Мин. Юст., 1860 г., III); Навроцкій «О воинской дисциплинѣ»; Иванцовъ-Платоновъ «Истинное понятіе о чести и фальшивыя представленія о ней»; Неклюдовъ «Особен. часть уголов. права», I томъ; Экштейнъ «Честь въ философіи и въ правѣ» (Юридич. Библіотека № 1); Нечаевъ «О судѣ чести въ Прусской арміи».

ніями закона христіанскаго и съ установившимися въ обществѣ правилами нравственной порядочности, а съ другой—вызываетъ въ насъ желаніе, чтобы и другіе считали насъ за людей, достойныхъ уваженія.

Это понятіе о чести заключаетъ въ себѣ два фактора: во первыхъ, — внутреннее чувство собственнаго достоинства человѣка, и во вторыхъ,—отношеніе другихъ къ нему. какъ къ личности, т. е. мнѣніе о немъ общества.

Чувство собственнаго достоинства человѣка представляетъ собой собственный, внутренній стимулъ къ честной, нравственной и добропорядочной жизни. Это чувство, само по себѣ, не есть что либо матеріальное, осязаемое, оно имѣетъ идейный характеръ, а потому взвѣшивается и оцѣнивается глазами собственной совѣсти и недоступно для нападенія извнѣ, для оскорбленія: честный человѣкъ остается честнымъ, что-бы ни дѣлали и не думали другіе. Но это чувство нравственнаго достоинства можетъ проявляться и во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ человѣка, и тогда оно взвѣшивается и оцѣнивается по тому значенію, какое оно имѣетъ для общества, государства или для людей. Чувство чести, проявляющееся во внѣшнемъ дѣйствіи, побуждаетъ каждаго человѣка направлять свою жизнь и дѣятельность согласно съ установившимися въ человѣческомъ обществѣ правилами нравственной порядочности, т. е. не нарушать своими внѣшними поступками, своимъ поведеніемъ общественныхъ нравовъ, обычаевъ, правилъ, какъ напримѣръ, выработанныхъ уже обществомъ правилъ приличія, благопристойности, способа и формы взаимнаго обращенія или обхожденія; не обнаруживать порочныя наклонности и не попирать дерзко и нагло божескіе и человѣческіе законы.

Существо чести, кромѣ внутренняго достоинства, *требуетъ и наружной оцѣнки, почета со стороны другихъ, какъ необходимаго дополненія.* Это притязаніе выражается внѣшнимъ образомъ въ стремленіи требовать отъ другихъ такого обращенія, которое принято въ отношеніяхъ къ людямъ добропорядочнымъ, т. е. чтобы другіе не выказывали пренебреженія къ его личному достоинству и воздерживались бы отъ всего того, что выражаетъ собою мысль о томъ, что человѣкъ не достоинъ уваженія и по своимъ ка-

чествамъ противорѣчитъ требованіямъ общественной нравственности. Противоположнаго къ нимъ обращенія мы не терпимъ, называемъ его оскорбленіемъ. Таковы основныя понятія чести. При современныхъ воззрѣніяхъ эта общечеловѣческая честь присуща всѣмъ людямъ, независимо отъ принадлежности ихъ къ тому или иному общественному классу. Поэтому, *все то, что безчестно съ точки зрѣнія гражданина, безчестно и съ точки зрѣнія военнаго.*

§ **8.** Рядомъ съ индивидуальной, личной жизнью, каждое лицо въ государствѣ имѣетъ и свою сферу общественной жизни, оно принадлежитъ къ извѣстному сословію, къ группѣ лицъ, занимающихся тѣмъ или другимъ промысломъ, занятіемъ. Всякое же такое организованное общество (корпорація) создаетъ свои особыя спеціальныя этическія нормы (нравы, обычаи, правила), обязательныя для всѣхъ его членовъ.

Этими этическими нормами создается такъ называемая *корпоративная честь*, та особенная честь, понятіе о которой находится въ зависимости отъ нравовъ того или иного сословія или класса (Standesehre, какъ называютъ нѣмцы), напримѣръ: честь дворянская, коммерческая и т. д., а въ войскѣ — воинская честь (честь мундира). Значеніе особенной, корпоративной чести проявляется въ томъ, что дѣяніе, безразличное вообще, становится позорнымъ и оскорбительнымъ, если оно относится къ лицу даннаго класса (корпораціи), роняя его именно въ средѣ этого класса. Напримѣръ, если трусость явится при нѣкоторыхъ условіяхъ извинительной для мирнаго гражданина, то для военнаго она всегда и вездѣ позорна.

По этому естественно, что честь каждаго такого кружка, корпораціи, отражается и на чести каждаго ихъ члена; къ личной чести примѣшивается, какъ ея элементъ, честь сословная, корпоративная; а при этихъ условіяхъ, доброе имя одного изъ членовъ корпораціи, его незапятнанная репутація, являются нераздѣльною честью и всѣхъ другихъ сочленовъ, а оскорбленіе, направленное прямо на одного, отражается посредственно и на остальныхъ.

§ **9.** Понятіе и значеніе *воинской чести* объясняется назначеніемъ войска.

Призваніе воина наиболѣе высокое изъ всѣхъ граждан-

скихъ обязанностей, а именно: защита Престола и Отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, охрана мира и культурнаго развитія государства, т. е. защита того, что для всѣхъ людей святѣе всего. Нравственный духъ войска, вытекающій изъ сознанія высокихъ задачъ и значенія арміи, обусловливаетъ собой развитіе понятія воинской чести. «Воинская честь выражается въ вѣрности Престолу, мужествѣ противъ непріятеля, въ презрѣніи труса; она есть высшее духовное благо арміи; армія погибла, если потеряна ея честь» [1]). Съ развитіемъ и укорененіемъ воинской чести нераздѣльно соединяется сознаніе и укрѣпленіе патріотическаго долга. Эти нравственныя начала вселяютъ въ армію тотъ великій воинскій духъ, который воодушевляетъ войска и ведетъ ихъ къ побѣдамъ.

Всѣ эти качества должны быть присущи каждому военнослужащему, какъ офицеру, такъ и солдату. Но офицеры, такъ сказать, «ядро и душа войска», должны отличаться наибольшимъ развитіемъ этихъ нравственныхъ качествъ и сохранять въ чистотѣ и неприкосновенности чувство чести, быть рыцарями въ самомъ идеальномъ значеніи этого слова. Если бы въ наше время существовали девизы, то каждый военный долженъ избрать для себя девизъ Баярда: *безъ страха и упрека*. Являясь хранителями чести, офицеры должны обладать не только общечеловѣческой честью, присущей каждому человѣку, но и такъ называемою военно-сословною честью.

При равенствѣ требованій чести и рыцарскихъ обычаевъ отъ всѣхъ товарищей по оружію, офицерское общество составляетъ одну корпорацію, одну военную семью. Каждый офицеръ, какъ членъ этой корпораціи, не можетъ относиться безразлично и произвольно къ установившимся въ этой корпораціи правиламъ и обычаямъ, и не можетъ оставаться равнодушнымъ, видя попраніе этихъ правилъ другимъ ея членомъ. Долгъ военно-сословной чести требуетъ, чтобы каждый офицеръ дорожилъ и былъ представителемъ чести не только для себя, но и во имя своего сословія.

---

[1]) Такъ опредѣляетъ воинскую честь знаменитый юристъ Лоренцъ Штейнъ въ своемъ сочиненіи о военномъ бытѣ «Die Lehre von Heerwesen».

Поэтому, каждый офицеръ долженъ поступать такимъ образомъ, чтобы не *замарать чести военнаго мундира* [1]), понимая подъ этимъ выраженіемъ понятіе о воинской чести и доблести офицерскаго званія, которыхъ мундиръ служитъ лишь нагляднымъ внѣшнимъ представителемъ. Имѣя честь носить полковой мундиръ, офицеръ является всегда и вездѣ однимъ изъ представителей полка и всегда долженъ помнить, что по его дѣйствіямъ составляется общественное мнѣніе о достоинствѣ всего полка [2]). Существо сословной чести требуетъ, чтобы офицерское достоинство признавалось и уважалось въ обществѣ, со стороны гражданъ. По этому, каждый офицеръ долженъ себя держать въ обществѣ такъ, чтобы своими дѣйствіями и образомъ мыслей не только не совершить ничего предосудительнаго и вообще того, что считается противнымъ общественнымъ понятіямъ о чести вообще и спеціально воинскимъ понятіямъ о доблести и достоинствѣ офицерскаго званія, но и не подвергнуть своего имени опасности, избѣгнуть самаго малѣйшаго намека на что либо противное чести и благородства. Въ частныхъ общественныхъ сношеніяхъ офицеръ долженъ относиться ко всѣмъ лицамъ другихъ сословій съ уваженіемъ и свое чувство собственнаго достоинства не долженъ выражать надменностью предъ этими лицами.

Вообще, офицеръ, гдѣ бы онъ ни былъ, ни на минуту не долженъ забывать требованій, соединенныхъ съ высокими обязанностями его званія, обязанъ во всемъ руководствоваться всевозможною осторожностью, дабы не дать никакого повода къ дурной молвѣ, и поступать обдуманно и съ достоинствомъ, однимъ словомъ такъ, чтобы всюду чувствовалъ себя представителемъ своего сословія и, какъ таковой, пользовался отъ всѣхъ видимыми знаками уваженія и почета.

Вообще же положительныхъ правилъ на всѣ разнообразные случаи,—примѣнительно ко времени, мѣсту, обстоятельствамъ,—установить нѣтъ никакой возможности. Спра-

---

[1]) Такъ называемая *честь мундира*—синонимъ воинской чести.

[2]) Среди офицеровъ германской арміи сохранилась старинная поговорка, которою какъ бы хотятъ сказать, что мнѣніе, сложившееся о любомъ офицерѣ среди корпуса офицеровъ, можетъ служить лучшею аттестаціею человѣка для всѣхъ остальныхъ классовъ общества Эта поговорка слѣдующая: «ты есть то, за что слывешь въ полку» (du bist, was du im Regimente gilst).

ведливое чувство сознанія своего собственнаго достоинства, чуждое высокомѣрія, тактъ и осторожность — единственныя средства охраненія и возвышенія значенія офицерскаго званія.

Въ прусской арміи, высочайшій приказъ Императора Германскаго, отъ 2 мая 1874 года, содержитъ въ себѣ прекрасное и достойное вниманія опредѣленіе какъ существа воинской чести, такъ и образа жизни офицера [1]).

«Я ожидаю отъ всего общества офицеровъ моей арміи, «что для него, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, «честь почитаться будетъ самою высшею драгоцѣнностью. «Сохраненіе ея чистой и безупречною должно составлять «священнѣйшій долгъ какъ всего сословія, такъ и каж-«даго офицера въ отдѣльности. Исполненіе этого долга офи-«церами неразрывно съ вполнѣ добросовѣстнымъ исполне-«ніемъ и другихъ обязанностей. Истинная честь не можетъ «существовать безъ преданности до готовности жертвовать «жизнью, безъ непоколебимаго мужества, неизмѣнной храб-«рости, повиновенія до самозабвенія, неуклонной правди-«вости, строжайшей скромности и выполненія другихъ, «даже иногда кажущихся малозначущими обязанностей. «И въ общественной жизни честь требуетъ отъ офицера «такого поддержанія имъ своего достоинства, чтобы всѣмъ «была очевидною его принадлежность къ сословію, кото-«рому довѣряется охрана престола и отечества. Офицеръ «долженъ стараться избирать себѣ такой кругъ знакомства, «гдѣ преобладаютъ нравственныя начала. И въ обществен-«ныхъ мѣстахъ офицеръ обязанъ постоянно памятовать, «что онъ не только образованный человѣкъ, но и храни-«тель чести и выразитель возвышеннѣйшихъ обязанностей «своего сословія. Офицеръ долженъ остерегаться всякаго «поступка, могущаго повредить не только его доброму «имени, но и имени каждаго въ отдѣльности и всего «общества офицеровъ въ совокупности. Въ особенности «ему слѣдуетъ избѣгать: распутства, пьянства и азартныхъ «игръ, исполненія какихъ бы то ни было обязанностей, «набрасывающихъ хотя малѣйшій намекъ на нечестный

---

[1]) Нечаевъ «О судѣ чести въ Прусской арміи» стр. 22—24.

«поступокъ; биржевой игры, участія въ промышленныхъ «обществахъ, ни цѣль, ни слава которыхъ не безупречны; «наживы сомнительными путями, и воздерживаться отъ «опрометчивой дачи честнаго слова. Чѣмъ сильнѣе въ дру- «гихъ сословіяхъ господствуетъ роскошь и широкая жизнь, «тѣмъ званіе офицера строже обязываетъ не забывать, «что одни матеріальныя блага не могутъ ему ни дать, ни «сохранить высокаго, почетнаго положенія на службѣ и «въ обществѣ. Памятовать это необходимо не потому, что- «бы изнѣженный образъ жизни особенно вредно вліялъ на «воинскія способности офицера, но въ виду опасности въ «томъ отношеніи, что такой образъ жизни вполнѣ рас- «шатываетъ основныя понятія объ офицерскомъ званіи, и «влечетъ за собою жажду къ наживѣ» [1]).

§ **10.** Хотя «положеніе о судѣ общества офицеровъ» не содержитъ въ себѣ объясненія понятія чести, но это умолчаніе объясняется тѣмъ, что понятіе о чести и сознаніе ея требованій присущи каждому человѣку, а тѣмъ болѣе офицеру, призванному беречь ее.

---

[1]) Офицеры германской арміи проникнуты сознаніемъ, что честь составляетъ лучшее украшеніе офицерскаго званія и долгъ всѣхъ офицеровъ вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности—сохранять ее чистою и незапятнанною. При этомъ подъ честью они подразумѣваютъ безупречное выполненіе всѣхъ обязанностей, такъ чтобы за каждый поступокъ въ своей жизни могли предстать безъ страха передъ любымъ судомъ чести, а равно и передъ своею совѣстью. Офицерамъ германской арміи внушаютъ, что для нихъ настоящая честь не можетъ существовать безъ вѣрности своему королю (а засимъ уже императору германскому), соединенной съ готовностью жертвовать жизнью, а равно безъ непоколебимаго мужества, безъ твердой рѣшимости, безъ саможертвующаго послушанія, безъ безкорыстной правдивости, безъ строгой молчаливости и безъ готовности жертвовать своими интересами для выполненія, повидимому, самыхъ незначительныхъ обязанностей. Надъ развитіемъ чувства чести среди офицеровъ германской арміи работаютъ уже очень давно. Такъ напримѣръ, мы видимъ, что въ старомъ сохранившемся постановленіи отъ 1714 года встрѣчаются слѣдующія слова короля: «тотъ офицеръ, который исполняетъ свой долгъ не по собственной амбиціи, а долженъ быть принуждаемъ къ службѣ, не заслуживаетъ быть офицеромъ» (Der jenige Offizier, welcher sein Devoir nicht aus eigener Ambition thut, sondern zu seinem Dienst angehalten werden muss, nicht meritirt Offizier zu sein).

Глава IV.

О подсудности.

О подсудности суду общества офицеровъ вообще. Порядокъ увольненія штабъ-офицеровъ.

§ **11.** *Суду общества офицеровъ подлежатъ одни оберъ-офицеры* (ст. 133 Дисц. Уст.).

При установленіи указомъ Императора Петра Великаго въ 1720 г. особаго порядка обсужденія обществомъ офицеровъ предосудительныхъ поступковъ ихъ товарищей, не дѣлалось никакихъ исключеній для штабъ-офицеровъ. Въ Германіи и Австріи вѣдомство судовъ чести распространяется не только на штабъ- и оберъ-офицеровъ, но даже и на генераловъ. Но при учрежденіи въ Россійской Арміи суда общества офицеровъ въ 1863 году сдѣлано изъятіе для штабъ-офицеровъ, вслѣдствіе неудобства разсмотрѣнія поступковъ штабъ-офицеровъ въ судахъ, составленныхъ изъ оберъ-офицеровъ, «въ видахъ поддержанія уваженія къ важному въ войскахъ штабъ-офицерскому званію» и затруднительности учрежденія, для устраненія этого неудобства, особыхъ штабъ-офицерскихъ судовъ (основн. положен. проекта о судѣ общ. офицеровъ, стр. 1—2). Но такъ какъ «штабъ-офицерскій чинъ вовсе не устраняетъ возможности со стороны офицера поступковъ, несовмѣстныхъ съ доблестью офицерскаго званія, а вмѣстѣ съ тѣмъ нареканіе за нихъ падаетъ на весь корпусъ офицеровъ» [1]), то для огражденія достоинства послѣдняго установлена слѣдующая административная мѣра: «*въ случаяхъ, когда штабъ-офицеры окажутся виновными въ проступкахъ, несовмѣстныхъ съ доблестью офицерскаго званія, они увольняются отъ службы* (въ дисциплинарномъ порядкѣ) *съ особаго на то Высочайшаго разрѣшенія* (ст. 164 Дисц. Уст.). Послѣдствія такого увольненія штабъ-офицеровъ одинаковы съ послѣдствіями увольненія офицеровъ въ дисциплинарномъ порядкѣ или по суду общества офицеровъ (§§ 64—66). Представленія объ увольненіи отъ службы въ дисциплинарномъ порядкѣ о штабъ-офицерахъ восходятъ къ Военному

---

[1]) Проектъ основн. положеній о судѣ общества офицеровъ, стр. 2.

Министру отъ командующихъ войсками въ округахъ (цирк. предп. Главнаго Штаба 1890 г. за № 5790) [1].

Примѣчаніе 1-е. Это изъятіе изъ подсудности суду общества офицеровъ не распространяется на оберъ-офицеровъ, исполняющихъ штабъ-офицерскія обязанности, и эти оберъ-офицеры подлежатъ этому суду.

Примѣчаніе 2-е. Суду общества офицеровъ подлежатъ: *казачьи* офицеры (прик. по воен. вѣд. 1897 г. за № 287),—офицерскіе чины *фельдъ-егерскаго корпуса* (прик. по воен. вѣд. 1891 г. за № 337) и офицеры корпуса *пограничной стражи* (цирк. Деп. Тамож. Сбор. 1877 г. за № 1459).

О подсудности офицеровъ запаса арміи.

§ **12.** Суду общества офицеровъ подлежатъ и *офицеры запаса арміи:* 1) во время прикомандированія къ войскамъ (примѣч.: къ 818 ст. VII кн. С. В. П. 1869 г.) и 2) въ случаѣ призыва изъ запаса, при мобилизаціи арміи, на дѣйствительную службу въ части войскъ, со дня прибытія,—наравнѣ съ постоянно служащими въ тѣхъ частяхъ офицерами (прим. къ 817 ст. VII кн. С. В. П. 1869 г.).

О подсудности офицеровъ финскихъ войскъ.

§ **13.** Офицеры *финскихъ войскъ*, во время прикомандированія къ русскимъ войскамъ, какъ въ случаѣ совершенія преступленій или проступковъ, требующихъ судебнаго преслѣдованія, подвергаются въ порядкѣ, опредѣленномъ общимъ военно-судебнымъ уставомъ, и наказанію по правиламъ воин-

---

[2]) При пересмотрѣ дѣйствующаго Дисциплинарнаго Устава, нѣкоторые военные начальники высказали мнѣніе о пользѣ и необходимости распространенія вѣдомства суда общества офицеровъ и на *гражданскихъ чиновниковъ* военнаго вѣдомства, подобно тому, какъ это существуетъ въ Германіи и Австріи. Безспорно, что это могло-бы имѣть самыя благотворныя послѣдствія для интересовъ службы, въ виду тѣхъ разностороннихъ и весьма существенныхъ обязанностей, которыя возложены на гражданскихъ чиновниковъ въ войскахъ и военныхъ учрежденіяхъ. Но Высочайше утвержденная Коммисія для обсужденія проекта измѣненій въ Дисциплинарномъ Уставѣ 1869 года не нашла возможнымъ распространять на военныхъ чиновниковъ вѣдомства суда общества офицеровъ, исходя изъ того соображенія, что «при существующемъ различіи въ положеніи гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства и корпуса офицеровъ, нельзя предъявлять къ первымъ тѣхъ требованій, которыя обусловливаются понятіями корпоративной чести, достоинства носимаго званія и мундира» (проектъ основн. положеній, стр. 5).

скаго устава о наказаніяхъ, такъ и въ случаѣ маловажныхъ проступковъ или вообще неодобрительнаго поведенія или проступковъ, несовмѣстныхъ съ офицерскимъ званіемъ, они будутъ подлежать дѣйствію Дисциплинарнаго Устава и могутъ быть уволены отъ службы въ порядкѣ дисциплинарномъ или по приговору суда общества офицеровъ, на общемъ основаніи статей 66—69 и 130—166 Дисциплинарнаго Устава изданія 1888 года [отзывъ Главнаго Штаба отъ 20 декабря 1891 года за № 3637, на имя начальника штаба финляндск. в. округа] [1]).

О подсудности подпрапорщиковъ.

§ **14.** Поступки и поведеніе *внѣ службы подпрапорщиковъ*, *эстандартъ-юнкеровъ* и *подхорунжихъ* могутъ быть подвергаемы, по усмотрѣнію командира части, суду общества офицеровъ, заключенія котораго представляются на усмотрѣніе командира части (второе примѣчаніе къ ст. 4 «положенія о подпрапорщикахъ, эстандартъ-юнкерахъ и подхорунжихъ», и второе же примѣчаніе къ ст. 176 «положенія объ управленіи полкомъ», объявлен. въ приказахъ по военн. вѣд. 1880 г. за № 252 и 1882 г. за № 14). Но изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы дѣйствіе суда общества офицеровъ распространялось на означенныхъ лицъ въ той же мѣрѣ, какъ на оберъ-офицеровъ. По точному смыслу приведенныхъ примѣчаній, командиру части предоставляется право поручить суду общества офицеровъ обсужденіе поступковъ подпрапорщика, а за тѣмъ въ дальнѣйшемъ онъ поступаетъ уже по собственному усмотрѣнію, въ предѣлахъ предоставленной ему дисциплинарной власти.

Подпрапорщики, подхорунжіе и эстандартъ-юнкера, удаляемые изъ войскъ по приговору суда общества офицеровъ или въ дисциплинарномъ порядкѣ, увольняются вовсе отъ службы, безъ зачисленія въ запасъ и ополченіе, съ выдачею имъ свидѣтельствъ о выполненіи воинской повинности по приложенной при семъ приказѣ формѣ (приказъ по военн. вѣд. 1894 года за № 224).

---

[1]) Въ финскихъ войскахъ нѣтъ суда общества офицеровъ и офицеры могутъ быть уволены (исключены или отставлены) отъ службы не иначе, какъ по приговору уголовнаго (военнаго) суда (§ 6 Дисц. Уст. для финск. в., изд. 1886 г.). Въ настоящее время возбужденъ вопросъ объ учрежденіи въ этихъ войскахъ суда чести.

Глава V.

Устройство суда общества офицеровъ.

Общія положенія. Порядокъ увольненія офицеровъ въ дисциплинарномъ порядкѣ въ случаяхъ невозможности примѣненія положенія о судѣ общества офицеровъ.

§ **15.** *Суды общества офицеровъ учреждаются при полкахъ, отдѣльныхъ баталіонахъ, артиллерійскихъ бригадахъ, а также могутъ быть учреждаемы во всѣхъ другихъ отдѣльныхъ частяхъ военнаго вѣдомства* (ст. 134 Дисц. Уст.).

При учрежденіи судовъ общества офицеровъ въ прочихъ, кромѣ упомянутыхъ въ ст. 134, частяхъ военнаго вѣдомства, начальникамъ этихъ частей предоставляется примѣнять къ нимъ установленныя въ настоящей главѣ (гл. XIV) *для означенныхъ судовъ правила* (ст. 166 Дисц. Уст.).

Оберъ-офицеры тѣхъ частей военнаго вѣдомства, въ которыхъ не представляется возможнымъ обризовать судъ общества офицеровъ, въ случаѣ совершенія проступковъ, означенныхъ въ ст. 130 (см. § 1), *увольняются отъ службы по распоряженію начальства, съ соблюденіемъ общихъ правилъ* (66—68 ст.), *для увольненія въ дисциплинарномъ порядкѣ предписанныхъ* (ст. 165 Дисц. Уст.) [1]).

---

[1]) Офицеры и гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства, въ случаяхъ, когда дисциплинарныя взысканія окажутся безуспѣшными, могутъ быть увольняемы отъ службы порядкомъ дисциплинарнымъ (ст. 34 Дисц. Уст.). Это увольненіе отъ службы не составляетъ дисциплинарнаго взысканія, а является мѣрою административною, примѣненіе которой предоставляется не суду, а исключительно начальству (рѣш. Главн. Воен. Суда 1893 г. № 125). Увольненію отъ службы въ порядкѣ дисциплинарномъ (ст. 34) штабъ и оберъ-офицерамъ и гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства, опредѣленныхъ Высочайшими приказами, совершается всегда такими-же приказами, а прочихъ лицъ—по приказу или предписанію того мѣста или лица, коему закономъ предоставлено право опредѣленія. Увольненію отъ службы должно предшествовать: 1) изслѣдованіе (дознаніе), по непосредственному распоряженію ближайшаго начальника, о проступкѣ и поведеніи виновнаго; 2) предложеніе виновному, съ разрѣшенія того начальника, отъ котораго, на основаніи ст. 67, зависитъ окончательное рѣшеніе объ увольненіи отъ службы, подать просьбу объ отставкѣ, и, только въ случаѣ непредставленія имъ въ назначенный начальствомъ срокъ просьбы объ увольненіи, можетъ быть представляемо, по порядку подчиненности, объ увольненіи его отъ службы. При рапортѣ начальства о разрѣшеніи предложить подлежащему увольненію отъ службы подать просьбу объ отставкѣ представляется всегда Главному Начальнику военнаго округа или командиру корпуса, по командѣ, какъ произведенное изслѣдованіе, такъ и выписка изъ

Тѣмъ же порядкомъ (66 — 68 ст. Дисц. Уст.) увольняются отъ службы офицеры, виновные въ предосудительныхъ поступкахъ, не подвергающихъ ихъ военному суду, но въ виду которыхъ оставленіе ихъ въ части окажется не совмѣстнымъ съ достоинствомъ военной службы, — въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе некомплекта офицеровъ въ старшихъ чинахъ или за откомандированіемъ отъ своихъ частей такихъ офицеровъ, не представляется возможности произвести выборы съ точнымъ выполненіемъ требованія 135 ст. Дисц. Уст. (Цирк. Гл. Штаба 1882 г. № 43 и разъясненіе Гл. Военн. Суд. Управл. отъ 18 декабря 1881 г. за № 7083).

Объ учрежденіи суда общества офицеровъ въ кадрахъ кавалерійскаго запаса.

§ **16.** *Суды общества офицеровъ могутъ быть учреждаемы только при тѣхъ войсковыхъ частяхъ, началь-*

журнала взысканій и послужной списокъ (ст. 66 Дисц. Уст., прик. по воен. вѣд. 1894 г. № 224, 1893 г. № 163, 1887 г. № 60 и 1880 г. № 252). Окончательное рѣшеніе объ увольненіи отъ службы, на основаніи предшествующей статьи, принадлежитъ: относительно оберъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ соотвѣтственныхъ классовъ—командиру корпуса, а относительно штабъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ соотвѣтственныхъ классовъ—Главному Начальнику военнаго округа (ст. 67 Дисц. Уст.) *). Увольненіе отъ службы въ порядкѣ дисциплинарномъ установлено лишь для офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства (ст. 34), подпрапорщиковъ и кандидатовъ на классную должность (ст. 35), и не можетъ быть примѣняемо въ отношеніи нижнихъ чиновъ (рѣш. Гл. Военн. Суда 1877 г. № 165). Объ увольненіи отъ службы на основаніи ст. 66, какъ по распоряженію начальства, Главные начальники военныхъ округовъ и командиры корпусовъ представляютъ, установленнымъ порядкомъ, Военному Министру, съ приложеніемъ всей производившейся по сему предмету переписки (ст. 68 Дисц. Уст.). Правила Дисц. Устава объ увольненіи отъ службы въ порядкѣ дисциплинарномъ распространяются на всѣ случаи увольненія отъ службы офицеровъ и чиновниковъ помимо собственнаго ихъ желанія, не исключая и случаевъ признанной начальствомъ неспособности или несоотвѣтствія должностямъ (цирк. Гл. Штаба 29 ноября 1884 г. № 9458 и предписан. Главн. Военн.-Суд. Упр. 15 февраля 1891 г. № 790).

Казачьи офицеры могутъ быть увольняемы отъ службы въ дисциплинарномъ порядкѣ, согласно правилъ, изложенныхъ въ Дисциплинарномъ Уставѣ (прик. по в. в. 1897 г. № 287).

При увольненіи *военно-медицинскихъ* чиновъ отъ службы въ дисциплинарномъ порядкѣ надлежитъ соблюдать требованія 66 и 68 ст. Дисц. Устава (Цирк. Главн. Штаба 1897 г. № 134).

---

*) Представленія объ увольненіи отъ службы въ дисциплинарномъ порядкѣ объ оберъ-офицерахъ восходятъ къ Военному Министру отъ Командировъ корпусовъ, а о штабъ-офицерахъ отъ Командующихъ войсками въ округахъ (цирк. предп. Главн. Штаба 1890 г. № 5790).

ники коихъ пользуются правами командира полка. Поэтому, напр.: суды общества офицеровъ могутъ быть учреждаемы въ каждомъ *отдѣльномъ* кадрѣ кавалерійскаго запаса, такъ какъ каждый кадръ составляетъ отдѣльную войсковую часть и начальнику кадра присвоены права командира полка (§ 6 Врем. Полож. о кадрахъ кавал. зап., прилож. къ прик. по воен. вѣд. 1883 г. № 197); но правила дисциплинарнаго устава не допускаютъ возможности образованія одного суда на *нѣсколько* отдѣльныхъ частей, начальники коихъ пользуются, каждый, правами командира полка, и, въ силу сего, учреждать суды общества офицеровъ въ кадрахъ кавалерійскаго запаса *по бригадно*—нельзя. При учрежденіи суда общества офицеровъ въ кадрахъ кавалерійскаго запаса, едва-ли штатное число офицерскихъ чиновъ можетъ быть признано для сего недостаточнымъ, если только, въ отношеніи состава суда, будутъ примѣнены правила, установленныя, во 2 части 135 ст. Дисц. Устава, для артиллерійскихъ бригадъ, отдѣльныхъ баталіоновъ и другихъ, равныхъ имъ частей. Если-же, однако, *малочисленность состава офицеровъ* будетъ и засимъ признана препятствіемъ къ учрежденію суда общества офицеровъ въ каждомъ отдѣльномъ кадрѣ, то къ кадрамъ кавалерійскаго запаса должны быть примѣнены постановленія 165 ст. Дисц. Устава, такъ какъ открытіе въ нихъ судовъ по бригадно не можетъ быть допущено (отзывъ Главн. Военно-Суд. Управ. отъ 15 апрѣля 1892 г. за № 1652).

Составъ суда общества офицеровъ и условія для избранія членовъ этого суда.

§ **17.** *Судъ общества офицеровъ составляется:*

Въ полкахъ—изъ 7 членовъ, избираемыхъ изъ числа штабъ-офицеровъ, ротныхъ командировъ и прочихъ офицеровъ не ниже штабсъ-капитанскаго чина.

Въ отдѣльныхъ баталіонахъ, артиллерійскихъ бригадахъ и другихъ равныхъ имъ частяхъ—изъ 5 членовъ, избираемыхъ также изъ числа штабъ и оберъ-офицеровъ: 3-хъ не ниже штабсъ-капитана, а 2-хъ не ниже поручика. Сверхъ опредѣленнаго числа членовъ, избираются на случай убыли два кандидата въ полкахъ въ чинѣ не

ниже штабсъ-капитана, а въ отдѣльныхъ баталіонахъ и артиллерійскихъ бригадахъ не ниже поручика.

Судъ общества офицеровъ въ казачьихъ полкахъ, баталіонахъ и артиллерійскихъ бригадахъ составляется изъ 5 членовъ, избираемыхъ изъ числа штабъ- и оберъ-офицеровъ: 3-хъ не ниже подъесаула и 2-хъ не ниже сотника; сверхъ того, къ нимъ избираются два кандидата равномѣрно не ниже сотника (ст. 135 Дисц. Уст.).

Судъ общества офицеровъ въ *стрѣлковыхъ* и *резервныхъ* пѣхотныхъ 2-хъ баталіонныхъ *полкахъ* долженъ состоять изъ того же числа членовъ, какое установлено для отдѣльныхъ баталіоновъ и другихъ равныхъ имъ частей, т. е. изъ 5-ти членовъ (Цирк. Главн. Штаба отъ 31 августа 1892 г. за № 154).

Въ отдѣльномъ корпусѣ *Пограничной Стражи* суды общества офицеровъ учреждаются въ бригадахъ, соразмѣрно съ численностью штабъ и оберъ-офицеровъ въ бригадѣ, а именно: въ тѣхъ бригадахъ, въ коихъ число офицеровъ, по росписанію, опредѣлено не менѣе 36, и означенные суды, по численному составу, должны быть приравнены къ полкамъ, въ прочихъ же частяхъ Стражи—къ отдѣльнымъ баталіонамъ (Цирк. Д-та Тамож. Сбор. 1877. № 1459).

Въ *фельдъегерскомъ* корпусѣ судъ общества офицеровъ учреждается въ составѣ, опредѣленномъ для отдѣльнаго баталіона (11 п. «Полож. о фельдъегерск. корп.», объявл. въ прик. по в. в. 1891 г. № 337).

Случаи некомплекта офицеровъ.

§ **18.** Нерѣдко случается, что вслѣдствіе некомплекта офицеровъ въ старшихъ чинахъ или за откомандированіемъ отъ своихъ частей такихъ офицеровъ, не представляется возможности произвести выборы съ точнымъ выполненіемъ требованія вышеуказанной 135 ст., а потому начальство одного изъ военныхъ округовъ возбудило вопросъ: какъ поступать въ указанныхъ случаяхъ. На сдѣланное Главнымъ Штабомъ сношеніе, Главное Военно-Судное Управленіе 18 декабря 1881 года за № 7083, сообщило, что въ подобныхъ случаяхъ съ тѣми изъ офицеровъ, которые окажутся виновными въ предосудительныхъ поступкахъ, не подвергающихъ ихъ военному

суду, но въ виду которыхъ оставленіе ихъ въ части окажется несовмѣстнымъ съ достоинствомъ военной службы, слѣдуетъ поступать на основаніи законовъ (66—69 ст. Дисц. Уст. 1888 г., соотвѣтствующихъ 71—73 ст. прежде дѣйствовавшей XXIII С. В. П.) объ увольненіи отъ службы по распоряженію начальства (цирк. Гл. Шт. 1882 г. за № 43).

Объ избраніи въ члены призванныхъ изъ запаса.

§ **19.** Офицеры, призванные изъ *запаса*, при мобилизаціи арміи, на дѣйствительную службу въ части войскъ, могутъ быть избираемы въ составъ членовъ суда общества офицеровъ (примѣч. къ 817 ст. VII кн. С. В. П. 1869 г.).

Объ обязательности избранія одного штабъ-офицера и одного капитана, а въ отдѣльныхъ баталіонахъ не менѣе одного капитана.

§ **20.** *Въ составъ суда общества офицеровъ* **обязательно** *избираются: во всѣхъ полкахъ и артиллерійскихъ бригадахъ—не менѣе одного штабъ-офицера одного капитана, а въ отдѣльныхъ баталіонахъ и равныхъ имъ частяхъ—не менѣе одного капитана* (ст. 136 Дисц. Уст.). Въ стрѣлковыхъ и резервныхъ пѣхотныхъ 2-хъ баталіонныхъ полкахъ указанная 136 статья примѣняется какъ въ отдѣльныхъ баталіонанъ, такъ какъ штатный составъ въ названныхъ полкахъ оказывается не болѣе числа офицеровъ въ резервныхъ и крѣпостныхъ пѣхотныхъ баталіонахъ и, по этому, весь составъ офицерскаго суда въ этихъ полкахъ установленъ, циркуляромъ Главнаго Штаба 1892 года за № 154, тотъ же, какъ и для отдѣльныхъ баталіоновъ.

Необходимость установленія правила, указаннаго въ 136 статьѣ, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что при существовавшемъ составѣ суда возможны случаи, когда младшій чиномъ, напр.: штабсъ-капитанъ или поручикъ, въ качествѣ предсѣдателя суда, будетъ разбирать дѣйствія офицера старше его по чину, или-же подчиненный штабсъ-капитанъ, опять таки въ качествѣ предсѣдателя, будетъ обсуждать дѣйствія своего начальника, ротнаго командира. Если и можно бы еще примириться съ сужденіемъ старшаго чиномъ оберъ-офицера младшимъ по чину оберъ-офи-

церомъ, такъ какъ законъ и въ другихъ случаяхъ проводитъ старшинство не по чину, а по званію (генералы—въ отношеніи штабъ-офицеровъ, штабъ офицеры въ отношеніи оберъ-офицеровъ—100 ст. Воинск. Уст. о наказ.), то допущеніе подчиненнаго, въ качествѣ предсѣдателя, судить своего прямого начальника уже во всякомъ случаѣ было-бы противно кореннымъ основамъ воинской дисциплины и правилъ военной службы (всеподданн. докладъ Высочайше утвержденной Коммисіи для обсужденія проекта измѣненій въ Дисц. Уставѣ).

Нравственная и служебная безупречность (цензъ) избираемыхъ членовъ.

§ **21.** Прежде дѣйствовавшее положеніе о судѣ общества офицеровъ ничѣмъ не ограничивало право офицеровъ (не ниже извѣстнаго чина) быть избираемымъ въ члены суда и кандидаты. Между тѣмъ неизбѣжнымъ условіемъ судьи является извѣстная нравственная и служебная безупречность избираемыхъ (всеподд. докл. коммиссіи для обсужденія проекта измѣненій въ Дисц. Уст).

Поэтому признано справедливымъ распространить на членовъ суда общества офицеровъ и кандидатовъ къ нимъ, по крайней мѣрѣ, условія, при которыхъ, на основаніи 13 и 30 ст. воен.-судебнаго устава, офицеры не могутъ быть назначаемы членами полковыхъ и военно-окружныхъ судовъ. Эти условія законъ опредѣляетъ не положительно, а отрицательно, указаніемъ такихъ поступковъ, которые лишаютъ права избранія, а именно:

Въ члены суда и кандидаты не могутъ быть избираемы офицеры, состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступленія или проступки, а равно и подвергавшіеся по судебмымъ приговорамъ, за противозаконныя дѣянія, содержанію на гауптвахтѣ съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, или иному, болѣе строгому наказанію, и тѣ, которые, бывъ подъ судомъ за преступленія или проступки, влекущіе за собою такія наказанія, не оправданы судебными приговорами. Правило это не распространяется на тѣхъ, которымъ прощаны штрафы установленнымъ порядкомъ (стр. 137 Дисц. Уст.).

Содержаніе на гауптвахтѣ касается только тѣхъ степеней, которыя соединены съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ. Между тѣмъ, содержаніе на гауптвахтѣ по низшей степени (отъ 1 до 3 мѣс.) не влечетъ означенныхъ ограниченій, не составляетъ штрафа, вносимаго въ штрафную графу послужного списка и не вызываетъ необходимости предварительнаго прощенія осужденнаго въ установленномъ порядкѣ (проектъ измѣненій I раздѣла воен.-суд. устава, стр. 4).

Изъ приведенной 137 статьи вытекаетъ, что права избранія въ члены суда общества офицеровъ лишаются только *бывшіе подъ судомъ;* лица же, бывшія лишь обвиняемыми, а не подсудимыми, т. е. не преданныя суду, если судебное преслѣдованіе ихъ прекращено въ установленномъ порядкѣ, имѣютъ право на избраніе ихъ членами суда общества офицеровъ, независимо отъ причины такого прекращенія.

Право на избраніе лицъ, бывшихъ въ составѣ суда.

§ **22.** *Бывшіе въ составѣ суда общества офицеровъ могутъ быть вновь избираемы* (ст. 139 Дисц. Уст.).

Обязанности избирателей при выборахъ.

§ **23.** Избираемый всѣми офицерами отдѣльной части судъ общества офицеровъ, очевидно, представляетъ въ ней лучшій авторитетъ по всѣмъ вопросамъ чести и благородства; онъ лучшій выразитель традицій своей части; онъ оберегаетъ честь и достоинство какъ всего общества офицеровъ, такъ и каждаго изъ нихъ въ отдѣльности; и онъ же рѣшаетъ участь офицера, преданнаго этому суду. По этому, офицеры, удостоенные высокой чести быть избранными въ члены суда общества офицеровъ, должны отличаться высокими нравственными достоинствами; они должны стоять внѣ всякихъ партій въ полку; для нихъ должны быть чужды пристрастія и антипатіи общества офицеровъ; они не должны поддаваться и вліянію начальниковъ; они, конечно, могутъ и должны выслушать мнѣніе начальниковъ и старшихъ, но

принять его какъ совѣтъ, а не какъ приказаніе. Судьи чести даютъ отчетъ въ своемъ рѣшеніи только своей совѣсти.

Все это надо имѣть въ виду и помнить какъ избирателямъ, такъ и избраннымъ. Избиратели должны относиться къ выборамъ судей чести не равнодушно, не для соблюденія одной только формальности, а съ должнымъ вниманіемъ. Предъ выборами необходимо, путемъ обмѣна свѣдѣній, взглядовъ и убѣжденій, хорошенько узнать тѣхъ, кого желаешь избрать въ судьи; поэтому, самымъ выборамъ невольно будутъ предшествовать частныя собранія офицеровъ, на которыхъ предварительно и опредѣлится, кто имѣетъ наиболѣе права быть избраннымъ въ судьи. Безъ такого взаимнаго обмѣна взглядовъ и убѣжденій невозможно приступить къ выборамъ представителей нравственныхъ убѣжденій всего полка, представителей судей чести. Къ сожалѣнію, многіе еще относятся не съ должнымъ вниманіемъ къ выбору судей чести, многимъ не извѣстна даже и та глава дисциплинарнаго устава, въ которой говорится о судѣ общества офицеровъ. Поэтому самые суды не всегда отличаются должною самостоятельностью и не пользуются должнымъ авторитетомъ; суды эти созываются весьма рѣдко, и командиры частей обращаются къ увольненію, не соотвѣтствующихъ своему званію офицеровъ, отъ службы въ порядкѣ дисциплинарномъ, не собирая суда общества офицеровъ.

Порядокъ избранія членовъ суда.

§ **24.** *Избраніе членовъ суда и кандидатовъ производится слѣдующимъ образомъ: по объявленіи въ полковомъ приказѣ о мѣстѣ, днѣ и часѣ выборовъ, всѣ состоящіе на лицо штабъ- и оберъ-офицеры собираются въ назначенное мѣсто и, по приглашенію старшаго изъ присутствующихъ штабъ-офицеровъ, приступаютъ къ выборамъ. Для сего каждый изъ присутствующихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, руководствуясь 135 и 136 ст.* (§§ 17, 20), *пишетъ на листкѣ фамиліи избираемыхъ имъ, нераздѣльно, въ члены и кандидаты.—Листки, безъ подписи, собираются полковымъ адъютантомъ, который со-*

считываетъ, сколько голосовъ имѣетъ каждый изъ избираемыхъ.—Девять, а въ отдѣльныхъ баталіонахъ, артиллерійскихъ бригадахъ и казачьихъ полкахъ (ст. 135—см. § 17) *семь, получившіе наибольшее число голосовъ, считаются избранными; изъ нихъ два младшіе по чину назначаются кандидатами.—При равенствѣ голосовъ, преимущество отдается старшему въ чинѣ, а если при этомъ совпадаетъ и равенство чиновъ,—старшему въ семъ чинѣ.*

Отсутствующіе на выборахъ, по дѣламъ службы или по болѣзни, обязаны ко времени выборовъ присылать свое мнѣніе въ запечатанныхъ запискахъ на имя кого либо изъ штабъ-офицеровъ (ст. 138 Дисц. Уст.).

При выборахъ командиръ полка (отдѣльной части) не присутствуетъ.

Судъ долженъ быть постояннымъ, и возобновляется ежегодными выборами: «*избраніе въ члены суда и кандидаты производится ежегодно предъ окончаніемъ лѣтнихъ сборовъ* (потому что въ это время наибольшее число офицеровъ состоитъ на лицо), *съ объявленіемъ о результатѣ выбора въ приказѣ по каждой части*» (ст. 139 Дисц. Уст.).

Избранные офицеры не имѣютъ права отказаться отъ обязанности члена или кандидата суда общества офицеровъ.

Въ *фельдъегерскомъ* корпусѣ избраніе офицеровъ въ члены суда происходитъ ежегодно въ декабрѣ мѣсяцѣ (пр. по в. в. 1891 г. № 337).

Въ корпусѣ *пограничной стражи* выборъ членовъ суда и кандидатовъ долженъ производиться порядкомъ, установленнымъ въ 138 ст. Устава, съ тѣмъ, что въ избраніи обязаны непосредственно участвовать всѣ наличные, а также ближайшихъ по расквартированію къ бригадному штабу частей стражи штабъ- и оберъ-офицеры; всѣ же прочіе офицеры, которые не могутъ лично принять участіе въ выборѣ, ко дню онаго, должны прислать въ Штабъ бригады свое мнѣніе въ наглухо заклеенныхъ запискахъ, вскрываемыхъ бригаднымъ адъютантомъ, предъ самымъ выборомъ, въ присутствіи всѣхъ собравшихся офицеровъ. (Цирк. Д-та Там. Сбор. 1877 г. № 1459).

Глава VI.

Порядокъ производства въ судахъ общества офицеровъ.

Положеніе общее (о возбужденіи преслѣдованія).

§ **25.** Судъ общества офицеровъ не составляетъ самостоятельнаго учрежденія, дѣйствующаго своею иниціативою и по своему усмотрѣнію; напротивъ, онъ находится въ прямой зависимости и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ командира части. На этомъ основаніи «*разрѣшеніе вопроса, подлежитъ ли поступокъ вѣдѣнію суда общества офицеровъ, предоставляется власти полковаго командира* (ст. 132 Дисц. Уст.). Кромѣ того, очевидно, что разрѣшеніе этого вопроса нельзя было предоставить самому суду общества офицеровъ, такъ какъ основной законъ справедливости и безпристрастія требуетъ—никогда не соединять въ одномъ и томъ же лицѣ двѣ власти: предавать суду и судить. Поэтому право предавать офицера суду общества офицеровъ предоставлено командиру полка, который, какъ представитель полка и самый старшій членъ общества офицеровъ, конечно, внимательнѣе и строже всѣхъ будетъ относиться къ этому праву. Наконецъ, такъ какъ суду общества офицеровъ подлежатъ только поступки офицеровъ, неимѣющіе никакого отношенія къ нарушеніямъ обязанностей службы и требованій воинской дисциплины (§§ 1 и 3), то разрѣшеніе вопроса: соединенъ ли проступокъ офицера съ означенными нарушеніями, тоже предоставлено власти командира полка, какъ лица наиболѣе опытнаго и свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ.

На этомъ основаніи, *обо всякомъ поступкѣ подвѣдомственнаго офицера, дошедшемъ до свѣдѣнія его и несоотвѣтствующемъ понятію о чести, судъ общества офицеровъ доноситъ, чрезъ старшаго изъ членовъ, командиру полка* (ст. 141 Дисц. Уст.); послѣдній же рѣшаетъ: есть ли достаточный поводъ къ изслѣдованію обвиненія или нѣтъ.

Участіе въ возбужденіи дѣла самого общества офицеровъ.

§ **26.** Офицерская (воинская) честь составляетъ общее достояніе всего общества офицеровъ и оскорбленіе чести отдѣльнаго лица равносильно оскорбленію всего сословія. Отсюда слѣдуетъ, что сохраненіе ея чистою и безупречною должно составлять священнѣйшій долгъ какъ всего сословія, такъ и каждаго офицера въ отдѣльности. Судъ же общества офицеровъ служитъ, въ этомъ случаѣ, лишь вспомогательнымъ средствомъ. При такихъ условіяхъ всякій офицеръ имѣетъ право обращаться къ суду общества офицеровъ для обсужденія не только своего поступка, въ интересахъ защиты собственной чести, опороченной неосновательнымъ подозрѣніемъ въ предосудительномъ поступкѣ и когда къ возстановленію чести не представляется иныхъ, совмѣстныхъ съ офицерскимъ званіемъ способовъ, но и поступковъ каждаго изъ своихъ товарищей, нарушившихъ честь и званіе офицера [1]).

Судъ общества офицеровъ, освѣдомясь о поступкахъ и дѣйствіяхъ офицера, могущихъ дурно отзываться на его чести и чести всей корпораціи, немедленно докладываетъ о томъ командиру части, который и разрѣшаетъ вопросъ о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ суда общества офицеровъ въ это дѣло.

Согласно прямому смыслу 141 ст. Дисц. Устава, судъ общества офицеровъ можетъ приступить къ дознанію и *по своему усмотрѣнію*, не испрашивая разрѣшенія или приказанія командира полка, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда до сего суда дойдетъ свѣдѣніе о проступкѣ офицера, подлежащемъ разсмотрѣнію этого суда; но приступая къ дознанію, предсѣдатель суда доноситъ объ этомъ начальнику части.

---

[1]) Доведеніе до свѣдѣнія суда общества офицеровъ о поступкахъ каждаго изъ своихъ товарищей, несовмѣстныхъ съ понятіями о воинской чести, а равно объ оскорбленіи извнѣ кого-либо изъ товарищей, затрогивающемъ честь и достоинство офицера,—составляетъ нравственную обязанность каждаго офицера.— Завѣдомо ложное обвиненіе, поданное въ судъ общества офицеровъ, составляетъ ложное показаніе безъ присяги передъ судомъ (943 ст. Уложен. о наказ. уголов. и исправ.) и преслѣдуется въ порядкѣ уголовнаго суда (рѣш. Главн. Военн. Суда 1873 г. № 51).

Дознаніе (предварительное разслѣдованіе).

§ **27.** *Преданію суда общества офицеровъ непремѣнно должно предшествовать дознаніе* о предосудительныхъ поступкахъ офицера (всепод. докладъ Высочайше утвержд. Коммисіи для обсужденія проекта измѣненій въ Дисц. Уст.).

Судъ общества офицеровъ приступаетъ къ дознанію или по приказанію полковаго командира[1]*, или прямо отъ себя, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, донося объ этомъ, чрезъ старшаго изъ членовъ, полковому командиру* (ст. 141 Дисц. Уст. [2]).

Приступая къ дознанію прямо отъ себя, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, судъ общества офицеровъ обязанъ удостовѣриться въ справедливости всѣхъ этихъ свѣдѣній.

§ **28.** *Производство дознанія лежитъ на обязанности суда и можетъ быть выполнено судомъ въ полномъ составѣ или нѣкоторыми членами онаго, по его усмотрѣнію* (ст. 142 Дисц. Уст). Хотя начальникъ части имѣетъ право поручать производство дознанія о всякомъ поступкѣ офицера тѣмъ лицамъ, на которыхъ признаетъ нужнымъ, по своему усмотрѣнію, возложить эту обязанность, съ соблюденіемъ, однако, общихъ правилъ, указанныхъ въ ст. 314, 316, 317 и 318 Воен.-Суд. Устава изданія 1884 года, но, затѣмъ, если проступокъ офицера, по мнѣнію начальника части, подлежитъ разсмотрѣнію по правиламъ главы XIV Дисц. Устава (т. е. на основаніи положенія о судѣ общества офицеровъ), то, независимо отъ всякаго рода предварительныхъ разслѣдованій, какъ бы основательны и подробны таковыя не были, *разсмотрѣнію дѣла, вообще, и разрѣшенію вопроса о подсудности дѣла суду общества офицеровъ въ частности*, согласно

---

[1]) Правомъ назначенія дознанія пользуются не только полковые командиры, но и всѣ высшіе, въ порядкѣ подчиненности, начальники (проектъ основныхъ положеній о судѣ общества офицеровъ, 32 стр.). Но это правило не ограничиваетъ правъ полковаго командира относительно дальнѣйшихъ распоряженій его по поводу произведеннаго дознанія (см. §§ 30—31).

[2]) Въ важныхъ случаяхъ несоблюденія кѣмъ либо правилъ офицерскаго собранія, старшій въ чинѣ докладываетъ начальнику части, который руководствуется правилами «о судѣ общества офицеровъ» изложенными въ XIV главѣ Дисц. Устава (примѣч. къ 10 § положенія объ офицерскихъ собраніяхъ, объявлен. въ прик. по воен. вѣд. 1884 г. за № 279).

140—145 ст. того же Устава, *обязательно должно предшествовать дознаніе, произведенное или судомъ общества офицеровъ въ полномъ составѣ или нѣкоторыми членами онаго* [1]), и нарушеніе этого правила столь существенно, что состоявшійся при такомъ нарушеніи приговоръ не можетъ оставаться въ своей силѣ, такъ какъ тѣ немногочисленные формы и обряды, установленные закономъ для производства дѣлъ въ судѣ общества офицеровъ, въ видахъ гарантіи правильности приговора, столь не сложны, что несоблюденіе этихъ правилъ, по смыслу 158 ст. Дисц. Уст. (§ 54), въ большинствѣ случаевъ нельзя не признать существеннымъ нарушеніемъ. — Поэтому, если поступокъ офицера не возбуждаетъ сомнѣнія, съ самаго начала разслѣдованія, относительно подсудности его суду общества офицеровъ, то командиръ полка (части) не имѣетъ права поручать производство дознанія офицеру, на общемъ основаніи, а таковое производство можетъ быть поручено только суду общества офицеровъ: или въ полномъ его составѣ или нѣкоторымъ членамъ онаго.

§ **29.** *Дознаніе производится посредствомъ словесныхъ разспросовъ и справокъ, съ выслушаніемъ обвиняемаго. Письменныя показанія допускаются, если спрошенныя лица пожелаютъ сами дать ихъ вмѣсто словесныхъ объясненій, или когда встрѣтится необходимость въ разспросѣ лицъ, находящихся въ отсутствіи. Обвиняемый можетъ представить, кромѣ словесныхъ, и письменныя объясненія* (ст. 143 Дисц. Уст.).

При учрежденіи судовъ общества офицеровъ было принято за основаніе избѣжать въ наивозможной мѣрѣ всякой формальности и письменности производства подлежащихъ имъ дѣлъ. Производство дѣлъ должно отличаться простотою, отсутствіемъ формальностей и всѣхъ тѣхъ условій, при которыхъ неизбѣжно большее разглашеніе поступковъ, роняющихъ честь и достоинство офицерскаго званія. (Проектъ основныхъ положеній, стр. 33). Въ виду этихъ условій относительно самаго порядка производства дознанія соблюдаются слѣдующія правила:

1) Это предварительное разслѣдованіе должно произ-

---

[1]) На практикѣ по этому вопросу возникло сомнѣніе («Развѣдчикъ» № 260).

водиться съ большою осторожностью, по возможности избѣгая огласки, не задѣвая и самолюбія обвиняемаго, который можетъ оказаться впослѣдствіи правымъ. Слѣдуетъ строго наблюдать, чтобы внутренній бытъ общества офицеровъ не выходилъ за предѣлы части и не получалъ огласки. Поэтому, — во избѣжаніе сплетенъ и огласки о внутреннемъ, такъ сказать, домашнемъ житьѣ-бытьѣ офицеровъ,—лучше совсѣмъ не обращаться къ лицамъ постороннимъ, за разъясненіемъ обстоятельствъ дѣла, когда къ тому не представляется особенной необходимости.

2) Дознаніе производится посредствомъ словесныхъ разспросовъ и справокъ, а равно объясненій (словесныхъ) *обвиняемаго.*

3) Письменныя показанія допускаются только въ томъ случаѣ: а) если спрошенныя лица (свидѣтели) *пожелаютъ сами дать ихъ вмѣсто словесныхъ объясненій и б) если встрѣчается необходимость въ разспросѣ лицъ, находящихся въ отсутствіи.*

4) Обвиняемый, кромѣ словесныхъ, можетъ представить, если пожелаетъ, и письменныя объясненія.

5) Дознаніе ограничивается лишь исключительно обстоятельствами, до обвиненія относящимися; при чемъ собираетъ не только доказательства для улики обвиняемаго, но и все то, что можетъ послужить къ оправданію или представить его дѣйствія въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ.

6) Затѣмъ, когда, по мнѣнію суда, всѣ необходимыя свѣдѣнія собраны и достаточно разъяснены, то производившіе дознаніе члены словесно доносятъ о нихъ полковому командиру (ст. 144 Дисц. Уст.).

О представленіи дознаній и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ по нимъ военнаго начальства.

§ **30.** *По окончаніи дознанія, производившіе его члены суда дѣлаютъ словесный докладъ полковому командиру, съ представленіемъ письменныхъ, если таковыя имѣются, свѣдѣній, собранныхъ во время производства дознанія* (ст. 144 Дисц. Уст.).

Этотъ докладъ полковому командиру долженъ быть сло-

веснымъ (а не письменный), въ виду изложенныхъ уже въ предъидущемъ параграфѣ соображеній относительно отсутствія формальности и письменности въ производствѣ такихъ дѣлъ.

§ **31.** *По выслушаніи доклада и разсмотрѣніи письменныхъ свѣдѣній, если таковыя представлены, полковой командиръ рѣшаетъ, слѣдуетъ или нѣтъ приступить къ сужденію обвиняемаго офицера* (ст. 145 Дисц. Уст.).

До преобразованія суда общества офицеровъ въ 1869 году, дальнѣйшее направленіе дѣла, по окончаніи дознанія, зависѣло отъ совѣта посредниковъ (см. «Краткій историческій обзоръ» этой книги). Но подобное устраненіе начальника отъ рѣшенія такого важнаго вопроса, какъ привлеченіе подчиненнаго ему офицера къ судебному преслѣдованію, было противно дисциплинѣ и условіямъ военнаго порядка (проектъ основн. положен., 34 стр.). Поэтому, въ настоящее время, наоборотъ, рѣшеніе вопроса о прекращеніи дѣла или о привлеченіи обвиняемаго къ суду всецѣло предоставлено начальству.

На основаніи указанной 145 ст., полковой командиръ, получивъ, или, вѣрнѣе, выслушавъ словесное донесеніе суда о произведенномъ имъ дознаніи, рѣшаетъ самостоятельно, слѣдуетъ или нѣтъ приступить къ сужденію офицера; заключеніе (донесеніе) по сему предмету суда не имѣетъ уже рѣшительнаго вліянія на дальнѣйшее направленіе дѣла.

§ **32.** При томъ, довольно ясномъ разграниченіи, которое существуетъ между *предметами вѣдомства военнаго суда* (или общаго, уголовнаго суда) *и суда общества офицеровъ*, рѣшеніе вопроса о подсудности предоставлено исключительно власти полковаго командира, на котораго за симъ должна падать и вся отвѣтственность въ тѣхъ случаяхъ, когда, вмѣсто возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ виновнаго, онъ въ тѣхъ или другихъ видахъ, ограничится преданіемъ его суду общества офицеровъ (проектъ основн. положен. о судѣ общества офицеровъ, 44 стр.).

§ **33.** Право преданія виновнаго офицера суду общества офицеровъ принадлежитъ какъ полковому командиру, такъ равно и каждому изъ высшихъ, въ порядкѣ подчиненности, начальниковъ, при чемъ преданіе суду, послѣдовавшее по распоряженію младшаго начальника, въ

виду общаго правила, выраженнаго въ ст. 58 Дисц. Устава, не можетъ быть отмѣнено высшимъ начальникомъ единственно потому, что онъ признаетъ поводы къ преданію суду общества офицеровъ недостаточными.

Но если высшій начальникъ, по дошедшему до него свѣдѣнію (до преданія виновнаго суду) признаетъ поводы къ преданію офицера суду общества офицеровъ недостаточными, то полковой командиръ не имѣетъ уже права разрѣшать сужденіе того офицера (р. Гл. В. Суда 1873 г. № 51).

Хотя въ законѣ точно установлены права и степень власти военныхъ начальниковъ относительно подвѣдомственныхъ имъ лицъ, тѣмъ не менѣе бывали случаи вмѣшательства въ эти права младшихъ со стороны высшихъ начальниковъ. Вслѣдствіе этого, въ 1888 году послѣдовало разъясненіе Главнаго Военнаго Суда по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между начальниками и подчиненными въ военной іерархіи; хотя это разъясненіе Верховнаго Кассаціоннаго Суда послѣдовало относительно вмѣшательства высшихъ начальниковъ въ права младшихъ по преданію военному суду, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ принципіальное, руководящее значеніе, такъ какъ высказанныя въ немъ соображенія общаго характера и, слѣдовательно, должны имѣть примѣненіе и къ дѣламъ, производящимся въ судѣ общества офицеровъ. Сущность этого разъясненія Главнаго Военнаго суда заключается въ слѣдующемъ: Военный прокуроръ, разсмотрѣвъ слѣдственное производство о поручикѣ Волынской бригады пограничной стражи Гернгросѣ и полагая предать его военно-окружному суду по обвиненію въ противозаконномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 97 ст. XXII кн. С. В. П., на основаніи 553 и 563 ст. [1]) Военно-Суд. Устава, представилъ по сему дѣлу заключеніе Инспектору Пограничной Стражи. Между тѣмъ Директоръ Департамента

---

[1]) Заключеніе воен. прокурора вмѣстѣ съ дѣломъ препровождается къ тому воен. начальнику, отъ власти коего зависитъ преданіе обвиняемаго суду, а если нѣтъ въ виду обвиняемаго, то къ тому начальнику, по требованію коего производилось слѣдствіе (ст. 553 в.-с. у.). Въ пограничной стражѣ предаются суду: оберъ-офицеры—инспекторомъ пограничной стражи; штабъ-офицеры за исключеніемъ бригадныхъ командировъ,—директоромъ департамента таможенныхъ сборовъ (ст. 563 в.-с. у.). Въ настоящее время права Директора Тамож. Сборовъ присвоены Командиру Отд. Корпуса Погр. Стражи (см. выноску на 42 страницѣ).

Таможенныхъ Сборовъ, имѣя свѣдѣнія отъ подлежащаго Командира бригады пограничной стражи о назначеніи имъ слѣдствія по возникшему на поручика Гернгроса обвиненію, потребовалъ отъ Инспектора Пограничной стражи какъ слѣдственное о семъ оберъ-офицерѣ производство, такъ равно и заключеніе по сему дѣлу военно-прокурорскаго надзора. и, разсмотрѣвъ таковыя, не призналъ возможнымъ согласиться съ означеннымъ выше заключеніемъ, вслѣдствіе чего и на основаніи 2 пунк. 558 ст.[1]) Военно-Судебнаго Устава, представилъ свои по этому поводу соображенія на зависящее распоряженіе Министра Финансовъ. Съ своей стороны, Министръ Финансовъ, разсмотрѣвъ означенное дѣло, нашелъ, что, на основаніи 563 ст. Воен.-Суд. Уст., преданіе военно-окружному суду оберъ-офицеровъ пограничной стражи предоставлено Инспектору таковой, а въ силу 565 ст. того же Устава, высшіе въ порядкѣ подчиненности начальники пользуются всегда тою же властью преданія суду, какая принадлежитъ подчиненнымъ имъ начальникамъ. Имѣя же въ виду, что Директоръ Департамента Таможенныхъ сборовъ является непосредственнымъ начальникомъ Инспектора пограничной стражи, Министръ Финансовъ, прежде разрѣшенія дѣла о поручикѣ Гернгросѣ по существу, призналъ необходимымъ возбудить общій вопросъ, имѣлъ-ли вообще

---

[1]) При несогласіи военнаго начальника съ заключеніемъ военнаго прокурора соблюдаются слѣдующія правила: пунк. 2) если военный прокуроръ находитъ, что обвиняемый долженъ быть преданъ военно-окружному суду, а военный начальникъ признаетъ, что его сему суду предавать не слѣдуетъ, то въ сихъ случаяхъ поступается слѣдующимъ образомъ: а) при разногласіи полковаго командира съ военнымъ прокуроромъ, слѣдственное производство представляется первымъ начальнику дивизіи, а если онъ соглашается съ мнѣніемъ военнаго прокурора, то обвиняемый предается суду, а въ случаѣ несогласія и начальника дивизіи, сей послѣдній представляетъ слѣдственное производство на разрѣшеніе командира корпуса, и б) въ тѣхъ случаяхъ, когда командиръ корпуса не найдетъ возможнымъ согласиться съ заключеніемъ военнаго прокурора, слѣдственное производство представляется главному начальнику военнаго округа. Затѣмъ, если и сей послѣдній начальникъ не признаетъ возможнымъ согласиться съ заключеніемъ военнаго прокурора, то слѣдственное производство отсылается имъ вмѣстѣ съ мнѣніемъ къ Главному Военному Прокурору, который во всякомъ случаѣ вноситъ дѣло для разрѣшенія въ Главный Военный Судъ (ст. 558 пун. 2 в.-с. у.).

Въ 1893 году должность инспектора пограничной стражи упразднена, а взамѣнъ ея учреждена должность Командира Отдѣльнаго Корпуса Пограничной стражи, на котораго возложены всѣ права и обязанности по управленію сею стражею, присвоенныя нынѣ Директору Департ. Тамож. сборовъ (приказъ Шефа Погран. Стражи отъ 26 марта 1894 г. за № 12 и собран. узакон. и распоряж. Правит. 1893 г. за № 162, ст. 1270).

Директоръ Департамента Таможенныхъ Сборовъ законное основаніе, ранѣе осуществленія Инспекторомъ Пограничной Стражи предоставленнаго ему 563 ст. Военно-Судебнаго Уст. права, потребовать дѣло о поручикѣ Гернгросѣ для соотвѣтствующаго съ своей стороны распоряженія по 565 ст. того же устава. Въ виду сего Министръ Финансовъ Тайный Совѣтникъ Вышнеградскій, встрѣчая затрудненіе въ согласованіи 563 и 565 ст. Военно-Суд. Устава, препроводилъ дѣло о поручикѣ Гернгросѣ къ Главному Военному Прокурору для внесенія въ Главный Военный Судъ.

Главный Военный Судъ находитъ, что, на основаніи ст. 4 Дисц. Уст., на военнаго начальника возлагается, между прочимъ, обязанность поддержанія во ввѣренной ему части воинской дисциплины и вообще надлежащаго порядка, причемъ, для осуществленія этой обязанности, тотъ же Дисциплинарный Уставъ предоставляетъ каждому изъ военныхъ начальниковъ, сообразно степени присвоенной ему власти, право наложенія на подвѣдомственныхъ чиновъ дисциплинарнаго взысканія. Хотя затѣмъ, согласно 55 ст. Дисц. Уст. (прежняя 60 ст. XXIII кн. С. В. П.), власть въ наложеніи дисциплинарныхъ взысканій, присвоенная начальникамъ меньшихъ степеней, принадлежитъ всегда и начальникамъ высшимъ, тѣмъ не менѣе, эти послѣдніе, по силѣ 58 ст. Дисц. Устава (прежняя 63 ст. XXIII), лишены права отмѣнять наложенныя младшими начальниками взысканія потому только, что означенныя взысканія, по своей строгости, не соотвѣтствуютъ проступку виновнаго лица. Такимъ образомъ, изъ сопоставленія вышеизложенныхъ законоположеній оказывается, что *Дисциплинарный Уставъ*, предоставляя военнымъ начальникамъ, въ видахъ охраненія ими дисциплины и порядка въ войскахъ, извѣстныя дисциплинарныя права, для огражденія достоинства этихъ начальниковъ, авторитетности ихъ власти, а также для поддержанія самой дисциплины и порядка во ввѣренныхъ имъ частяхъ, *допускаетъ вмѣшательство высшихъ начальниковъ въ сферу дисциплинарныхъ правъ младшихъ въ тѣхъ лишь исключительныхъ случаяхъ*, когда наложенныя младшими взысканія, по своей слабости, не соотвѣтствуютъ винѣ или когда наложившій взысканіе начальникъ вышелъ за предѣлы предоставленной ему власти, а также нарушилъ

прямую силу закона. Точно также и по тѣмъ же основаніямъ, въ ст. 562 и 563 Военно-Суд. Устава вполнѣ опредѣлительно устанавливается степень власти каждаго изъ военныхъ начальниковъ по преданію военному суду подвѣдомственныхъ имъ лицъ, и *вмѣшательство въ это право младшихъ со стороны высшихъ въ порядкѣ подчиненности начальниковъ послужило бы къ подрыву достоинства и авторитета власти первыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишило бы ихъ возможности выполнить возложенную на нихъ по закону обязанность охраненія воинской дисциплины и служебнаго порядка.* Если же, согласно 565 ст. Воен.-Суд. Устава, высшіе въ порядкѣ подчиненности начальники пользуются всегда тою же властью преданія суду, какая принадлежитъ подчиненнымъ имъ начальникамъ, то означенное законоположеніе, подобно тому, какъ и ст. 55 и 57 Дисц. Устава, предоставляетъ высшимъ начальникамъ безусловное право преданія суду такихъ изъ подчиненныхъ имъ лицъ, которыя, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, были освобождены отъ сего подчиненными начальниками, пользующимися по закону властію преданія ихъ суду. Равнымъ образомъ эта-же статья закона распространяется и на случаи, указанные въ пунктѣ 2 лит. *а* и *б* 558 ст. Воен.-Суд. Устава. Но вышеупомянутая 565 ст. отнюдь не можетъ быть понимаема въ смыслѣ права высшаго въ порядкѣ подчиненности военнаго начальника на изъятіе уголовнаго дѣла отъ подчиненнаго ему начальника, пользующагося властію преданія суду лица, привлеченнаго къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, для сдѣланія соотвѣтствующаго распоряженія помимо этого послѣдняго начальника. По изложеннымъ соображеніямъ, признавая, что заключеніе Военнаго Прокурора о преданіи суду поручика Гернгроса было вполнѣ правильно и согласно съ точнымъ смысломъ 563 ст. Воен.-Суд. Устава представлено да разсмотрѣніе Инспектора Пограничной Стражи и что, вслѣдствіе сего, Директоръ Департамента Таможенныхъ Сборовъ не имѣлъ законнаго основанія лишать права Инспектора Пограничной Стражи сдѣлать по означенному дѣлу соотвѣтствующее распоряженіе, согласно 555—559 ст. Воен.-Суд. Уст., Главный Военный Судъ опредѣляетъ: слѣдственное дѣло о поручикѣ Гернгросѣ возвратить г. Министру Финансовъ, для зависящаго распоряженія по-

слѣдняго и дальнѣйшаго направленія настоящаго дѣла въ порядкѣ 555 — 559 ст. Воен.-Суд. Устава (рѣш. 1888 г. за № 32).

§ **34.** На основаніи 105 ст. прежде дѣйствовавшаго положенія 1863 года о судѣ общества офицеровъ, если обвиненіе оказывалось вполнѣ уважительнымъ, то совѣтъ посредниковъ былъ вправѣ, съ разрѣшенія полковаго командира, предложить обвиняемому оставить полкъ и подать просьбу объ отставкѣ, назначая ему для сего трехдневный срокъ [1]). *Съ уничтоженіемъ совѣта посредниковъ это правило сдѣлалось само собою непримѣнимымъ и потому было исключено,* но оно сохранилось до настояшаго времени въ Военно-Морскомъ Дисциплинарномъ Уставѣ (Сводъ Морскихъ Постановленій, кн. XVII, изданіе 1895 года), на основаніи 188 статьи XIV главы котораго, если по разборѣ дѣла совѣтъ посредниковъ единогласно признаетъ обвиненіе доказаннымъ, то, съ разрѣшенія экипажнаго командира или начальника команды или части, предлагаетъ обвиняемому оставить экипажъ или команду и подать просьбу объ отставкѣ, назначая ему для сего трехдневный срокъ. Впрочемъ хотя de jure у насъ (въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ) и не существуетъ болѣе правила объ удаленіи обвиняемаго безъ суда, но de facto оно сохранилось въ войскахъ, какъ кажется и по настоящее время, на что обратилъ вниманіе,— при послѣднемъ пересмотрѣ Дисциплинарнаго Устава,— одинъ изъ командировъ гвардейскихъ полковъ; въ представленныхъ имъ замѣчаніяхъ на статьи этого устава, онъ, между прочимъ, говоритъ: весьма часто въ практикѣ судовъ общества офицеровъ имѣетъ мѣсто слѣдующій совершенно произвольный порядокъ: «до постановленія приговора, судъ предлагаетъ обвиняемому оставить часть по собственной иниціативѣ» (проектъ основн. полож., 39 стр.).

Въ виду изложеннаго, *такая мѣра, какъ простое предложеніе подать просьбу объ отставкѣ, является незаконной и только избавляетъ виновнаго отъ вполнѣ заслуженныхъ имъ послѣдствій увольненія по приговору суда общества офицеровъ* (проектъ основн. положеній, стр. 40).

§ **35.** *Если офицеры, удостоенные къ производству въ слѣдующіе чины по ваканціоннымъ спискамъ, послѣ пред-*

---

[1]) См. «Краткій историческій очеркъ», стр. 8.

ставленія сихъ списковъ, совершаютъ проступки, за которые предаются суду общества офицеровъ или возбуждается переписка объ увольненіи ихъ въ дисциплинарномъ порядкѣ,—то объ этомъ немедленно сообщается въ Главный Штабъ, для пріостановленія производства или исключенія вовсе изъ ваканціонныхъ списковъ подобныхъ офицеровъ (цирк. предп. Главн. Штаба 1890 г. № 5790).

Судебное разбирательство.

О приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ.

§ **36.** *Въ случаѣ рѣшенія о сужденіи обвиняемаго* (§ 31), *судъ общества офицеровъ собирается для сего въ опредѣленное полковымъ командиромъ время* (ст. 146 Дисц. Уст.),

Судъ общества офицеровъ не имѣетъ права приступить къ сужденію офицера, не сдѣлавъ, согласно 141 ст., доклада о результатѣ дознанія начальнику части и не получивъ отъ него приказанія о разсмотрѣніи дѣла.

Составъ суда.

§ **37.** Составъ суда общества офицеровъ указанъ въ ст. 135 Дисц. Уст. (см. выше «устройство суда общества офицеровъ», § 17).

Въ судѣ предсѣдательствуетъ старшій изъ членовъ (ст. 147 Дисц. Уст.).

Въ случаѣ болѣзни, командировки, отвода или отсутствія по другимъ законнымъ причинамъ кого либо изъ членовъ, мѣсто его заступаетъ старшій изъ кандидатовъ (ст. 148 Дисц. Уст.).

Отводъ судей.

§ **38.** *Обвиняемый можетъ предъявить законный отводъ противъ кого либо изъ членовъ суда; равнымъ образомъ и члены могутъ отводить себя отъ участія. По выслушаніи объясненій судъ, удаливъ изъ засѣданія предъявившаго отводъ, рѣшаетъ, признать-ли отводъ уважи-*

тельнымъ, или нѣтъ. Членъ, противъ котораго предъявленъ отводъ, не можетъ присутствовать при означенномъ рѣшеніи (ст. 152 Дисц. Уст.).

Рѣшеніе суда объ отводѣ излагается въ «особомъ постановленіи», прилагаемомъ къ приговору суда (примѣчаніе къ ст. 152 Дисц. Уст.).

Въ 152 ст. Дисц. Устава упомянуто выраженіе: «законный отводъ». Какъ понимать это выраженіе? При производствѣ дѣлъ въ военно-окружныхъ судахъ или въ уголовныхъ судахъ, вообще, законнымъ отводомъ признается такой, при существованіи котораго судъ непремѣнно обязанъ отвести члена, но очевидно, что причины, признаваемыя законными для отвода въ уголовномъ судѣ, не могутъ примѣняться къ суду чести, въ которомъ никакихъ особыхъ формъ судопроизводства не установлено, т. е. нѣтъ ни обвинителя, ни допроса свидѣтелей и т. п. Въ уголовномъ судѣ, напримѣръ, никто не можетъ быть судьею и свидѣтелемъ по одному и тому же дѣлу (2 п. 771 ст. Воен.-Суд. Уст.), въ судѣ же чести этотъ поводъ не можетъ быть причиною къ отводу, такъ какъ, иначе, въ случаѣ, если бы проступокъ былъ совершенъ въ присутствіи общаго собранія офицеровъ полка, то и судъ надъ виновнымъ не могъ бы вовсе состояться. Точно также никто не можетъ быть обвинителемъ, защитникомъ и судьей по одному и тому же дѣлу, но въ дѣлѣ суда чести, каждый судья является и обвинителемъ, и защитникомъ, и судьей Слѣдовательно, выраженіе «законный отводъ» должно понимать въ смыслѣ отвода, уважительнаго по какимъ либо *особымъ отношеніямъ* (напр. родство, тяжба, долговыя обязательства и т. п.) между обвиняемымъ и судьей, или между послѣднимъ и прикосновенными къ дѣлу лицами, при чемъ *признаніе отвода уважительнымъ зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія самого суда.*

Членъ суда, хотя бы онъ самъ заявилъ на себя отводъ, долженъ подчиняться рѣшенію суда, а если бы послѣдній призналъ причины къ отводу неуважительными, то членъ суда обязанъ подчиниться подобному рѣшенію и принять участіе въ разсмотрѣніи дѣла.

Послѣднее правило имѣетъ цѣлью воспрепятствовать членамъ суда уклоняться отъ исполненія своихъ обязан-

ностей, такъ какъ иначе, офицеръ, не имѣя права, въ случаѣ выбора, отказаться отъ обязанности члена суда, могъ бы, подъ разными неосновательными предлогами, постоянно уклоняться отъ участія въ засѣданіяхъ суда.

§ **39.** Такъ какъ разсмотрѣніе дѣла неподлежащимъ составомъ суда (когда, напр., не уваженъ законный отводъ кого либо изъ членовъ суда), составляетъ поводъ къ жалобамъ со стороны обвиняемыхъ и служитъ основаніемъ къ отмѣнѣ приговора, то въ указанномъ случаѣ, *судъ долженъ въ особомъ постановленіи* (§ 41, п. 4) *изложить основанія, которыми онъ руководился при разрѣшеніи вопроса объ отводѣ члена суда.* При соблюденіи этого правила, полковой командиръ будетъ, по крайней мѣрѣ, имѣть данныя для провѣрки правильности производства дѣла въ судѣ общества офицеровъ, а равно и жалобы по этому предмету обвиняемаго (всеподданнѣйшій докладъ Коммисіи для обсужденія проекта измѣненій въ Дисц. Уст.).

Относительно присяги судей.

§ **40.** *Члены суда общества офицеровъ не приводятся къ присягѣ;* имъ не дѣлается и увѣщаній, какъ это установлено въ прусскихъ судахъ чести.

Выборный порядокъ назначенія членовъ суда чести и довѣріе общества офицеровъ къ этому суду служатъ лучшей гарантіей внутренней независимости судей и надлежащаго исполненія ими судейскихъ обязанностей.

Условія разбирательства дѣлъ.

§ **41.** Не подлежитъ сомнѣнію, что ни въ какой мѣрѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущена гласность суда общества офицеровъ. При обсужденіи поступковъ привлеченнаго къ суду, могутъ находиться единственно только лица, входящія въ составъ суда. Даже, въ предупрежденіе оглашенія предосудительныхъ поступковъ офицера, вся письменность должна лежать на обязанности самого суда, безъ всякаго участія писарей. Разглашеніе же происходящаго на судѣ лицами, входящими

въ составъ его, должно подвергать виновныхъ законной отвѣтственности.

Затѣмъ нѣтъ необходимости въ предоставленіи обвиняемому права избирать себѣ защитника. У насъ никогда не допускалась и теперь не допускается защита чрезъ третье лицо на судѣ общества офицеровъ; обвиняемый обязанъ самъ изложить суду свои оправданія и объясненія. Дѣйствительно, во 1-хъ) разсмотрѣніе дѣлъ на судѣ общества офицеровъ происходитъ вовсе не въ состязательномъ порядкѣ, нѣтъ обвинителя, нѣтъ необходимости и въ защитникѣ; во 2-хъ) отсутствіе на судѣ общества офицеровъ всѣхъ тѣхъ формъ и обрядностей, которыя имѣютъ существенное значеніе на судѣ военномъ, не вызываетъ необходимости постояннаго напряженнаго и при томъ спокойнаго вниманія къ ходу процесса, которымъ, конечно, въ большинствѣ случаевъ не можетъ обладать самъ подсудимый, и въ виду чего является неизбѣжною и справедливою защита чрезъ третье лицо, и въ 3-хъ), наконецъ, при самомъ обсужденіи поступковъ обвиняемаго въ судѣ общества офицеровъ каждый изъ судей, высказывая все, что, по его мнѣнію, можетъ оправдывать обвиняемаго, тѣмъ самымъ какъ бы становится его защитникомъ (проектъ основныхъ положеній, стр. 48—49).

Наконецъ, несомнѣнно, что производство дѣлъ, подлежащихъ суду общества офицеровъ, должно отличаться простотою, отсутствіемъ формальностей и всѣхъ тѣхъ условій, при которыхъ неизбѣжно большее разглашеніе поступковъ, роняющихъ честь и достоинство офицерскаго званія (проектъ основн. полож., 25 стр.).

Въ виду изложенныхъ соображеній въ законѣ постановлено:

1) *Судъ общества офицеровъ производится при закрытыхъ дверяхъ* (ст. 149 Дисц. Уст.).

2) *Письменное производство ведется безъ участія писарей* (ст. 149 Дисц. Уст.).

3) *Разглашеніе происходящаго на судѣ строго воспрещается; оно признается поступкомъ одинаковымъ съ указанными въ ст. 130* (§ 1), *и виновные въ немъ члены суда подлежатъ преданію суду общества офице-*

ровъ, а со штабъ-офицерами поступается на основаніи 164 ст. сего устава [ст. 149 Дисц. Уст.] [1]).

4) *Вся письменность производства дѣлъ въ судѣ ограничивается приговоромъ и особыми постановленіями*: а) о разсмотрѣніи дѣлъ въ отсутствіе обвиняемаго, б) объ отводѣ кого либо изъ членовъ суда отъ участія въ рѣшеніи дѣла, в) объ отсрочкѣ засѣданія для собранія дополнительныхъ свѣдѣній по дѣлу, г) объ отказѣ обвиняемому въ повѣркѣ доказательствъ, для собранія которыхъ можетъ встрѣтиться надобность въ отсрочкѣ засѣданія, и д) о пріостановленіи разсмотрѣнія дѣла за неподвѣдомственностью онаго суду общества офицеровъ (всепод. докладъ Коммисіи для обсужденія проекта измѣненій въ Дисц. Уст.).

5) Сверхъ того, *защита чрезъ третье лицо на судѣ общества офицеровъ безусловно не допускается* (основн. положенія проекта, 50 стр.).

Порядокъ судебнаго разбирательства дѣлъ.

§ **42.** При отсутствіи въ судѣ общества офицеровъ сторонъ, т. е. обвинителя и защиты,—состязательный порядокъ разбирательства [2]) фактически невозможенъ, а допущеніе повѣрки дознанія путемъ вызова и допроса свидѣтелей повело бы къ осложненію производства, а слѣдовательно къ замедленію его и къ установленію весьма многихъ, но необходимыхъ при этомъ формъ и обрядовъ, тщательное устраненіе которыхъ составляло основное начало при учрежденіи суда общества офицеровъ (основн. полож., 51 стр.). Такъ какъ, вмѣстѣ съ этимъ, все-таки необходима извѣстная полнота судебнаго производства и соблюденіе такихъ условій, при которыхъ рѣшеніе могло бы отличаться основательностью и справедливостью,—установлены слѣдующія начала относительно порядка судебнаго разбирательства:

1) *Дѣйствія суда по разсмотрѣнію поступковъ обвиняемаго должны происходить всегда въ присутствіи*

---

[1]) См. § 11 (стр. 23).

[2]) Въ уголовныхъ судахъ состязательное начало выражается въ томъ, что сторонамъ предоставлено право иниціативы въ представленіи на судѣ доказательствъ.

послѣдняго, который призывается самимъ судомъ (ст. 150 Дисц. Уст.).

Невызовъ обвиняемаго въ судъ общества офицеровъ, вслѣдствіе чего обвиняемый лишается возможности защищаться,—составляетъ существенное нарушеніе формы судопроизводства (рѣш. Главн. Воен. Суда 1880 г. № 15).

Если обвиняемый по требованію суда общества офицеровъ не явится, безъ уважительной причины, то судъ, не останавливаясь разсмотрѣніемъ дѣла, постановляетъ заочный приговоръ (ст. 151 Дисц. Уст.).

О неявкѣ въ судъ обвиняемаго составляется особое постановленіе, въ которомъ должно быть объяснено, когда былъ сдѣланъ вызовъ обвиняемому, по какимъ причинамъ онъ не явился и почему причины эти признаны судомъ не заслуживающими уваженія. Постановленіе прилагается къ приговору суда (примѣч. къ ст. 151 Дисц. Уст.).

Если же обвиняемый не явился въ судъ по уважительной причинѣ (напр. по болѣзни) [1]), то засѣданіе суда отлагается впредь до устраненія этой причины; объ отсрочкѣ засѣданія не составляется постановленія, а предсѣдательствующій словесно доноситъ командиру полка.

2) *Дѣйствія суда общества офицеровъ заключаются:*

а) *въ разсмотрѣніи всѣхъ собранныхъ дознаніемъ свѣдѣній* (ст. 150 Дисц. Уст.), т. е. въ разсмотрѣніи какъ словесныхъ объясненій членовъ суда, производившихъ дознаніе, такъ и всѣхъ приложенныхъ къ сему дознанію документовъ, а равно и письменныхъ объясненій обвиняемаго, если таковыя были представлены имъ во время производства дознанія; и

б) *въ выслушаніи оправданія обвиняемаго* (ст. 150 Дисц. Уст.), т. е. въ выслушаніи словесныхъ объясненій и оправданій обвиняемаго по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, а равно въ прочтеніи письменныхъ доказательствъ, если таковыя будутъ предъявлены имъ суду.

3) *Судъ никакихъ свидѣтелей не вызываетъ и вообще допросъ свидѣтелей на судѣ не допускается.* При послѣднемъ пересмотрѣ Дисциплинарнаго Устава предпола-

---

[1]) Причины неявки, признаваемыя законными, указаны въ 452, 454 и 604 ст. Воен.-Суд. Уст.

галось допустить выслушаніе судомъ словесныхъ показаній свидѣтелей, прибывшихъ въ засѣданіе его по просьбѣ обвиняемаго; но это предположеніе не было принято при окончательномъ обсужденіи проекта устава.

Не допускается вызовъ и допросъ на судѣ не только свидѣтелей, но и потерпѣвшаго. Исключенія составляютъ дѣла «о ссорахъ», но тогда обѣ стороны являются въ качествѣ обвиняемыхъ и судъ въ этихъ случаяхъ руководствуется приказомъ по воен. вѣд. 1894 г. за № 118.

4) *Если при обсужденіи поступковъ обвиняемаго, встрѣтится существенная необходимость въ собраніи какихъ либо дополнительныхъ свѣдѣній, то судъ имѣетъ право, не постановляя приговора, отсрочить засѣданіе. Въ «постановленіи» по сему предмету судъ долженъ изложить основанія отсрочки, о коихъ обязанъ немедленно, черезъ старшаго члена, донести* (словесно) *командиру полка, который, по полученіи судомъ дополнительныхъ свѣдѣній, вновь назначаетъ время для собранія онаго, по общему правилу* (ст. 153 Дисц. Уст.).

Отсрочка засѣданія, для собранія дополнительныхъ свѣдѣній по дѣлу, можетъ послѣдовать во всякое время засѣданія, т. е. какъ до приступа къ постановленію приговора, такъ и во время окончательнаго обсужденія рѣшенія поступка обвиняемаго. Эта отсрочка засѣданія можетъ послѣдовать какъ по собственной иниціативѣ суда, такъ и по заявленію обвиняемаго; въ послѣднемъ случаѣ вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія суда уважить это ходатайство или отказать. Но въ случаѣ отказа судъ долженъ въ особомъ постановленіи изложить основанія, руководившія его дѣйствіями (всепод. докладъ Коммисіи для обсужденія проекта измѣненій въ Дисц. Уст.).

Собраніе дополнительныхъ свѣдѣній судъ общества офицеровъ поручаетъ кому либо изъ членовъ этого суда.

Постановленіе приговора.

§ **43.** *По выслушаніи оправданій обвиняемаго* (см. § 42, пунк. 2, лит. *б) и по удаленіи его изъ засѣданія, судъ приступаетъ къ словесному обсужденію свойства по-*

ступковъ и степени вины и къ постановленію приговора (ст. 153 Дисц. Уст.).

§ **44.** *Приговоръ суда постановляется большинствомъ голосовъ. Голоса подаются открыто, начиная съ младшаго* (ст. 155 Дисц. Уст.).

Какъ было уже сказано, при постановленіи приговора обвиняемый не можетъ присутствовать. Передъ подачею голосовъ должно быть общее совѣщаніе между собою членовъ суда, подъ руководствомъ предсѣдательствующаго, который, впрочемъ, долженъ дать всѣмъ, безъ исключенія, полную свободу высказать свои мнѣнія. Предсѣдательствующій не имѣетъ права дѣлать какія либо увѣщанія членовъ суда. Ему предоставлено право только руководить во всемъ какъ во время засѣданія, такъ и при совѣщаніи, выслушивать и назначать время голосованія.

Послѣ такого совѣщанія судъ приступаетъ къ постановленію окончательнаго приговора, т. е. къ голосованію. Каждый изъ членовъ, начиная съ младшихъ, спрашивается предсѣдательствующимъ о его мнѣніи; послѣднимъ подаетъ голосъ предсѣдательствующій. Какъ спросъ, такъ и отвѣтъ дѣлается *словесно* и *гласно* (открыто). Каждый изъ членовъ обязанъ объявить свое мнѣніе отдѣльно отъ другихъ.

Судъ рѣшаетъ дѣло по простому большинству голосовъ.

При этомъ голосованіи предварительно разрѣшается вопросъ о «свойствѣ поступка», т. е. о *виновности* обвиняемаго; и если большинствомъ голосовъ вопросъ этотъ разрѣшится въ утвердительномъ смыслѣ, т. е. если судъ признаетъ офицера виновнымъ, то тѣмъ же порядкомъ (начиная съ младшихъ и т. д.) разрѣшается вопросъ о «степени вины» офицера, т. е. о *наказаніи*. При обсужденіи вопроса о наказаніи, прежде всего долженъ быть рѣшенъ вопросъ: подлежитъ ли обвиняемый офицеръ удаленію изъ полка или нѣтъ? Если большинство голосовъ будетъ въ пользу удаленія, то въ этомъ смыслѣ и постановляется приговоръ. Если же большинство голосовъ будетъ противъ удаленія обвиняемаго изъ полка, то въ этомъ случаѣ приговоръ ограничивается однимъ внушеніемъ (§ 46).

Изъ практики судовъ общества офицеровъ мнѣ извѣстенъ случай, гдѣ возникъ вопросъ о томъ — обязаны ли члены этого суда, оставшіеся въ меньшинствѣ, при раз-

рѣшеніи вопроса о виновности, и высказавшіеся за отрицательное разрѣшеніе этого вопроса, принимать участіе въ обсужденіи вопроса о наказаніи?

Исходя изъ того соображенія, что приговоръ долженъ быть не мнѣніемъ отдѣльныхъ судей, а продуктомъ коллегіи суда, въ которой элементы личные входящихъ въ составъ суда ея лицъ уничтожаются, для того, чтобы дать мѣсто единенію идеальному,—слѣдуетъ прійти къ выводу, что каждый членъ суда долженъ принимать участіе въ разрѣшеніи всѣхъ подлежащихъ обсужденію суда вопросовъ, и что въ интересахъ этого участія онъ долженъ считаться съ мнѣніемъ большинства, состоявшимся въ противность его мнѣнію. Слѣдовательно, членъ суда, высказавшійся за невиновность, обязанъ принять участіе въ опредѣленіи наказанія.

Въ виду изложенныхъ соображеній, и самый приговоръ суда подписывается всѣми членами, въ томъ числѣ и тѣми, которые остались въ меньшинствѣ (ст. 157 Дисц. Уст.; см. § 47).

§ **45.** *Члены суда общества офицеровъ должны основывать свой приговоръ единственно на внутреннемъ убѣжденіи.* Постановляя свой приговоръ самостоятельно и твердо, не взирая на лица и партіи, безъ страха и потворства, справляясь лишь съ своей собственной совѣстью, судъ обязанъ имѣть въ виду только одну задачу: рѣшить, на сколько офицеръ, своимъ поступкомъ, нарушилъ общія правила нравственности, а также и честь и достоинство офицерскаго званія. Какъ судьи чести, какъ охранители доблести офицерскаго званія вообще, они должны стоять внѣ всякихъ партій въ полку и не должны поддаваться вліянію начальниковъ; они, конечно, должны выслушать мнѣніе начальника, какъ лица авторитетнаго въ дѣлахъ чести, но принять его только какъ совѣтъ, а не приказаніе.

Судъ чести есть великая нравственная сила; но если онъ сдѣлается орудіемъ въ рукахъ начальника или игрушкой въ рукахъ партій, то онъ не только теряетъ всякое значеніе, но является крайне вреднымъ и развращающимъ общество учрежденіемъ. Вотъ что должны всегда помнить члены суда общества офицеровъ при постановленіи приговора.

§ **46.** *Судъ общества офицеровъ можетъ постано-*

вить приговоръ: 1) объ оправданіи обвиняемаго; 2) о томъ, чтобы ему сдѣлать внушеніе, и 3) объ удаленіи его изъ полка (ст. 156 Дисц. Уст.). Такимъ образомъ, судъ постановляетъ двоякаго рода приговоры:

а) или о полномъ оправданіи обвиняемаго;

б) или же о наказаніи обвиняемаго [1]).

Оправдательный приговоръ суда общества офицеровъ отличается отъ подобныхъ судебныхъ приговоровъ уголовныхъ судовъ, гдѣ оправданіе постановляется по «недоказанности вины» или въ виду «доказанной невиновности» тѣмъ, что здѣсь оправданіе можетъ быть только полное и по доказанности «безусловной невиновности» обвиняемаго. Въ данномъ случаѣ судъ общества офицеровъ долженъ вполнѣ убѣдиться, что обвиняемый не совершилъ поступка, оскорбляющаго нравственность и военно-сословную честь.

Обвинительный приговоръ, смотря по свойству поступка, можетъ быть двоякій: 1) въ случаяхъ, когда честь лишь подвергается опасности оскорбленія, и дѣйствія или упущенія обвиняемаго, хотя и заслуживаютъ порицанія, не заключаютъ въ себѣ данныхъ, по которымъ онъ оказался бы недостойнымъ къ продолженію службы,—*судъ можетъ ограничиться однимъ «внушеніемъ»;* и 2) въ случаяхъ же дѣйствительнаго оскорбленія нравственности или воинской чести, а именно, когда обвиняемый оказывается виновнымъ въ поведеніи или поступкахъ (внѣ и на службѣ), несовмѣстныхъ съ понятіями о воинской чести и доблести офицерскаго званія или изобличающихъ въ обвиняемомъ отсутствіе правилъ нравственности и благородства, и когда, слѣдовательно, онъ оказывается недостойнымъ продолжать службу,—*судъ постановляетъ «объ удаленіи его со службы»*.

При разбирательствѣ поступка офицера, на судѣ общества офицеровъ могутъ обнаружиться обстоятельства, вліяющія на подсудность дѣла, а именно: или что

---

[1]) По дѣламъ же о ссорахъ между офицерами судъ постановляетъ приговоръ единственно на основаніи приказа по Воен. Вѣд. 1894 г. за № 118, т. е. рѣшаетъ вопросъ только о томъ: возможно-ли въ данномъ случаѣ примиреніе или же поединокъ представляется единственнымъ средствомъ удовлетворенія оскорбленной чести офицера, и въ случаѣ признанія возможности примиренія, судъ принимаетъ соотвѣтствующія обстоятельствамъ столкновенія и характеру противниковъ—мѣры къ примиренію, хотя бы вызовъ на поединокъ послѣдовалъ до разсмотрѣнія дѣла въ судѣ.

поступокъ соединенъ съ нарушеніемъ обязанностей службы, воинскаго чинопочитанія или противенъ долгу службы,— т. е. составляетъ служебное нарушеніе, предусм. 9 ст. Дисц. Уст. или Воинск. Уст. о наказаніяхъ (см. § 3), или что поступокъ заключаетъ въ себѣ признаки преступленія или проступка, предусмотрѣннаго уголовными законами, т. е. Уложеніемъ о наказаніяхъ, уголовн. и исправит., или Уставомъ о наказ.. налагаемыхъ Мировыми Судьями (см. § 3). Въ такихъ случаяхъ судъ общества офицеровъ, не постановляя приговора, пріостанавливаетъ разсмотрѣніе дѣла, какъ неподлежащее вѣдомству этого суда, и представляетъ оное, при особомъ постановленіи, командиру полка; дальнѣйшій ходъ дѣла зависитъ отъ этого послѣдняго.

Но въ случаяхъ, когда поступокъ офицера, влекущій за собою уголовную отвѣтственность по суду, вмѣстѣ съ тѣмъ мараетъ не только личность этого офицера, но и честь и достоинство офицерскаго званія вообще, то за такое дѣяніе обвиняемый можетъ быть преданъ предварительно суду общества офицеровъ, а затѣмъ уже уголовному суду. Сужденіе подобныхъ поступковъ судомъ чести и удаленіе виновнаго офицера изъ службы по приговору этого суда,—по разъясненію Главнаго Военнаго Суда (рѣш. 1888 г. за № 101), является лишь мѣрой, охраняющей достоинство военной службы, *такъ какъ судъ общества офицеровъ*, какъ судъ спеціальный, учрежденный для охраненія достоинства военной службы, *разсматриваетъ поступки офицеровъ лишь съ точки зрѣнія совмѣстности этихъ поступковъ съ понятіями о воинской чести и доблести офицерскаго званія, не касаясь вовсе уголовной отвѣтственности виновнаго.*

Если начальникомъ части предписано было суду разсмотрѣть *дѣло по поводу ссоры*, т. е. по 2-й части 130 ст. Дисц. Устава, то судъ не вправѣ постановлять приговоръ (въ отношеніи наказанія) по 1-й части той же статьи [1]), а долженъ руководствоваться «правилами о разбирательствѣ ссоръ», объявленными въ прик. по воен. вѣд. 1894 г. за № 118.

---

[1]) По поводу этого нарушенія въ одной изъ частей артиллерія послѣдовало разъясненіе въ указанномъ смыслѣ въ Цирк. Главн. Арт. Управленія 1894 г. за № 54.

§ **47.** *Приговоръ суда общества офицеровъ подписывается предсѣдателемъ и всѣми членами суда* (ст. 157 Дис. Уст.).

Судъ постановляетъ приговоръ по внутреннему своему убѣжденію, и въ приговорѣ не излагается мотивовъ, т. е. основаній, по которымъ можно было бы судить, почему судъ пришелъ къ тому, а не къ иному убѣжденію. Вслѣдствіе чего этотъ приговоръ не подлежитъ повѣркѣ и контролю «по существу» и командиръ части уполномоченъ закономъ провѣрять и отмѣнять приговоръ единственно только по нарушенію правилъ производства (т. е. формъ и обрядовъ), не касаясь существа (ст. 159 Дисц. Уст.; ст. § 54).

Въ виду какъ такого значенія приговоровъ суда общества офицеровъ, такъ и господствующаго, въ производствѣ подлежащихъ этому суду дѣлъ. ограниченія письменности и формальностей, законъ не указываетъ даже формы приговора. Нисколько не стѣсняя судъ относительно самой формы приговоровъ, законъ требуетъ только, чтобы приговоръ (въ формѣ конфиденціальной записки) [1]) былъ подписанъ всѣмъ составомъ суда и заключалъ въ себѣ окончательное опредѣленіе (рѣшеніе) суда (156 и 157 ст. Дисц. Уст.). Сообразно съ этими требованіями приговоръ долженъ заключать: 1) *чинъ и фамилію обвиняемаго;* 2) *поступокъ, въ которомъ обвиняемый признанъ виновнымъ или оправданъ,* но безо всякой мотивировки; т. е. излагается только голый фактъ (предметъ обвиненія), но не приводятся мотивы признанія или непризнанія (въ случаѣ оправдательнаго вердикта) этого факта или такъ называемыя соображенія, относящіяся до оцѣнки доказательствъ и уликъ; 3) *опредѣленное судомъ взысканіе.*

§ **48.** *На разсмотрѣніе дѣла въ судѣ общества офицеровъ и постановленіе приговора полагается не болѣе сутокъ* (ст. 154 Дисц. Уст.). Отступленіе отъ этого правила допускается только въ случаяхъ очевидной въ томъ необходимости, напримѣръ: отсрочка (пріостановленіе) засѣданія для собранія дополнительныхъ свѣдѣній (ст. 135 Дисц. Уст.; см. § 42).

[1]) Цирк. отзывъ Воен. Мин. Командующимъ войсками въ округахъ отъ 18 іюня 1888 г. за № 105.

Указанное правило установлено, какъ въ видахъ достиженія возможно скораго рѣшенія дѣлъ о предосудительныхъ поступкахъ офицеровъ, такъ и въ виду несложности подлежащихъ разрѣшенію суда вопросовъ и условій порядка производства дѣлъ.

§ **49.** *Все дѣлопроизводство суда общества офицеровъ и самые приговоры, до объявленія ихъ обвиняемымъ, должны быть сохраняемы въ тайнѣ. Судьи должны сохранять въ тайнѣ мнѣнія, высказанныя отдѣльными членами.*

Разглашеніе происходящаго на судѣ строго воспрещается; оно признается поступкомъ, одинаковымъ съ указанными въ ст. 130 (см. § 1), и виновные въ немъ члены суда подлежатъ преданію суда общества офицеровъ, а со штабъ-офицерами поступается на основаніи 164 ст. Дисц. Устава (ст. 149 Дисц. Уст.; см. § 1).

«Законъ, воспрещая въ этихъ случаяхъ разглашеніе тайнъ, имѣетъ въ виду объявленіе секретныхъ обстоятельствъ во всеобщее свѣдѣніе, или же сообщеніе ихъ отдѣльнымъ лицамъ, коимъ они не должны быть извѣстны,— такъ что не можетъ быть почитаемо нарушеніемъ тайны сообщеніе ея содержанія, въ требуемыхъ обстоятельствами дѣла предѣлахъ, органамъ судебной власти, въ видахъ государственной или общественной пользы вообще и въ цѣляхъ правильнаго осуществленія правосудія въ частности» (заключеніе Управляющаго Воен. Министерствомъ Генер.-Лейт. Куропаткина, изложенное въ Указѣ Правит. Сената 1898 г. по дѣлу объ отставномъ Шт.-Капит. Астраханскаго полка Скоровѣ) [1].

---

[1]) Шт.-Кап. Скоровъ былъ удаленъ изъ полка по приговору суда общества офицеровъ, при чемъ въ основу его обвиненія легъ отзывъ о немъ завѣдующаго редакціей газеты «Русскій Листокъ», присяжнаго повѣреннаго Казецкаго. Скоровъ привлекъ Казецкаго къ мировому, обвиняя его въ клеветѣ; но мировой судья, а затѣмъ и мировой съѣздъ оправдали Казецкаго на томъ основаніи, что офицеры—члены суда общества офицеровъ, будучи вызваны свидѣтелями, отказались давать показанія, сославшись на «профессіональную тайну». Скоровъ, желая возстановить свое доброе имя передъ товарищами и обществомъ, принесъ кассаціонную жалобу въ Сенатъ. Сенатъ, разсмотрѣвъ заключеніе Управляющаго Воен. Министерствомъ, опредѣлилъ: приговоръ московскаго столичнаго мирового съѣзда отмѣнить, а дѣло передать въ тотъ же съѣздъ, для новаго разсмотрѣнія, въ другомъ составѣ присутствія; причемъ Сенатъ, въ своемъ указѣ разъяснилъ, согласно заключенію Ген.-Лейт. Куропаткина, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ—какимъ на этотъ разъ служитъ примѣромъ дѣло Скорова съ Казецкимъ—офицерамъ, состоящимъ въ числѣ членовъ офицерскаго суда, вмѣняется въ обязанность давать всякія показанія, при чемъ, если тайна очень важна, то давать показанія при закрытыхъ дверяхъ.

§ **50.** *Всѣ издержки суда общества офицеровъ принимаются на счетъ казны.*

Объявленіе приговора и представленіе его полковому командиру.

§ **51.** *Приговоръ суда общества офицеровъ объявляется немедленно привлеченному къ отвѣтственности офицеру и въ тотъ же день представляется, со всѣми приложеніями, при рапортѣ предсѣдательствующаго, полковому командиру* (ст. 157 Дисц. Уст.).

Необъявленіе судомъ общества офицеровъ подсудимому *всего* приговора составляетъ существенное нарушеніе формы судопроизводства (рѣш. Глав. Воен. Суда 1880 г. за № 15).

Но если обвиняемый, по требованію суда, не явится въ засѣданіе, безъ уважительной причины, то судъ постановляетъ заочный приговоръ (§ 42) и за симъ немедленно представляетъ этотъ приговоръ полковому командиру. Состоявшійся въ этомъ судѣ заочный приговоръ считается объявленнымъ обвиняемому со дня постановленія приговора.

Глава VII.

Обжалованіе рѣшеній суда общества офицеровъ.

§ **52.** *Право обжалованія рѣшеній суда общества офицеровъ принадлежитъ безразлично какъ обвиняемымъ, такъ и, въ порядкѣ надзора, полковому командиру* (ст. 158 и 159 Дисц. Уст.).

§ **53.** *На приговоръ суда общества офицеровъ по существу дѣла жалобъ не допускается, а командиръ полка, въ порядкѣ надзора, не разсматриваетъ приговора по существу.*

При учрежденіи суда общества офицеровъ была высказана мысль о дозволеніи офицерамъ, недовольнымъ рѣшеніемъ суда общества офицеровъ, приносить жалобы, по существу, въ административномъ порядкѣ или требовать

формальнаго суда, но такой порядокъ обжалованія былъ признанъ несоотвѣтствующимъ самой цѣли учрежденія суда общества офицеровъ и колеблющимъ нравственно-обязательную силу его рѣшеній. Взглядъ этотъ справедливъ, потому что обжалованіе по существу приговоровъ суда общества офицеровъ, не колебля самыхъ основаній этого учрежденія, можетъ быть допущено единственно только въ смыслѣ аппелляціи къ высшему суду, учреждаемому на однихъ и тѣхъ же началахъ съ низшимъ, въ качествѣ аппелляціоннаго суда. Мысль объ учрежденіи такого суда возникла впервые при пересмотрѣ положенія о судѣ общества офицеровъ въ 1873 году; предполагалось учрежденіе особыхъ дивизіонныхъ судовъ. Коммиссія, пересматривавшая означенное положеніе, высказалась противъ учрежденія аппелляціонныхъ судовъ. Она нашла, во первыхъ, что допущеніе обжалованія по существу приговоровъ суда общества офицеровъ нарушитъ существенную особенность этого суда, заключающуюся въ веденіи дѣла негласно, и, во вторыхъ, что на практикѣ явится много затрудненій вслѣдствіе необходимости повѣрки показаній, данныхъ обвиняемымъ, неизбѣжности вызова свидѣтелей, и прочее, тогда какъ свидѣтели не вызываются даже и въ низшую инстанцію, т. е. въ суды общества офицеровъ вообще (основн. положен. проекта, 69—70 стр.).

§ **54.** *Постановленный судомъ общества офицеровъ приговоръ считается окончательнымъ и не подлежащимъ обжалованію* (обвиняемымъ) *и повѣркѣ* (командиромъ части) *по существу* (см. § 47). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, для достиженія вообще правильности производства дѣлъ и постановленія рѣшеній въ судахъ общества офицеровъ, допущено обжалованіе всѣхъ приговоровъ, безъ исключенія, въ случаѣ нарушенія правилъ процесса.

Обвиненному судомъ офицеру предоставляется приносить командиру полка жалобу на нарушеніе правилъ, для производства сего суда опредѣленныхъ; напримѣръ, если судъ соберется безъ разрѣшенія полковаго командира или въ ненадлежащемъ составѣ (когда, напримѣръ, не уваженъ законный отводъ кого либо изъ членовъ суда), *или если обвиняемый не былъ вызванъ въ судъ для представленія объясненія, или ему будетъ отказано въ повѣркѣ дока-*

зательствъ, представленныхъ имъ въ свое оправданіе, и т. п. (ст. 158 Дисц. Уст.).

Командиръ же полка, если найдетъ подобную жалобу справедливой, или самъ усмотритъ (въ порядкѣ надзора) *въ производствѣ дѣла существенное нарушеніе правилъ, для сего опредѣленныхъ, имѣетъ право отмѣнить приговоръ суда и приказать предсѣдательствующему вновь созвать судъ общества офицеровъ и обсудить дѣло съ соблюденіемъ установленныхъ для суда правилъ* [ст. 159 Дисц. Уст.] [1]).

§ **55.** Въ видахъ достиженія возможно скораго рѣшенія дѣлъ о предосудительныхъ поступкахъ офицеровъ, на обжалованіе приговора суда общества офицеровъ, установленъ опредѣленный срокъ.

Обвиняемому предоставлено приносить жалобу въ теченіе трехъ сутокъ со времени объявленія ему приговора суда (ст. 158 Дисц. Уст.). При обжалованіи заочныхъ приговоровъ (§ 42, п. 1) срокъ обжалованія начинается со дня постановленія приговора. По истеченіи этого срока обвиняемый лишается права на обжалованіе приговора и жалобы его оставляются безъ послѣдствій.

Полковому командиру на разсмотрѣніе и дальнѣйшее направленіе дѣла (отмѣна приговора за нарушеніемъ существенныхъ правилъ производства) *полагается не болѣе трехъ дней. Срокъ считается со дня представленія приговора* (157 ст. Дисц. Уст.; см. § 51), *а если подана жалоба—со дня подачи оной* (ст. 159 Дисц. Уст.).

Командиръ полка, получивъ приговоръ и усмотрѣвъ изъ онаго, лично или по жалобѣ обвиняемаго, существенное *нарушеніе судомъ установленныхъ формъ* производства въ немъ дѣла, отмѣняетъ приговоръ и приказываетъ предсѣдательствующему вновь созвать судъ для разсмотрѣнія дѣла, съ соблюденіемъ законнаго порядка. *То же право* принадлежитъ и каждому изъ высшихъ, въ порядкѣ подчиненности, начальниковъ.

Если офицеромъ, присужденнымъ къ удаленію изъ части, будетъ подана жалоба на *нарушеніе судомъ правилъ*

---

[1]) Если осужденный офицеръ пожелаетъ обжаловать распоряженіе командира полка по поводу оставленія безъ послѣдствій жалобы этого офицера, то въ такомъ случаѣ онъ поступаетъ на основаніи 103 ст. Дисц. Устава.

о подсудности, то военное начальство руководствуется циркулярнымъ отзывомъ Военнаго Министра отъ 18 іюня 1888 г. за № 105 (п. 7—10).

Глава VIII.

Приведеніе въ исполненіе приговоровъ суда общества офицеровъ и послѣдствія этихъ приговоровъ.

Приведеніе приговора въ исполненіе.

§ **56.** *Въ случаѣ постановленія приговора объ удаленіи офицера изъ полка, полковой командиръ, если съ его стороны не послѣдуетъ отмѣны приговора* (157 ст. Дисц. Уст.; см. §§ 54 и 55), *предлагаетъ виновному подать въ трехдневный срокъ просьбу объ отставкѣ.*

Означенное предложеніе должно быть сдѣлано по истеченіи трехъ сутокъ со дня представленія приговора полковому командиру (ст. 157 Дисц. Уст.; см. § 51) *и отнюдь не позже окончанія сроковъ, опредѣленныхъ въ предшедшей 159 статьѣ* (ст. 160 Дисц. Уст.; см. § 55).

Въ случаѣ представленія осужденнымъ офицеромъ просьбы объ отставкѣ, командиръ полка даетъ оной движеніе въ общемъ порядкѣ, установленномъ для увольненія офицеровъ отъ службы по ихъ собственному желанію, *съ оговоркой* въ своемъ рапортѣ, что просьба объ отставкѣ подана вслѣдствіе приговора суда общества офицеровъ (прик. по в. в. 1897 г. № 93).

До послѣдняго пересмотра и изданія Дисциплинарнаго Устава (1888 года) увольненіе изъ службы виновнаго офицера находилось въ зависимости отъ разрѣшенія Главнаго Начальника военнаго округа. На основаніи ст. 151 или точнѣе 71 ст. XXIII кн. С. В. П. (дѣйствовавшей до изданія Дисц. Уст. 1888 г.), признанному судомъ общества офицеровъ подлежащимъ удаленію изъ полка дѣлалось предложеніе, съ разрѣшенія Главнаго Начальника военнаго округа, подать просьбу объ отставкѣ. Правило это на практикѣ вело

къ тому, что офицеръ, присужденный къ удаленію изъ полка, всегда могъ избѣжать послѣдствій, соединенныхъ съ подобнымъ удаленіемъ, если только онъ подавалъ своевременно, т. е. въ назначенный ему срокъ, прошеніе объ отставкѣ (проектъ основн. полож.. 60 стр.).

При послѣднемъ же пересмотрѣ Дисциплинарнаго Устава нашли возможнымъ считать рѣшеніе суда общества офицеровъ окончательнымъ, т. е. не ставить увольненіе виновнаго изъ службы въ зависимость отъ разрѣшенія Главнаго Начальника военнаго округа; поэтому, въ настоящее время, предложеніе удаляемому офицеру подать просьбу объ отставкѣ дѣлается непосредственно полковымъ командиромъ, безъ предварительнаго разрѣшенія на то Главнаго Начальника военнаго округа (всепод. докладъ Коммиссіи для обсужденія проекта измѣненій въ Дисц. Уст.). Этотъ новый порядокъ, въ виду несомнѣнной обязательности приговора суда общества офицеровъ, устранитъ отчасти медленность въ приведеніи его въ дѣйствительное исполненіе.

§ **57.** *Въ случаѣ поданія осужденными офицерами, по предложенію командира части* (§ 56), *прошеній объ отставкѣ, начальники дивизій и другія лица, пользующіяся одинаковыми съ ними правами, должны входить съ представленіями объ увольненіи отъ службы этихъ офицеровъ непосредственно въ Главный Штабъ* (Цирк. предп. Главн. Штаба 1890 г. № 5790).

§ **58.** *Если виновный не представитъ въ трехдневный срокъ означенной въ предыдущей статьѣ* (160 ст.; см. § 56) *просьбы, полковой командиръ дѣлаетъ немедленно представленіе по командѣ, согласно состоявшемуся приговору суда. Къ представленію прилагаются въ подлинникѣ приговоръ и особыя постановленія суда* (ст. 151—153; см. §§ 38 и 42), *если таковыя были* (ст. 161 Дисц. Уст.).

При представленіи объ увольненіи офицера отъ службы, въ случаѣ неподачи осужденнымъ просьбы объ отставкѣ, соблюдаются правила, указанныя въ 7 и 8 пункт. Циркулярнаго отзыва Военнаго Министра Командующимъ войсками въ округахъ отъ 18-го іюня 1888 г. за № 105.

§ **59.** *Въ случаѣ неподанія осужденными офицерами, по предложенію командира части, просьбы объ отставкѣ, представленія объ увольненіи такихъ офицеровъ*

отъ службы должны восходить, по командѣ, къ командующимъ войсками въ округахъ. Между тѣмъ, на практикѣ замѣчены неправильныя представленія объ увольненіи офицеровъ отъ службы, по приговорамъ суда общества офицеровъ, а именно: 1) нѣкоторые командиры частей предлагаютъ присужденнымъ къ удаленію изъ войскъ подавать прошенія о зачисленіи въ запасъ, тогда какъ слѣдуетъ предлагать подать прошенія объ отставкѣ (§ 56); и 2) нѣкоторые изъ начальниковъ, пользующихся властію начальниковъ дивизій, входятъ съ представленіями въ Главный Штабъ объ увольненіи отъ службы, по приговору суда общества офицеровъ, отказавшихся подать прошенія объ отставкѣ, тогда какъ въ подобныхъ случаяхъ представленія должны входить къ командующему войсками округа (Цирк. предп. Главн. Штаба 1890 г. № 5790).

§ **60.** Военнымъ Министромъ замѣчена была медленность въ перепискѣ по увольненію отъ службы офицеровъ, удаляемыхъ изъ частей, по приговорамъ судовъ общества офицеровъ. Такъ какъ замедленіе это лишаетъ приговоры всей ихъ силы, то Главный Штабъ, по приказанію Его Высокопревосходительства, подтвердилъ по военному вѣдомству, чтобы *представленія объ увольненіи офицеровъ отъ службы, вслѣдствіе состоявшихся о нихъ приговоровъ суда общества офицеровъ, были дѣлаемы установленнымъ порядкомъ немедленно, по утвержденіи означенныхъ приговоровъ* (Цирк. Главн. Штаба 1885 г. № 3).

Приказомъ по Военному вѣдомству 1897 г. за № 93 *подтверждено:* 1) чтобы командиры частей войскъ въ точности руководствовались ст. 158—162 Уст. Дисц. изд. 1888 г., и Циркулярнымъ отзывомъ Военнаго Министра Командующимъ войсками въ округахъ отъ 18-го іюня 1888 г. за № 105, во всѣхъ случаяхъ, когда кто-либо изъ офицеровъ будетъ подлежать удаленію изъ части, согласно приговору суда общества офицеровъ; 2) чтобы представленія объ увольненіи такихъ офицеровъ отъ службы дѣлались безъ всякаго промедленія, дабы сохранить за приговоромъ суда общества офицеровъ присущую ему силу и не оставлять долгое время на службѣ удаляемыхъ изъ частей офицеровъ, и 3) чтобы въ самыхъ представленіяхъ командиры частей непремѣнно оговаривали, что

увольняемый офицеръ подалъ прошеніе объ отставкѣ по предложенію о томъ, вслѣдствіе приговора суда общества офицеровъ. Оговорку эту дѣлать въ п. 6 формы представленія, объявленной къ руководству при приказѣ по в. вѣд. 1894 г. за № 275.

§ **61.** Приговоръ суда общества офицеровъ является окончательнымъ и не подлежитъ обжалованію и провѣркѣ по существу (§ 54); командиръ части, въ порядкѣ надзора или по жалобѣ обвиненнаго, вправѣ только отмѣнить приговоръ и то лишь въ случаѣ нарушенія судомъ существенныхъ правилъ производства (§ 54). *Но командиръ части и даже всѣ высшія начальствующія лица* (къ которымъ восходитъ представленіе объ увольненіи офицера по приговору суда общества офицеровъ) *не уполномочены закономъ входить въ обсужденіе существа приговора, измѣнять его и даже ходатайствовать объ измѣненіи, хотя бы и находили этотъ приговоръ несоотвѣтствующимъ важности вины.* Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Дисциплинарномъ Уставѣ нѣтъ прямаго указанія на право военнаго начальства дѣлать представленія объ увольненіи отъ службы офицеровъ, понесшихъ уже взысканіе по суду общества офицеровъ въ тѣхъ собственно случаяхъ, когда оно найдетъ приговоръ сего суда несоотвѣтствующимъ важности вины; однако, въ виду ст. 57 Дисц. Устава [1]) нельзя не признать, что и *въ случаяхъ недостаточной строгости приговора суда общества офицеровъ, высшее начальство можетъ войти съ представленіемъ объ увольненіи виновнаго отъ службы, если только, по обстоятельствамъ дѣла, найдетъ оставленіе его на службѣ невозможнымъ* (отзывъ Главн. Воен.-Судн. Управленія 1890 г. за № 5501).

§ **62.** *Въ случаяхъ увольненія офицеровъ*, за предосудительные поступки, подлежащіе вѣдѣнію суда общества офицеровъ, *въ дисциплинарномъ порядкѣ*, оберъ-офицеровъ—вслѣдствіе невозможности образовать названный судъ

---

[1]) Высшія начальствующія лица непосредственно опредѣляютъ дисциплинарныя взысканія, когда по жалобѣ или дошедшему до высшаго начальства донесенію откроется, что проступокъ подчиненнаго оставленъ ближайшимъ его начальникомъ безъ всякаго взысканія или когда высшее начальство усмотритъ, что самое взысканіе опредѣлено ближайшимъ начальникомъ несоотвѣтственно свойству проступка или важности вины (3 п. 57 ст. Дисц. Уст.).

(§§ 15 и 18), а штабъ-офицеровъ по неподсудности ихъ этому суду,—представленія объ увольненіи отъ службы восходятъ: къ Военному Министру относительно оберъ-офицеровъ отъ командировъ корпусовъ, а о штабъ-офицерахъ отъ командующихъ войсками въ округахъ (Цирк. предп. Глав. Шт. 1890 г. № 5790).

§ **63.** *Отъ уволенныхъ отъ службы по приговору суда общества офицеровъ не пріемлются жалобы на неправильное рѣшеніе, а также просьбы о преданіи суду для доказанія своей невиновности* (ст. 163 Дисц. Уст.).

Послѣдствія увольненія отъ службы по приговору суда общества офицеровъ.

§ **64.** *Офицеры, уволенные по приговору суда общества офицеровъ, подвергаются тѣмъ же послѣдствіямъ* (ст. 69), *какъ и уволенные отъ службы по распоряженію начальства* (ст. 162 Дисц. Уст.). Правила объ увольненіи отъ службы въ порядкѣ дисциплинарномъ изложены выше (§ 15, выноска).

На основаніи 69 ст. Дисц. Уст., въ редакціи, объявленной въ приказѣ по воен. вѣдомству 1893 года за № 175: «Офицеры и чиновники, увольняемые отъ службы по распоряженію начальства, сохраняютъ право на полученіе выслуженной ими пенсіи, *но удостоиваются награжденія чиномъ и права ношенія въ отставкѣ мундира не иначе, какъ по ходатайству о томъ начальства*». Равнымъ образомъ и тѣ изъ упомянутыхъ въ 69 статьѣ лицъ, которыя увольняются отъ службы вслѣдствіе поданнаго ими, по предложенію начальства, прошенія объ отставкѣ, не могутъ быть удостоиваемы награжденія чиномъ и права ношенія въ отставкѣ мундира, если о томъ не послѣдуетъ ходатайства начальства (примѣчаніе къ 69 ст., объяв. въ прик. по воен. вѣд. 1893 г. за № 175).

Въ настоящее время послѣдствія увольненія по суду общества офицеровъ одинаковы съ послѣдствіями увольненія изъ службы въ порядкѣ дисциплинарномъ (162 ст. Дисц. Уст), т. е. указанными въ 69 ст. Дисц. Устава. До преобразованія же суда общества офицеровъ въ 1869 году и самыя послѣдствія увольненія въ порядкѣ дисци-

плинарномъ были значительно строже и, кромѣ того, судъ общества офицеровъ имѣлъ право признать необходимымъ обозначить въ Высочайшемъ приказѣ и указѣ объ отставкѣ, что офицеръ уволенъ по приговору суда общества офицеровъ и въ такомъ случаѣ уволенный могъ быть вновь принятъ на службу не иначе, какъ съ особаго Высочайшаго разрѣшенія. Однако при разсмотрѣніи въ законодательномъ порядкѣ проекта измѣненій положенія о судѣ общества офицеровъ въ 1877 году, Главный Военный Судъ нашелъ, что правило объ увольненіи въ отставку съ объявленіемъ приговора суда въ Высочайшемъ приказѣ и съ лишеніемъ права вступленія въ службу не только не согласно съ новымъ порядкомъ, введеннымъ уставомъ объ общей воинской повинности, но и съ самымъ существомъ офицерскаго суда. Судъ этотъ имѣетъ характеръ чисто семейный, и производство его не обусловлено тѣми обезпеченіями правильности приговоровъ, которыя установлены для производства суда формальнаго. При томъ ему подсудны проступки, не предусмотрѣнные уголовными законами и не сопряженные съ нарушеніемъ обязанностей службы и дисциплины. Вслѣдствіе сего Высочайше утвержденнымъ 31 марта 1877 года проектомъ и было установлено существующее нынѣ правило о томъ, что приговоръ суда общества офицеровъ объ удаленіи изъ полка ограничивается только простымъ увольненіемъ виновнаго отъ службы (ст. 160 Д. У.). Помимо вышеприведенныхъ соображеній Главнаго Военнаго Суда нельзя не принять во вниманіе и того, что виновными въ предосудительныхъ поступкахъ, подлежащихъ вѣдѣнію офицерскихъ судовъ, являются почти всегда молодые офицеры, нерѣдко впадающіе въ эти поступки единственно вслѣдствіе легкомыслія и недостаточной устойчивости взгляда на тѣ нравственныя обязанности, которыя налагаетъ званіе офицера, а равно честь и достоинство военнаго мундира. При такихъ условіяхъ казалось бы излишнимъ усиливать строгость послѣдствій увольненія отъ службы, затрудняя возможность обратнаго поступленія въ нее, а слѣдовательно и возможность новою безпорочною службою загладить прежде сдѣланныя ошибки. По нашимъ законамъ, даже подвергшіеся по суду не только увольненію, но и отставленію отъ службы,

пользуются правомъ, по истеченіи извѣстнаго времени, вновь вступать на нее безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія. Уже само по себѣ недобровольное оставленіе службы составляетъ довольно тяжелое наказаніе, а уволенный по приговору суда общества офицеровъ можетъ быть, кромѣ того, неудостоенъ награжденія чиномъ и лишенъ права ношенія въ отставкѣ мундира (73 ст. прежде дѣйствовавшей XXIII кн. С. В. П. а 69 ст. Дисц. Уст. 1888 г. въ редакціи приказа по воен. вѣд. 1893 г. № 175). Въ виду изложенныхъ соображеній и установлено нынѣ правило (162 ст. Дисц. Уст.), на основаніи котораго офицеры, уволенные отъ службы по приговору суда общества офицеровъ, подвергаются тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и уволенные отъ службы по распоряженію начальства (основн. положен. проекта Дисц. Уст., 64—67 стр.).

§ **65.** Согласно указанной 69 ст. Дисц. Устава, въ новой ея редакціи (1893 года), офицеры, какъ *подчинившіеся, такъ и не подчинившіеся* сдѣланному имъ предложенію о подачѣ прошенія объ отставкѣ, *удостоиваются награжденія ихъ чиномъ и мундиромъ* не иначе, какъ *по ходатайству начальства,* и, слѣдовательно, новыя правила не расширяютъ, а ограничиваютъ права офицеровъ, увольняемыхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, на полученіе означенныхъ наградъ. Въ виду сего офицеры, неудостоенные сихъ наградъ при увольненіи отъ службы на основаніи прежнихъ, болѣе льготныхъ, для нихъ, правилъ [1]), никоимъ образомъ не могутъ получить эти награды въ настоящее время по новому закону, объявленному въ приказѣ по военному вѣдомству

---

[1]) Прежняя редакція 69 ст. Дисц. Уст. изд. 1888 г. была такова: Офицеры и чиновники, увольняемые отъ службы по распоряженію начальства, сохраняютъ право на полученіе выслуженной ими пенсіи, причемъ тѣ изъ нихъ, которые не подали по сдѣланному имъ предложенію просьбы объ отставкѣ, удостоиваются награжденіемъ чиномъ и правомъ ношенія въ отставкѣ мундира не иначе, какъ по ходатайству начальства.

Такимъ образомъ, по прежде дѣйствовавшимъ правиламъ увольняемые со службы по распоряженію начальства (въ дисциплинарномъ порядкѣ), сохраняли безусловное право на награжденіе ихъ чинами и мундирами, согласно ст. 148, 158 и 166 кн. VIII С. В. П. 1869 г., если они подчинились сдѣланному имъ предложенію о подачѣ прошенія объ отставкѣ, и только неподчинившіеся такому предложенію удостоивались упомянутыхъ наградъ не иначе, какъ по ходатайству начальства (отзывъ Главн. Штаба отъ 23 сентября 1893 г. за № 42603, на имя Штаба Одесскаго воен. округа).

1893 г. за № 175 (отзывъ Главн. Военно-Суднаго Управ. отъ 18 сентября 1893 г. за № 4485).

§ **66.** *Офицеры и чиновники, увольняемые отъ службы въ порядкѣ дисциплинарномъ, равно какъ и офицеры, удаляемые изъ войскъ по суду общества офицеровъ, въ запасъ не зачисляются, а увольняются въ отставку* (ст. 772 кн. VII С. В. П. 1869 г. изданія 1892 года и приказъ по воен. вѣд. 1887 г. за № 60).

Между тѣмъ нѣкоторые командиры частей предлагаютъ офицерамъ, присужденнымъ судомъ общества офицеровъ къ удаленію изъ войскъ, подавать прошенія о зачисленіи въ запасъ, тогда какъ, согласно 160 ст. Дисц. Устава, такимъ офицерамъ слѣдуетъ предлагать подавать прошенія объ отставкѣ, на томъ основаніи, что офицеры эти, согласно приказа по военному вѣдомству 1887 года № 60, не могутъ быть зачисляемы въ запасъ (циркулярное предписаніе Главнаго Штаба 1890 г. за № 5790).

§ **67.** *Подпрапорщики, подхорунжіе и эстандартъюнкера, удаляемые изъ войскъ въ дисциплинарномъ порядкѣ или по приговору суда общества офицеровъ, увольняются вовсе отъ службы, безъ зачисленія въ запасъ и ополченіе* (прик. по воен. вѣд. 1894 г. № 224).

§ **68.** Такъ какъ при изданіи въ 1887 году вошедшихъ нынѣ въ 772 ст. VII кн. С. В. П. правилъ о незачисленіи въ запасъ офицеровъ, увольняемыхъ отъ службы въ порядкѣ дисциплинарномъ, а также удаляемыхъ изъ войскъ по суду общества офицеровъ (прик. по военному вѣдомству 1887 г. № 60), не имѣлось въ виду подобныхъ офицеровъ, *ранѣе того зачисленныхъ въ запасъ*, исключить изъ онаго, то такіе офицеры, продолжая состоять въ запасѣ впредь до истеченія полнаго срока обязательной по Уставу о воинской повинности службы ихъ, должны и въ настоящее время пользоваться предоставленными запаснымъ офицерскимъ чинамъ правами и преимуществами, въ томъ числѣ и правомъ производства на вакансію въ слѣдующій чинъ (ст. 795, 803 и 805 кн. VII С. В. П. и 61 прежде дѣйствовавшаго Высочайше утвержденнаго 24 іюня 1882 г. Положенія объ офицерскихъ чинахъ запаса арміи), при соблюденіи, однако, условія, указаннаго въ ст. 751 VII кн. С. В. П. 1869 года (прик. по воен. вѣд. 1884 г. № 77), т. е. при наличности одобрительной о

нихъ аттестаціи того начальства, по представленію коего они уволены въ запасъ (отзывъ Главн. Воен.-Судн. Управленія отъ 27 января 1893 г. № 522).

§ **69.** *Казачьи* офицеры увольняются отъ службы, по суду общества офицеровъ, согласно правилъ, изложенныхъ въ Дисц. Уставѣ (прик. по воен. вѣд. 1897 г. за № 287).

Часть вторая.

О дуэляхъ въ офицерской средѣ.

I.

Историческое происхожденіе дуэли [1]).

Поединокъ или единоборство ведетъ свое начало отъ глубокой древности и встрѣчается въ исторіи права всѣхъ народовъ въ весьма различныхъ видахъ и съ различнымъ юридическимъ значеніемъ.

Античная древность не знала понятія поединка въ смыслѣ боя за оскорбленіе чести; къ нему прибѣгали иногда только какъ къ средству для разрѣшенія вооруженнаго спора одного народа съ другимъ.

Первые слѣды поединка въ этомъ смыслѣ встрѣчаются въ Библіи (борьба Давида съ Голіаѳомъ). Преданія восточныхъ народовъ, Греціи, Рима, нашей древней исторіи говорятъ неоднократно о единоборствѣ представителей воюющихъ сторонъ, о единоборствѣ, являющемся, нерѣдко, не только началомъ или приступомъ къ бою, но какъ бы замѣною его, рѣшителемъ спора. Отдѣльные поединки гомеровскихъ героевъ, какъ состязаніе Аякса и Гектора, самопожертвованіе Гораціевъ и Куріаціевъ были патріотическими подвигами, а не слѣдствіемъ оскорбленія части. Далѣе, въ римской жизни понятіе duellum, въ смыслѣ единоборства, стали примѣнять къ публичнымъ состязаніямъ въ силѣ, къ воинскимъ упражненіямъ молодыхъ римлянъ; а во времена

---

[1]) Пахманъ «О судебныхъ доказательствахъ»; Дубенскій «Русск. достопр.»; Полевой «Исторія рус. народа»; Бобровскій «Преступленія противъ чести по русск. законамъ до начала XVIII в.»; Спасовичъ «О преступленіяхъ противъ чести»; Неклюдовъ «Руководство къ особен. части уголов. права»; Бѣляевъ «Лекціи по исторіи русск. права»; Владимірскій-Будановъ «Христоматія по исторіи рус. права»; Авенаріусъ «Книга былинъ»; Самоквасовъ «Ист. русск. права»; Погодинъ «Изслѣдов., замѣч. и лекціи»; Акты Археологической Коммисіи; Gneist «Der Zwei-Kampf und die germanische Ehre»; Cauchy «Du duel»; Croabbon «La science du point d'honneur»; «Воен. Сборн.», «Журн. Мин. Юстиціи», «Журн. Юрид. Общ.» и др.

упадка Римской имперіи существовали состязанія гладіаторовъ и звѣрей, но они служили, подобно нынѣшнимъ боямъ быковъ въ Испаніи, только забавой для черни. Эти состязанія гладіаторовъ, въ которыхъ физическая сила человѣка могла обнаружиться въ блестящемъ свѣтѣ, были для рабовъ лучшимъ доказательствомъ того, что имъ не пристало заботиться о такъ называемомъ point d'honneur.

Въ жизни русскихъ славянъ встрѣчаются тѣ же бытовыя явленія, которыя наблюдаются въ жизни древнихъ народовъ. Битвы нерѣдко рѣшались единоборствомъ. Поединщики, случалось, боролись безъ оружія, схватывали другъ друга руками, и старались задушить противника, или повалить, ударить объ землю. Печенѣгъ вызываетъ на поединокъ русскаго: со стороны Азіи выходитъ громадный печенѣгъ, со стороны Руси—Янъ Усмоневецъ, человѣкъ обыкновенный, незначительностью своего вида возбуждаетъ насмѣшки великана, но побѣждаетъ его. Редедя, князь касошскій, вызываетъ на единоборство Мстислава Тмутороканскаго. Мстиславъ чувствуетъ, что противникъ одолѣетъ его, и однако русскій князь побѣждаетъ азіатца, побѣждаетъ духовною силою, вѣрою.

Бытъ русскаго народа, опоэтизированный въ былинахъ, представляетъ доблестныхъ богатырей, вступающихъ въ бой съ беззавѣтною отвагою, ради удальства; или же, подобно древнимъ героямъ, русскіе богатыри жертвуютъ собою ради отчизны, за вѣру, за вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей. Наши витязи бьются одинъ на одинъ. Въ одиночныхъ бояхъ или поединкахъ русскіе герои бились, на коняхъ или пѣшіи, разнымъ оружіемъ: «палицами булатными, саблями острыми, кольями долгомѣрными, а то и просто дубинами, напр. новгородскіе богатыри, или въ рукопашку». У поединщиковъ былъ въ употребленіи также лукъ, рогатина и булатный ножъ. Коренной русскій богатырь Илья Муромецъ почти во всѣхъ былинахъ представляется ловкимъ стрѣлкомъ.

Но всѣ эти одиночные бои (поединки) древнихъ героевъ и витязей возникали изъ любви къ отечеству, изъ идеальнаго воодушевленія на пользу цѣлаго народа и не имѣютъ ничего общаго съ современнымъ поединкомъ, какъ съ вооруженнымъ боемъ за причиненное оскорбленіе. Объ оскорбленіи чести отдѣльнаго лица не было и помина. Этого

новѣйшаго понятія не знали ни античные, ни восточные народы.

Несравненно ближе къ современной дуэли стоитъ судебный поединокъ или «поле» [1]), какъ одно изъ судебныхъ доказательствъ древняго права.

Религіозныя вѣрованія, проникавшія весь бытъ нашихъ предковъ, дали жизнь особымъ средствамъ открытія истины. Въ основаніи этихъ средствъ, бывшихъ въ наибольшемъ употребленіи у германскихъ народовъ и носившихъ названіе *судовъ Божіихъ* или *ордалій* (judicia Dei, Ordale) лежитъ вѣрованіе, что Божество, принимая непосредственное участіе во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, какъ верховный судья надъ людьми, оправдываетъ правыхъ и осуждаетъ виновныхъ, и потому во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда для человѣческаго судьи отсутствуютъ всѣ доказательства правды или неправды, вины или невиновности, открываетъ правду или неправду въ извѣстныхъ внѣшнихъ явленіяхъ, состоящихъ большею частью въ уклоненіяхъ отъ нормальнаго порядка физической природы или въ чудесахъ,—открываетъ черезъ посредство различныхъ дѣйствій, совершаемыхъ самими подсудимыми. Такія-то обнаруженія истины въ дѣлахъ судебныхъ, замѣняя собою обыкновенные судебные приговоры, и получили названіе судовъ Божіихъ. Къ нимъ, большею частью, прибѣгали при совершенномъ отсутствіи или недостаточности доказательствъ въ дѣлахъ спорныхъ; оттого и суды Божіи получили значеніе судебныхъ доказательствъ; но, собственно говоря, это были особыя формы суда, противоположныя формамъ обыкновеннаго суда человѣческаго. Судамъ Божіимъ приписывается вообще языческое происхожденіе; какъ у Германцевъ, такъ и у насъ они такъ срослись съ религіозными вѣрованіями народа, что только по истеченіи долгаго времени могли потерять силу и выйти изъ употребленія, подъ вліяніемъ христіанства и законодательства. У Германскихъ народовъ мы находимъ весьма разнообразные виды ордалій, различавшіеся по различію средствъ, которыя употреблялись для узнанія

---

[1]) Названіе «поле» получилъ поединокъ отъ мѣста, гдѣ совершался (campus, camp, Kampf). Въ хартіи Карла Великаго значится «поединокъ полемъ потому именуется, что оный бывалъ на обширной полянѣ, со всѣхъ сторонъ огороженной» (Снегиревъ, «Рус. въ пос.», кн. III, стр. 231).

приговора верховнаго существа. Большая часть изъ нихъ отличаются тѣмъ, что въ слѣдствіе ихъ должно было произойти какое либо явленіе, противное законамъ физической природы или вообще совершиться какое либо чудо. Сюда относятся: испытанія огнемъ и особенно желѣзомъ (кого огонь не сожжетъ—тотъ преступникъ), испытаніе водою, холодною или горячею. При испытаніи горячею водою—слѣды ожога были признакомъ виновности, а при испытаніи холодной водой—виновность открывалась, когда брошенный въ рѣку выплывалъ на верхъ воды, такъ что естественныя послѣдствія этого испытанія, т. е. если подсудимый утопалъ, признавались признакомъ невинности; въ основаніи этого явленія лежитъ, конечно, древне-языческое вѣрованіе, что вода, какъ священная стихія, не принимаетъ въ свои нѣдра преступниковъ.

Къ ордаліямъ, при которыхъ не предполагалось совершенія какого либо чуда, относились: жребій, присяга и *судебный поединокъ*. Занявшая, съ эпохи введенія христіанства, одно изъ главныхъ мѣстъ между ордаліями, очистительная присяга, исходящая изъ того предположенія, что Богъ на мѣстѣ покараетъ нечестиваго, осмѣлившагося призвать въ подкрѣпленіе своего ложнаго показанія Его имя, весьма скоро утратила свое доказательное значеніе; нужно было пріискать новую гарантію справедливости показаній тяжущихся—и такою гарантіею являлась личная сила показывавшаго, подкрѣпляемаго божествомъ, стоявшимъ за невиннаго; побѣда въ борьбѣ между противниками являлась доказательствомъ истины его показаній [1]).

---

[1]) Въ Россіи же даже въ настоящее время, когда въ печати и обществѣ продолжаются страстные споры о лучшей формѣ суда, въ то время какъ Министерство Юстиціи неуклонно продолжаетъ судебную реформу, реорганизуя судъ по типу Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, — народъ остается совершенно въ сторонѣ отъ этого движенія и пользуется своеобразными юридическими нормами, вплоть до средневѣковаго Божьяго суда включительно. Интереснѣйшій фактъ такого суда разсказываетъ «Кіевское Слово». Онъ имѣлъ мѣсто въ одной изъ деревень Полтавской губ. (Золотоношскаго уѣзда). Нѣкій мѣщанинъ Бѣликъ захватилъ кусокъ спорной земли, принадлежавшей его сосѣду Вовику. Судиться послѣдній не хотѣлъ. «Прими присягу, что это твоя земля,—сказалъ онъ Бѣлику,—я отступлюсь». Бѣликъ согласился. Собрался народъ; Бѣликъ, по обычаю старины, произнесъ клятву, нарисовавши крестъ на спорной землѣ, поцѣловалъ его, а затѣмъ взялъ горсть земли и посыпалъ ею голову себѣ и своимъ дѣтямъ. Вовикъ отступился отъ земли, но черезъ три дня помѣшалась дочь Бѣлика, 20-лѣтняя дѣвушка Анна, вслѣдъ за нею «тронулась» ея мать, жена старика, а на-дняхъ сошла съ ума и другая

Поединокъ, какъ видъ судебнаго доказательства, появляется въ законодательныхъ памятникахъ германскихъ въ VI вѣкѣ [1]), но онъ такъ скоро распространился между другими различными племенами и къ IX вѣку получилъ такое полное господство, что нужно предполагать, что онъ былъ извѣстенъ германцамъ и въ болѣе раннее время, еще во времена язычества. Первыя указанія на существованіе поединковъ у германцевъ находимъ у Тацита; впрочемъ здѣсь они упоминаются не какъ ордаліи, а въ значеніи оракуловъ. По его разсказу, Германцы, передъ началомъ важной битвы, заставляли одного изъ плѣнныхъ непріятелей выходить на поединокъ съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ, для того, чтобы результатъ поединка служилъ вмѣстѣ и оракуломъ относительно предстоявшей битвы. Основаніемъ этого обычая было, конечно, религіозное убѣжденіе, что Божество, управляя ходомъ сраженій, откроетъ, въ удачномъ или неудачномъ для нихъ окончаніи поединка, хорошее или дурное предзнаменованіе для самой битвы. Впослѣдствіи эти поединки у древнихъ германцевъ получаютъ значеніе судебныхъ доказательствъ. По правиламъ древняго германскаго законодательства ссоры, тяжбы и сомнительныя дѣла рѣшались, большею частью, испытаніями посредствомъ воды и огня, полемъ или судебнымъ поединкомъ, т. е. такъ называемымъ судомъ Божіимъ. Особенно широкое развитіе получили судебные поединки, какъ основанные на вѣрѣ въ то, что тому, кто правъ, побѣда ниспошлется свыше. Изъ сѣверной Германіи обычай этотъ распространился по всей Европѣ. Во Франціи характеръ Божьяго суда дуэль имѣетъ уже въ капитуляріяхъ Дагобера, которые устанавливаютъ извѣстныя правила для разрѣшенія гражданскихъ споровъ. Въ случаяхъ же уголовныхъ конфликтовъ, обвиняемый и обвинитель приносили присягу, и разныя религіозныя церемоніи сопровождали самый поединокъ, разрѣ-

---

замужняя дочь Ѳеодора. Всѣ трое отправлены въ психіатрическую больницу въ Золотоношу, а самъ Бѣликъ явился въ городъ и заявилъ, что клятва его была ложная. («Новое Время», 1898 г., 12 іюня, № 8005).

[1]) Въ первый разъ о судебныхъ поединкахъ упоминается въ законахъ бургундцевъ при королѣ Гундобальдѣ (loi Gombete 501 г.), отчего образовалось мнѣніе, что они одолжены своимъ учрежденіемъ королю Гундобальду (Пахманъ «о судебн. доказат.», стр. 108. Таганцевъ «лекціи по русск. уголовн. праву», стр. 198).

шенный закономъ. Судьба побѣжденнаго, какъ видно изъ различныхъ французскихъ источниковъ, достойна была состраданія: его влекли по улицамъ въ одной рубахѣ до роковаго мѣста, гдѣ его и вѣшали живымъ и мертвымъ, потому что никто и не сомнѣвался въ томъ, что побѣжденный—это презрѣнный человѣкъ, навлекшій на себя гнѣвъ Бога принесеніемъ ложной присяги. Даже духовенство не брезгало дуэлями, а поединки аристократовъ были регламентированы актомъ короля Филиппа Красиваго, по которому дуэль допускалась лишь тогда, когда доказательства, приведенныя противъ обвиняемаго, были недостаточны. Въ назначенный день тяжущіеся (аристократы-комбатанты) выѣзжали верхомъ на своихъ коняхъ; впереди ихъ несли мечъ, шпагу и все то оружіе, въ которомъ могла явиться нужда во время поединка. Когда тяжущіеся прибывали на ристалище (lice), охраняемое воинами, герольды разставляли зрителей вокругъ поля битвы; маршалъ при священникѣ заставлялъ поклясться обоихъ бойцовъ предъ распятіемъ, что дѣло ихъ право и что они не имѣли при себѣ заколдованныхъ оружій; они призывали во свидѣтели Св. Георгія и отрекались отъ рая, если солгали въ чемъ либо. По произнесеніи клятвы начиналась битва. Одолѣть въ бою значило оправдаться; *ибо чья сильнѣе, та и правѣе.* Побѣжденный, если онъ еще былъ живъ, обязанъ былъ лежать на землѣ до тѣхъ поръ, пока король прощалъ его или же велѣлъ судить, иначе говоря — конфисковать все его имущество [1]). И долго еще, въ эпоху королей во Франціи, въ дуэли видѣли Божій судъ.

Вѣра въ судъ небесный была общая всѣмъ народамъ, съ Востока пришедшимъ; посему и нельзя рѣшительно сказать, отъ кого наши предки заимствовали обычай судебнаго поединка. Первое упоминаніе о судебныхъ поединкахъ въ нашихъ юридическихъ памятникахъ встрѣчается въ началѣ XIII вѣка, а именно въ договорной грамотѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и Нѣмецкими городами 1229 года, въ которой поединки запрещаются въ тяжбахъ между русскими и нѣмцами («не звати на поле битися»); позволяется же прибѣгать къ нимъ

[1]) Снегиревъ, 1832 г. кн. III, стр. 232 и Журн. Гражд. и Угол. Пр., 1893 г., кн. VI, стр. 54.

только нѣмцамъ между собою въ Смоленскѣ и русскимъ между собою въ Ригѣ и на Готскомъ берегу; въ такихъ поединкахъ возбраняется вмѣшательство въ первомъ случаѣ Русскихъ, а во второмъ Нѣмцевъ, и предоставляется каждой націи расправляться своимъ судомъ; орудіемъ поединка могли быть мечи и сулицы (дреколье) [1]).

Древнѣйшія указанія на существованіе у насъ поединковъ, въ процессуальномъ смыслѣ, находимъ у арабскихъ писателей: у Ибнъ-Даста, писателя начала X вѣка, читаемъ: «Когда одинъ изъ нихъ (руссовъ) имѣетъ претензію на другого, то зоветъ на судъ къ царю, передъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то, по его приказанію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію; чей мечъ острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту родственники обѣихъ тяжущихся сторонъ приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго чего хочетъ» [2]).

Это свѣдѣніе сообщается и отъ имени позднѣйшаго арабскаго писателя (XI в.) Муккадесси, въ слѣдующемъ сокращенномъ видѣ: «Когда царь ихъ (руссовъ) рѣшитъ споръ между двумя тяжущимися, а они его рѣшеніемъ не удовольствуются, тогда онъ говоритъ имъ: разбирайтесь мечами своими; чей острѣе, тому и побѣда» [3]).

Судебный поединокъ, какъ и другія ордаліи, являлся продуктомъ грубаго суевѣрія и странныхъ заблужденій, свойственныхъ народамъ, стоящимъ на низкой степени развитія. Поэтому, естественно, судебные поединки должны были встрѣтить сильное противодѣйствіе со стороны духовенства. Уже по духу вѣры, духовенство не могло покровительствовать обычаю, съ которымъ соединено было пролитіе крови. Но ближайшая причина, возбудившая это

---

[1]) Въ румянцевскомъ спискѣ вмѣсто «сулицами» сказано «дѣревъмъ» (Владимірскій-Будановъ «Христоматія по исторіи русск. права», стр. 102).

[2]) «Извѣстія Ибнъ-Даста о хазарахъ; славянахъ и др.». Глава 6 «Русь». (Журн. Мин. Народ. Просв. 1868 г., декабрь, стр. 673—674).

[3]) М. Погодинъ. «Изслѣдов., замѣч. и лекціи о русской исторіи», III, 384, и Журн. Мин. Народ. Просв. 1868 г., декабрь, стр. 769.

противодѣйствіе, заключалась, какъ кажется, въ самомъ ихъ религіозномъ характерѣ.

Судебному поединку обыкновенно предшествовала присяга: обѣ стороны, выходившія на поединокъ, должны были призывать Бога въ свидѣтели ихъ праваго дѣла; оттого и самый поединокъ назывался судомъ Божіимъ. Такимъ образомъ поединокъ, какъ судъ Божій, предполагалъ двѣ совершенно противоположныя клятвы. Очевидно, что одна изъ сторонъ давала лживую присягу. Эти двойныя присяги должны были рано обратить на себя вниманіе Церкви, и ея вліянію должно приписать потрясеніе основной идеи древняго процесса. Что съ стремленіемъ духовенства противъ двойныхъ присягъ находилось въ тѣсной связи противодѣйствіе его поединкамъ, это видно изъ постановленія третьяго собора въ Валенціи 855 г., по которому подвергается отлученію отъ Церкви тотъ, кто дерзаетъ законно-данной присягѣ противопоставлять другую присягу, и такъ какъ изъ такого злоупотребленія присяги обыкновенно возникаютъ поединки, то Церковь постановляетъ—осудить поединокъ во имя Евангелія, признавая убійцею того, кто лишитъ другого на такомъ поединкѣ жизни или повредитъ его здоровью; виновный подвергается отлученію отъ Церкви, а убитый — лишенію христіанскаго погребенія. Тоже повторено на Латеранскомъ соборѣ и, наконецъ, Тридентскій соборъ въ 1563 году предалъ судебный поединокъ, какъ изобрѣтеніе дьявола, анаѳемѣ. Точно также и у насъ Церковь возставала противъ судебныхъ поединковъ. Первая попытка къ искорененію поединковъ относится къ началу XV вѣка. Въ 1410 году митрополитъ Фотій, въ посланіи къ новгородскому духовенству, прямо и строго предписываетъ: если готовящійся къ поединку явится къ священнику для пріобщенія Св. Тайнъ, то его не только лишать св. причастія, но и не допускать къ цѣлованію креста; если же, кто, вышедъ на поединокъ, убьетъ своего противника и сдѣлается душегубцемъ, то отлучается отъ Церкви на 18 лѣтъ: «въ Церковь не входитъ, ни дары не пріемлетъ, ни Богородицына хлѣба, причащенія же святаго не пріиметъ осмнадцать лѣтъ; убитаго лишать христіанскаго погребенія» [1]).

[1]) Акты Арх. Эксп. I, № 369, стр. 462.

За церковью послѣдовала и свѣтская власть. Во Франціи первая попытка воспрещенія судебнаго поединка была сдѣлана Людовикомъ Святымъ (Etablissement 1260 г.), замѣнившимъ его доказательствомъ черезъ свидѣтелей. Попытка его была кратковременна, и поединокъ былъ возстановленъ Филиппомъ Красивымъ (ordonnance 1306 г.), хотя, впрочемъ, примѣнялся въ значительно ограниченномъ числѣ дѣлъ и съ такою сложною процедурою, которая свидѣтельствовала о его вымираніи. Съ XIV столѣтія поединокъ, въ смыслѣ общаго доказательства по дѣламъ уголовнымъ, мало по малу теряетъ свою силу и выходитъ изъ употребленія; во Франціи въ концѣ XIV вѣка, въ Англіи къ концу XV вѣка и въ Германіи въ началѣ XVII столѣтія [1]).

У насъ, какъ указано выше, поединки подвергались самому дѣятельному преслѣдованію со стороны духовенства, которое весьма рано стало вооружаться противъ нихъ, и явно стремилось къ ихъ искорененію. Конечно, примѣръ духовенства долженъ былъ, въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, произвести сильное вліяніе на дѣятельность Верховной свѣтской власти. Но государи наши, понимая хорошо, что невозможно вдругъ уничтожить обычай, укоренившійся въ народѣ, дѣйствовали весьма умѣренно. Оттого, наряду съ крутыми мѣрами, принятыми духовенствомъ, поединки весьма долго сохраняли свою силу и ограниченія ихъ со стороны власти законодательной состояли только въ томъ, что она, съ одной стороны, старалась точнѣе опредѣлить образъ употребленія поединковъ и подчинить ихъ производство вполнѣ надзору правительства, и такимъ образомъ ослабить начало произвола, лежавшее въ ихъ основаніи, а съ другой стороны, способствовала къ тому, чтобы поединки утратили прежній характеръ случайности, составлявшей отличительную черту ордалій, и получили значеніе судебныхъ доказательствъ, какъ положительныхъ основаній судебнаго рѣшенія. Дѣйствительно, съ объединеніемъ московской Руси подъ скипетромъ великаго князя Іоанна III и царя Іоанна IV обычай «поля» пріобрѣтаетъ государственное значеніе въ тяжбахъ и подробно регламентируется въ Судебникахъ 1497 и 1550 гг. и отчасти въ Псковской

---

[1]) Н. Таганцевъ. «Лекціи по русск. уголовн. праву», стр. 199 и 200.

судной грамотѣ. Правила, которыми условливались юридическая сила и дѣйствіе судебныхъ поединковъ, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) По общему правилу, тяжущіеся должны были сами *лично* выходить на поединокъ (Судебн. 1550 г., ст. 13 и 14).

2) Изъ этого общаго правила вытекало другое—начало *представительства:* нѣкоторыя лица имѣли право нанимать и ставить за себя *наймитовъ* (Судебн. 1550, ст. 19). Такимъ правомъ пользовались лица, не способныя биться по своему возрасту, полу, физическимъ недостаткамъ и званію, какъ-то: а) малолѣтніе, б) престарѣлые, в) больные и увѣчные, г) женщины, которыя, впрочемъ, по одной статьѣ (119 ст.) Псковской судной грамоты 1397 года [1]), могли ставить вмѣсто себя наймитовъ [2]) только въ томъ случаѣ, если выходили на поединокъ съ мужчинами, а женщины между собою должны были биться сами лично: «а жонки зъ жонкою присужати поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону»; такимъ образомъ въ Псковской судной грамотѣ находится нигдѣ небывалый законъ о поединкахъ женщинъ. Но позже, Судебникомъ 1550 г., женщинамъ предоставлено было право за себя нанимать другаго биться на полѣ [3]); д) духовныя лица, которымъ впослѣдствіи (соборными приговорами 1551 г. іюня 26 и іюля 15 [4]) и вовсе было воспрещено употребленіе поединковъ. Право ставить за себя наймитовъ принадлежало и противной сторонѣ означенныхъ лицъ [5]), исключая того случая, когда эти лица, въ качествѣ отвѣтчиковъ, должны были выходить на поединокъ съ показывавшими противъ нихъ свидѣтелями; послѣдніе не могли ставить за себя другихъ, развѣ бы соединяли въ себѣ тѣ же основанія неспособности къ поединкамъ (Судебн. 1550 г., ст. 17). Въ тогдашней судебной практикѣ самымъ употребительнымъ и обыкновеннымъ условіемъ для открытія истины признавалось *доказательство посред-*

---

[1]) Акты Арх. Эксп. 1 № 103, ст. 111. стр. 18.

[2]) Подъ наймитомъ разумѣлся свободный человѣкъ, на время закабаленный или поступившій за опредѣленную плату въ услуженіе къ другому свободному же лицу (Н. Качаловъ «Предварит. изслѣдов.», стр. 87 и 81).

[3]) Судебн. 1550 г., стр. 17 и 19.

[4]) Акты Арх. Эксп. I № 229.

[5]) «А противъ наймита, истцу своего наймита волно, или самъ лѣзетъ» (Иск. грам., ст. 34, стр. 7).

ствомъ свидѣтелей; но этому доказательству были противопоставлены другія средства открытія истины, получавшія надъ нимъ явный перевѣсъ. Вопросъ о справедливости показанія свидѣтеля могъ быть разрѣшенъ поединкомъ или присягою или же тѣмъ и другою вмѣстѣ: всякій, противъ кого сдѣлано было свидѣтелемъ показаніе, имѣлъ право вызвать его на поединокъ или рѣшить дѣло присягою. Право требовать поединокъ предоставлено было также свидѣтелямъ одной стороны противъ свидѣтелей другой (Судебн. 1497 г., «статья о послушествѣ» и Судебн. 1550 г., ст. 15, 16 и 17).

3) Поединки происходили подъ надзоромъ Правительства,—въ присутствіи окольничаго и дьяка, которые, явясь на мѣсто поединка, спрашивали тяжущихся, кто у нихъ стряпчіе [1]) и поручники [2]) и приказывали этимъ лицамъ присутствовать при поединкѣ; людей постороннихъ окольничій и дьякъ должны были удалять и, въ случаѣ сопротивленія, отдавать въ тюрьму (Судебн. 1550 г., 13 ст.). Въ Новгородѣ поединки совершались въ присутствіи посадника, тіуна, намѣстника и двухъ приставовъ. (Договоръ Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV, 1470—1471 г., ст. 10).

4) Оружіемъ для боя, обыкновенно, были дубины, палки и ослóпы [3]) (Судебн. 1550 г., ст. 13), а ратными доспѣхами— панцыри, щиты, шишаки и желѣзныя латы [4]). Иногда поединки бывали и безъ всякаго оружія. Существуетъ преданіе, что въ Москвѣ, близь Никольскихъ воротъ, были три полянки съ канавкою, у которой по сторонамъ становились соперники и, наклонивши головы, хватали другъ друга за волосы, и кто кого перетягивалъ, тотъ и былъ правъ; а кого перетянули, къ тому примѣняли до-нынѣ употребительную въ народѣ поговорку о неудачѣ: «не тяга, сынъ

---

[1]) Подъ *стряпчими* здѣсь разумѣются секунданты или охранители (Пахманъ «О судебн. доказ.», стр. 182).

[2]) *Поруками* обезпечивалось удовлетвореніе того, кто оставался правымъ (Каченовскій «Разсужденіе о судебн. поединкахъ», стр. 35).

[3]) *Ослопами* назывались въ старину дубины, рычаги и жерди. «Пѣшая рать много собрана на нихъ съ ослопа, съ топоры и съ рогатинами» (Словарь Церковно-Славян. и Русск. языка, составлен. вторымъ отдѣл. Императорской Акад. Наукъ, 1847 г., II т., стр. 83),

[4]) Пахманъ «О судеб. доказ,», стр. 182 и Снегиревъ «Русск. въ св. послов.», III, стр. 234.

боярскій!» Такъ какъ законы дозволяли мириться тѣмъ, которые приходили на поле, то сіе и произвело пословицу: «подавайся по рукамъ, такъ легче будетъ волосамъ» [1]).

Подробное описаніе вооруженія мы находимъ у Барбе́рини, бывшаго у насъ очевидцемъ поединка въ XVI вѣкѣ.

Рафаилъ Барбе́рина, бывшій въ Россіи въ XVI вѣкѣ, слѣдующимъ образомъ описываетъ поединокъ, очевидцемъ котораго онъ былъ: «Если случается тяжба между Моско-«витянами такого рода, что одинъ утверждаетъ, что далъ «взаймы деньги, а другой отрекается отъ долга, и свидѣ-«тельства этому никакого нѣтъ, то имѣютъ они обычай вы-«зывать другъ друга на поединокъ, на площади, назначен-«ной для боевъ такого рода. Если же одинъ изъ тяжущихся, «или оба они по трусости, по старости или по другой ка-«кой причинѣ не хотятъ сражаться, то могутъ замѣнять себя «другими ратниками: ибо всегда много есть охотниковъ, ко-«торые за извѣстную плату сражаются за другихъ. Очень «смѣшонъ способъ ихъ вооруженія въ этомъ случаѣ: доспѣхи «ихъ такъ тяжелы, что упавши они не въ силахъ бываютъ «встать. Прежде всего, надѣваютъ они большую кольчугу «съ рукавами, а на нее латы; на ноги чулки и шаровары «также кольчужные; на голову шишакъ, повязанный кру-«гомъ шеи кольчужною сѣткою, которую посредствомъ рем-«ней подвязываютъ подъ мышки; на руки также кольчуж-«ныя перчатки. Это оборонительное оружіе. Наступательное-«же есть слѣдующее: для лѣвой руки желѣзо, которое имѣетъ «два острыхъ конца, на подобіе двухъ кинжаловъ, одинъ «внизу, другой на верху, въ срединѣ-же отверстіе, въ ко-«торое всовываютъ руку, такъ что рука не держитъ ору-«жія, а между тѣмъ оно на ней. Далѣе имѣютъ они родъ «копья, но вилообразнаго, а за поясомъ желѣзный топоръ. «Въ семъ-то вооруженіи сражаются они до тѣхъ поръ, пока «одинъ изъ нихъ не признаетъ себя потерявшимъ поле. Мнѣ «разсказывали, что однажды случилось Литвину имѣть по-«добный поединокъ съ Москвитяниномъ. Литвинъ никакъ «не хотѣлъ надѣть на себя все вооруженіе, а взялъ только «нападательное оружіе, да еще украдкой захватилъ мѣшо-«чекъ съ пескомъ и привязалъ его къ себѣ. Когда дѣло дошло

---

[1]) Снегиревъ «Русскіе въ своихъ послов.», 1832 г., кн. III, стр. 236.

«до боя, онъ бѣгалъ легко и прыгалъ изъ стороны въ сто-«рону около Москвитянина, который, по причинѣ тяжкаго «оружія, едва могъ и медленно двигаться. Улучивъ время, «Литвинъ искусно подскочилъ къ нему и пустилъ въ отвер-«стіе наличника щепоть песку [1]), такъ что ослѣпилъ его, «и въ это самое время желѣзнымъ топоромъ началъ ломать «на немъ оружіе. Москвитянинъ, не могши ничего видѣть, «признаръ себя побѣжденнымъ, и Литвинъ остался побѣди-«телемъ. Послѣ этого случая, Москвитяне не стали уже «позволять иностранцамъ вступать съ ними въ подобные «поединки» [2]).

5) Поединку обыкновенно предшествовало крестное цѣлованіе, которое давали обѣ стороны: «цѣлую крестъ и на поле съ нимъ лезу битися». Но крестъ цѣловать должны были сами тяжущіеся, а наемные—только биться (Судеб. 1550 г., ст. 19 и Пск. суд. грам., ст. 34).

6) Послѣдствіемъ поединка было то, что побѣжденный подвергался взысканію цѣны иска и уплатѣ *полевыхъ пошлинъ* въ пользу представителей правительства, присутствовавшихъ на поединкѣ (Судеб. 1550, ст. 9—12). Если одинъ изъ борющихся на поединкѣ падалъ за-мертво, то противная сторона теряла право взысканія съ убитаго или съ его родственниковъ (Псков. суд. грам., ст. 35. стр. 7). Законодательство, стремясь къ уменьшенію числа поединковъ, поощряло мировыя сдѣлки, для чего уменьшало количество пошлинъ, особенно если тяжущіеся помирятся на полѣ (Судеб. 1550, ст. 9),

7) Поединкомъ рѣшались дѣла какъ уголовныя, такъ и гражданскія, напр.: душегубство, грабежъ, воровство, дѣла о займахъ, о землѣ и т. п. (Судебн. 1550 г., ст. 11, 12, 15, 16; Псков. суд. грам., ст. 9, 12, 17. 19, 25, 26 и др.).

Изложенныя правила свидѣтельствуютъ, что свѣтская верховная власть стремилась урегулировать поединки и подчинить ихъ непосредственному вѣдѣнію правительства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ограничить употребленіе ихъ.

Но, не смотря на эти мѣры, поединки не уменьша-

---

[1]) Не отсюда-ли пословица: *пускать пыль въ глаза*. Въ Германіи существуетъ поговорка: «Sand in die Augen zu streuen», т. е. песокъ въ глаза бросать».

[2]) Снегиревъ. «Русск. въ св. послов.», т. III, стр. 237—238.

лись и въ началѣ XVI столѣтія дошли до наивысшаго развитія, доказательствомъ чему можетъ служить тяжба Ѳерапонтова монастыря съ крестьянами сосѣдней Есюинской волости въ 1534 году. По поводу спора за межу, которую перешли на монастырской землѣ, обѣ стороны, на судѣ, заключили свои рѣчи просьбою, обращенной къ судьѣ: «дай намъ, господине, съ ними въ томъ Божію правду; цѣлуемъ, господине, крестъ, да лѣземъ съ ними на поле битись» [1]).

Противодѣйствіе со стороны духовенства возобновилось вскорѣ по изданіи Судебника Іоанна IV (1550 г.). Стоглавомъ (1551 г.) предписывается: рѣшать духовныя и всякія дѣла не поединкомъ, а показаніями свидѣтелей и обыскомъ; духовенству рѣшительно запрещается употребленіе поединковъ, исключая, впрочемъ, дѣлъ, подлежавшихъ суду свѣтскому (статьи изъ Стоглава). Вѣроятно, подъ вліяніемъ духовенства, и свѣтская верховная власть рѣшилась, наконецъ, издать постановленіе, которымъ сила и употребленіе поединковъ были значительно ограничены: указомъ 1556 г. Августа 21-го предписано: 1) при ссылкѣ одной стороны на обыскъ, а другой—на свидѣтелей, рѣшать дѣла не поединкомъ, а обыскомъ; 2) въ обыскѣ рѣшать дѣла по большинству голосовъ, а по меньшинству обвинять безъ поединка и присяги; 3) хотя поединки не запрещаются, но если тяжущіеся досудятся до поединка, и одинъ изъ нихъ станетъ, вмѣсто поля, требовать присяги, то дать имъ присягу и предоставить на волю противной сторонѣ самой цѣловать крестъ или отдать присягу другой сторонѣ; и 4) поединокъ не долженъ быть допускаемъ противъ ссылки на боярина, дьяка или приказнаго, равно какъ и противъ «общей правды» [2]).

Изъ этихъ постановленій видно, что поединки не были вовсе запрещены, но примѣненіе ихъ значительно стѣснено другими доказательствами, которыми предписано ихъ замѣнять, а именно: обыскомъ, показаніями свидѣтелей и присягою. Не смотря на эти ограниченія, древній обычай

---

[1]) Бѣляевъ. «Лекціи по исторіи русскаго законодательства», стр. 47.

[2]) Подъ показаніями «общей правды» разумѣлось свидѣтельство одного или нѣсколькихъ лицъ, на которое ссылались обѣ стороны (Пахманъ «о судебн. доказ.», стр, 164).

судебныхъ поединковъ существовалъ еще долго; но подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства и ограниченій со стороны законодательства, мало-по-малу теряетъ свою силу и въ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ совершенно вымираетъ, самъ собою, безъ всякаго, сколько извѣстно, положительнаго запрещенія его свѣтскою властью [1]).

Вымирая, судебный поединокъ оставилъ, въ видѣ наслѣдія, въ западно-европейскихъ государствахъ дуэль, въ ея современномъ значеніи. Но эти два типа единоборства, хотя и имѣютъ точки соприкосновенія, но тѣмъ не менѣе, по своей юридической природѣ, представляются совершенно различными. Въ поединкѣ, какъ судебномъ доказательствѣ, шла рѣчь о виновности сомнительной, которую нужно было доказать; въ дуэли современной нѣтъ и рѣчи о какомъ либо сомнѣніи: оба участника хорошо знаютъ, кто совершилъ фактъ, послужившій основаніемъ столкновенія, кто виновникъ оскорбленія. Судебный поединокъ есть доказательство, на основаніи котораго постановляется рѣшеніе; дуэль есть самое рѣшеніе дѣла. Судебнымъ поединкомъ, какъ особымъ видомъ доказательства, могъ воспользоватся всякій тяжущійся, всякій обвиненный; дуэль составляла привилегію высшаго сословія, исключительно имѣвшаго право носить оружіе [2]).

Дуэль, какъ обычай смывать оскорбленіе чести кровью, происхожденія чисто феодальнаго, рыцарскаго и имѣетъ свои корни въ воззрѣніяхъ феодальныхъ бароновъ, считавшихъ право меча своимъ неотъемлемымъ, самой природою вещей даннымъ, правомъ; гордое своимъ происхожденіемъ, смотрящее на своего короля, какъ на перваго между равными, а на всѣхъ остальныхъ, какъ на рабовъ,—рыцарство такъ формулировало свои права: «подобно тому, какъ государство поражаетъ неправду силою, имѣю и я право дѣйствовать въ моей сферѣ, въ области моей частной чести. Здѣсь заключается мое старое, унаслѣдованное право, несравненно болѣе древнее, чѣмъ новый государственный

---

[1]) Пахманъ «О судебн. доказ.», стр. 185—187 и Бѣляевъ «Лекціи по исторіи русскаго законод.», стр. 60—61. По свидѣтельству Флетчера, въ царствованіе уже Ѳеодора Іоанновича, не было судебныхъ поединковъ. (Снегиревъ. III, стр. 239).

[2]) Таганцевъ. «Лекціи по русскому уголовному праву», стр. 201.

организмъ» [1]). Кромѣ того, въ средніе вѣка «существенное различіе между владѣльцемъ-сюзереномъ и подданными заключалось въ томъ, что подданные, какъ скоро между ними возникалъ юридическій споръ, должны были обращаться къ властителю, который давалъ имъ правду, а сами властители, въ случаѣ взаимныхъ споровъ, разрѣшали ихъ силою оружія. Требовать правосудія у владѣтельнаго лица, значило признать себя его подданнымъ, а сдѣлаться самому мстителемъ за нанесенную обиду—значило проявить независимость, властность» [2]).

Иногда такое отмщеніе носило полный характеръ войны (bella privata), а иногда оно осуществлялось въ формѣ единоборства, поединка, обставленнаго цѣлымъ рядомъ торжественныхъ формъ, выработанныхъ рыцарствомъ, съ его военными забавами и турнирами.

Съ усиленіемъ государственной власти короли потребовали, чтобы бароны подчинялись въ своихъ спорахъ королевскимъ судилищамъ. Рыцари уступили королямъ, но не вполнѣ: они согласились, чтобы распри ихъ объ интересахъ имущественныхъ разбирались королевскими судами, но не дѣла объ оскорбленіи чести. Рыцарство считало обращеніе въ дѣлахъ чести къ королевскому суду съ его медленнымъ судопроизводствомъ и чернильно-бумажною процедурою, унизительною трусостью; оно бы вызвало, ежели бы могло, на дуэль самый судъ, за одинъ лишь вопросъ: «кто и чѣмъ его обидѣлъ?» [3]). Короли смотрѣли на дуэли какъ на присвоеніе государственнаго права войны, какъ на нежеланіе подчиниться авторитету правительства и, поэтому, издавали законы, воспрещавшіе дуэли [4]). Чѣмъ болѣе уклонялось рыцарство отъ королевскаго суда, тѣмъ строже стала королевская власть преслѣдовать дуэль и дошла въ своихъ преслѣдованіяхъ до того, что не только облагала ее смертною казнью, но и подвергала нарушителей осрамительнымъ, унижающимъ честь и достоинство

---

[1]) Gneist, der Zweikampf und die germanische Ehre, стр. 20.

[2]) Cauchy, I, стр. 63; Таганцевъ, «Лекціи по русскому уголовному праву», стр. 202.

[3]) Неклюдовъ, «Руководство къ особенной части уголовнаго права» I, стр. 150.

[4]) См. I часть сей книги «Краткій историческій очеркъ».

наказаніямъ. Но не смотря на суровые запреты, обычай дуэли продолжался, подъ вліяніемъ установившихся понятій. Этому содѣйствовала.и неудовлетворительность судебной охраны чести, почему законодательства начали обращать вниманіе, при запрещеніи поединковъ, и на лучшую охрану чести путемъ закона.

Обращаясь къ юридической природѣ поединка, мы видимъ, что поединокъ заключаетъ въ себѣ двойное посягательство: съ одной стороны противъ личнаго блага жизни или здоровья, а съ другой—противъ государственной власти, какъ актъ недозволеннаго самоуправства. Законодательства XVII и XVIII столѣтій выдвигали, по преимуществу, какъ мы видѣли, послѣднюю его сторону. Таковы во Франціи муленскій ордонансъ 1566 г., édit de Blois 1575 г., объявившій дуэль оскорбленіемъ величества, въ Германіи имперскій законъ 1688 г. [1]) и цѣлый рядъ Duellmandat'овъ. Французская революція, отмѣнивъ сословныя привилегіи, привела и къ отмѣнѣ особыхъ законовъ о поединкѣ. Въ уголовномъ кодексѣ, изданномъ во время революціи (1791 г.) дуэль была вовсе пропущена. Точно также и въ позднѣйшемъ, нынѣ дѣйствующемъ кодексѣ 1810 г., нѣтъ вовсе постановленій о дуэли. Отсюда, по общему мнѣнію, слѣдовала безнаказанность убійства на поединкѣ,—притомъ съ тою разницею, что старое право рыцарей стало общимъ достояніемъ всего развитаго класа. Въ объясненіе этой системы приводили теперь не феодальныя права, неимѣвшія уже никакого смысла, а высшія начала справедливости и свободы: право располагать по произволу своею жизнью [2]). Разумѣется, это объясненіе нельзя назвать разумнымъ. Человѣкъ можетъ располагать собою; но, убивая другого на поединкѣ, онъ уже не только располагаетъ своею, но и чужою жизнью.

---

[1]) «Право судить и наказывать за преступленія,—сказано въ указѣ 1688 года,—предоставлено Богомъ лишь однимъ государямъ. Поэтому, если кто вызоветъ своего противника на дуэль, на шпагахъ или пистолетахъ, пѣшимъ или коннымъ, то будетъ приговоренъ къ смертной казни, въ какомъ бы чинѣ онъ не состоялъ. Трупъ его останется висѣть на позорной висѣлицѣ, имущество его будетъ конфисковано. Если поединокъ произойдетъ за предѣлами страны или виновные спасутся бѣгствомъ и откажутся явиться по третьему вызову, то казнь черезъ повѣшеніе производится надъ ихъ изображеніями».

[2]) Лохвицкій. «Курсъ уголовнаго права», стр. 556.

Императоръ Наполеонъ I терпѣть не могъ дуэлей, хотя и не издавалъ противъ нихъ никакихъ запретительныхъ законовъ. По мнѣнію Наполеона, «никто не имѣетъ права рисковать своею жизнью ссоры ради, такъ какъ жизнь каждаго гражданина принадлежитъ отечеству; дуэлистъ плохой солдатъ». Эта система безнаказанности, на основаніи начала личной свободы, была уничтожена во Франціи, въ 1837 г. и замѣнена системой приравненія поединка къ умышленному убійству не путемъ законодательнымъ, а путемъ судебнаго толкованія. Главнымъ дѣятелемъ этого измѣненія былъ тогдашній генералъ-прокуроръ Дюпенъ, доказавшій въ своемъ заключеніи, что отмѣна законовъ о поединкахъ должна быть разсматриваема какъ возстановленіе общаго правила о наказуемости послѣдствій поединка по законамъ объ убійствѣ или тѣлесныхъ поврежденій. Главнѣйшіе доводы генералъ-прокурора Дюпена противъ безнаказанности дуэли заключаются въ слѣдующемъ:

«Ненаказуемость дуэли выводили изъ двухъ началъ: свободы соглашенія и одновременности нападенія и защиты. Но догавариваться можно не обо всемъ: законы запрещаютъ договоры, противные добрымъ нравамъ и общественному порядку; договоръ о поступленіи въ пожизненное услуженіе, объ азартной игрѣ, о взаимномъ самоубійствѣ никогда не будетъ признанъ законнымъ. Что касается до аргумента одновременности защиты и нападенія, онъ также не можетъ имѣть, строго говоря, юридическаго значенія. По самой этой одновременности и не можетъ быть необходимой обороны, какъ ее установилъ законъ. Нѣтъ необходимой обороны, потому что въ тоже время происходитъ отъ того же лица и нападеніе, потому что здѣсь болѣе ищутъ убить соперника, чѣмъ защититься. Нельзя признать здѣсь состояніе необходимой обороны въ особенности потому, что на дуэли человѣкъ самъ себѣ создаетъ опасность, вслѣдствіе заранѣе назначеннаго мѣста встрѣчи и притомъ съ полнаго своего согласія. Признавать безнаказанность дуэли на томъ только основаніи, что она предразсудокъ, которому невольно подчиняются,—тогда надобно признать и всѣ другіе предразсудки: корсиканскую вендету, наслѣдственную месть у нашихъ черкесовъ. Наконецъ, признать безнаказанность дуэли значитъ разрушить общественный по-

рядокъ, отодвинуть назадъ его законы и суды; значитъ, дать каждому право творить самому судъ и расправу; дѣлать каждаго законодателемъ, судьей и палачемъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ, давать ему право опредѣлять собственной властью смертную казнь за обиды, часто самыя легкія и ничтожныя».

Съ этимъ заключеніемъ согласился кассаціонный судъ (рѣш. отъ 22 іюня 1837 г.), и толкованіе это удержалось въ своей силѣ до настоящаго времени. Вслѣдствіе сего, нынѣ во *Франціи* за дуэль опредѣляется, по закону, или каторжная работа, если дуэль окончилась смертью противника, или же тюремное заключеніе, если дуэль окончилась тѣлеснымъ поврежденіемъ, но на практикѣ, судъ присяжныхъ, разсматривающій дѣла съ смертельнымъ исходомъ, почти всегда постановляетъ оправдательные приговоры, а въ немногихъ случаяхъ обвиненія постоянно признаетъ наличность смягчающихъ обстоятельствъ. Въ военно-уголовныхъ законахъ нѣтъ особыхъ постановленій о дуэли и военно-служащіе, въ случаѣ совершенія этого преступленія, подлежатъ дѣйствію тѣхъ же уголовныхъ законовъ, какъ и гражданскія лица [1]).

По свидѣтельству Тарда [2]), во Франціи число дуэлей изъ года въ годъ значительно уменьшается, что объясняется усиливающимся и развивающимся все болѣе и болѣе въ французскомъ обществѣ сознаніемъ безполезности дуэли. По словамъ того же Тарда, дуэль измельчала и является очень часто не болѣе какъ фарсомъ, предпринимаемымъ «pour la galerie, ou à cause de la charlatanesque». Въ доказательство справедливости своего мнѣнія Тардъ приводитъ слѣдующія статистическія данныя.

Число ежегодно убитыхъ: съ 1589 по 1608 г.—300 до 400; съ 1827 по 1834 г.—13 до 30; 1839—1848 г.—среднимъ числомъ по 6, съ 1880—1889 г. по 2 человѣка

Относительно поводовъ къ дуэли: съ 1880 по 1889 г.

---

[1]) Въ настоящее время, во Франціи, среди офицеровъ всѣхъ ранговъ выражается, однако, желаніе увидѣть вновь въ той или другой формѣ прежній судъ маршаловъ, которому было предоставлено разрѣшать всѣ вопросы чести и благородства, а вмѣстѣ съ тѣмъ *разрѣшать поединки*, когда таковые признавались имъ самимъ необходимыми для возстановленія поруганной чести («Воен. Сборн.» 1894 г. № 8, стр. 333—334).

[2]) Tarde, de Duel.

было 598 дуэлей, изъ нихъ поводомъ имѣли: журнальную полемику—363, политическую рознь—126, а всѣ прочіе мотивы только 109. Изъ этихъ 598 дуэлей смертоносный исходъ имѣло только 16.

Очевидно, что и во Франціи, въ этой «классической странѣ дуэлей» послѣднія превратились до извѣстной степени въ простую формальность, обрядъ. Противники умѣютъ обыкновенно пофехтоваться безъ особаго вреда для себя и соглашаются тотчасъ же признавать свою честь «удовлетворенною», или же, въ худшемъ случаѣ, наносятъ другъ другу шпагами легкія поврежденія.

По словамъ Кроаббона [1]), въ вопросѣ о дуэляхъ между военно-служащими во Франціи слѣдуетъ различать двѣ стороны: поединокъ, какъ таковой, и его послѣдствія. Поединокъ, т. е. вызовъ и разрѣшеніе столкновенія оружіемъ, находится въ связи съ воинской субординаціей и спеціальными воинскими обязанностями. Послѣдствія же поединка (причиненіе смерти и нанесеніе ранъ) относятся къ нарушеніямъ общихъ обязанностей гражданъ. Отсюда слѣдуютъ слѣдующія положенія: 1) дуэль, взятая само по себѣ, составляетъ нарушеніе обязанностей военной службы, когда она имѣетъ мѣсто между лицами разныхъ чиновъ (это прямо запрещено приказами воен. министра 13 іюня 1835 г. и 3 февраля 1838 г.), или если она имѣетъ мѣсто между лицами одного чина, но не получившими отъ надлежащей власти разрѣшенія драться; 2) что это правонарушеніе—спеціальное, могущее совершаться только воинскими чинами и подлежащее воздѣйствію узаконеній, установленныхъ въ военномъ вѣдомствѣ; 3) нарушенія не существуетъ, когда два лица воинскаго званія, состоящія въ одинаковыхъ чинахъ, получили разрѣшеніе драться на дуэли; 4) смерть или раны, причиненныя на дуэли, какъ нарушеніе общаго права, должны и въ случаѣ принадлежности участниковъ къ военному вѣдомству, подлежать примѣненію общеуголовныхъ законовъ (Code pénal), согласно рѣшенію кассаціоннаго суда отъ 22 іюня 1837 г. Однако военные суды, какъ указываетъ Кроаббонъ, не признаютъ этого толкованія кассаціоннаго суда и всякій разъ, когда

---

[1]) Croabbon «La science du point d'honneur».

возбуждался этотъ вопросъ, они отвѣчали оправдательнымъ приговоромъ.

По вопросу о томъ, можетъ-ли начальство обязать военныхъ чиновъ выходить на дуэль, Кроаббонъ отвѣчаетъ отрицательно, ссылаясь на письмо воен. министра Фрейсине командиру гвардейскаго корпуса 5 іюня 1889 г., на основаніи котораго военные не могутъ быть понуждаемы къ дуэли дисциплинарно, и отказъ отъ дуэли не долженъ зависѣть отъ чьего бы то ни было разрѣшенія.

Въ *Англіи* законодательство точно также не знаетъ никакихъ особыхъ постановленій о дуэли, и послѣдняя, смотря по исходу ея, подводится или подъ законы объ убійствѣ и наказывается долгосрочнымъ лишеніемъ свободы, или же подъ законы о тѣлесныхъ поврежденіяхъ и наказывается тюрмою или штрафомъ. Впрочемъ, судъ присяжныхъ почти всегда постановляетъ оправдательные приговоры по дѣламъ о дуэляхъ. Къ тому же дуэли въ Англіи крайне рѣдки, вслѣдствіе самаго характера населенія и обычаевъ его, даже въ высшихъ классахъ, обращаться по дѣламъ объ обидахъ съ жалобами въ общіе суды. Въ дѣлахъ чести англичане подчиняются рѣшенію судьи; они уважаютъ свой судъ и авторитетъ суда считаютъ выше обычая предковъ среднихъ вѣковъ. Агитація противъ дуэли въ Англіи началась съ 1843 года. Полковникъ Фоусетъ былъ убитъ въ поединкѣ своимъ шуриномъ поручикомъ Монро. Общее сочувствіе, однако, оказалось не на сторонѣ убитаго, а убійцы, который принялъ вызовъ исключительно въ угоду господствовавшему предразсудку и всетаки приговоренъ былъ къ наказанію, какъ обыкновенный преступникъ, ибо закономъ дуэль воспрещалась и въ Англіи, какъ вездѣ. Но тогда же подъ покровительствомъ принца-Альберта, супруга королевы, образовалось аристократическое общество «Antiduelling Association». Въ составъ его вошло членами болѣе пятисотъ лордовъ и членовъ палаты общинъ, и столько же офицеровъ. Дуэль перестала считаться шикомъ и утратила свою заманчивость [1]). И не смотря на это, въ Англіи не

---

[1]) Послѣдняя дуэль тамъ была между лейтенантомъ Сатономъ и Гаукеемъ, 20 мая 1845 года.

извелся типъ безукоризненнаго джентльмена и англійскій лордъ никому не уступитъ въ пониманіи значенія чести и благородства, присущихъ ему, какъ человѣку. Въ то же время англичане отличаются и вѣжливостью, конечно не меньшею чѣмъ французы. По крайней мѣрѣ, въ англійскомъ парламентѣ не бывало такихъ «засѣданій съ пощечинами», которыя случались во французской палатѣ депутатовъ.

Въ военно-уголовномъ уставѣ нѣтъ тоже особыхъ постановленій о наказаніи за дуэли, но въ 1844 году, благодаря иниціативѣ принца-супруга Альберта, издана королевская декларація, въ видахъ поощренія къ миролюбивому окончанію споровъ и обидъ, причемъ въ одной изъ статей этой деклараціи говорится отъ имени королевы: «Мы объявляемъ наше полное одобреніе поведенію тѣхъ, которые, имѣвъ несчастіе нанести другимъ оскорбленіе, рѣшаются откровенно объясниться и извиниться, равно какъ и поведенію тѣхъ, которые, имѣвъ несчастіе получить обиду, дружелюбно соглашаются на принятіе извиненія. Если же кто откажется дать или принять объясненіе или извиненіе, то дѣло должно быть передано на рѣшеніе командира полка или коменданта, и мы объявляемъ избавленными отъ всякаго упрека въ безчестіи, отъ всякаго невыгоднаго мнѣнія, всѣхъ офицеровъ и солдатъ, которые будутъ расположены сдѣлать или принять извиненіе, откажутся отъ дуэли, потому, что, въ такомъ случаѣ, они поступаютъ, какъ прилично честнымъ людямъ и воинамъ, покорнымъ дисциплинѣ» [1]). Въ настоящее время дуэль въ Англіи почти искоренилась, и понятіе законности поединка сохранилось только въ одномъ придворномъ обрядѣ: при коронованіи королевы, ея латникъ бросаетъ на столъ перчатку, въ знакъ вызова на поединокъ всякаго, кто бы осмѣлился произнести оскорбительныя для чести королевы слова, или оспаривать ея права [2]).

Установившійся во Франціи и Англіи взглядъ на дуэль, какъ на обыкновенное убійство или причиненіе тѣлесныхъ поврежденій является одностороннимъ и не раздѣляется остальными государствами Европы. Дѣйствительно, уго-

---

[1]) Адольфъ Когутъ «Buch berühmter Duelle».
[2]) Неклюдовъ. «Руков. къ особ. части уг. пр.», I, 150 стр.

ловный кодексъ не можетъ слѣдовать однимъ абсолютнымъ началамъ; выражая собою дѣйствительную жизнь, со всѣми народными идеями, чувствами, слабостями, онъ долженъ все взвѣсить, все принять въ соображеніе. Если о безнаказанности дуэли не можетъ быть рѣчи (въ этомъ смыслѣ справедливы аргументы генералъ-прокурора Дюпена, принятые кассаціоннымъ судомъ), то нельзя также допустить и приравненія ея къ обыкновенному убійству. Причины этого слѣдующія.

Конечно, несомнѣнно, что кровавая расплата съ обидчикомъ не соотвѣтствуетъ принципамъ христіанской религіи, что идеи о томъ, что только кровью можетъ быть смыто нанесенное оскорбленіе, что только трусъ и безчестный человѣкъ могутъ отказаться отъ сдѣланнаго вызова и т. д., являются предразсудкомъ, но тѣмъ не менѣе законодатель не можетъ игнорировать существованіе подобнаго предразсудка. Законодатель не долженъ забывать, что существуютъ среда и отдѣльныя корпораціи, которыя признаютъ необходимость дуэли и съ презрѣніемъ относятся къ тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые не раздѣляютъ принципа грубой силы и насилія, что только кровью можно смыть нанесенное оскорбленіе. Это вліяніе среды такъ сильно, что люди самыхъ разнообразныхъ убѣжденій, темперамента, возраста и общественнаго положенія оказывались безсильными противостать противъ этого вліянія. Изъ государственныхъ людей, участвовавшихъ въ дуэли въ послѣднее время, можно назвать Тьера, Гамбетту, Бисмарка; изъ писателей и ученыхъ—Прудона, Вирхова и др. [1]).

Общество кладетъ чрезвычайное различіе между убійцей на дуэли и обыкновеннымъ убійцей. Если законодатель приравняетъ ихъ въ наказаніи, тогда самое это наказаніе, какъ бы оно ни было грозно, потеряетъ значеніе: не столько важно наказаніе, сколько голосъ совѣсти. Если совѣсть, истинно или ложно, говоритъ о дуэли иначе, чѣмъ объ убійствѣ, то и законодатель не можетъ не принять этого въ разсчетъ при опредѣленіи наказаній. При томъ дуэль, какъ предразсудокъ, имѣетъ за собою великое на-

---

[1]) Таганцевъ. «Лекціи по угол. пр.», 216 стр.; Verger de Saint-Thomas, Code du duel, Croabbon, «La science de point d'honneur».

чало — чувство чести, личной неприкосновенности и достоинства.

Второе основаніе, выдѣляющее дуэль изъ общаго ряда убійствъ, есть обоюдное согласіе дуэлистовъ. Убійство совершается безъ согласія жертвы, изъ-за угла; убійца всегда старается всевозможными измѣнническими мѣрами избѣгнуть сопротивленія жертвы; въ дуэли же представляется совершенно противное: дуэль, во-первыхъ, совершается всегда по обоюдному согласію, слѣдовательно, вызванный приходитъ самъ, хотя очень понятно, что онъ могъ и не придти и, такимъ образомъ, избѣгнуть боя; во-вторыхъ дуэль, въ противоположность убійству, даетъ равные шансы сражающимся: и тотъ и другой бываютъ и нападающимъ и защищающимся, слѣдовательно, обѣ стороны подвергаются одинаковому риску.

Третье основаніе — существуютъ такія оскорбленія, когда,—благодаря господствующимъ до сихъ поръ ложнымъ представленіямъ о насильственномъ поддержаніи чести,—судъ неспособенъ возстановить нарушенную честь и когда, поэтому, дуэль считается единственнымъ средствомъ для возстановленія «замаранной» чести или для «смытія» оскорбленія.

Возьмемъ, для примѣра, такія преступленія противъ чести, которыхъ нѣтъ возможности опровергнуть по самому свойству ихъ. Это — когда дѣло касается интимныхъ отношеній. Тутъ оскорбленный, имѣя полную возможность крикнуть на весь міръ: «это неправда, этого не было, это не такъ, и вотъ доказательство того, что это не такъ»,—все таки не дѣлаетъ этого и молчитъ, потому что дѣло касается святыхъ для него отношеній. Когда дѣло идетъ о чести матери, жены, сестры, дочери, не пойдетъ оскорбленный въ судъ и не станетъ доказывать документами и свидѣтельскими показаніями, что это — клевета, хотя бы это была тысячу разъ правда. И тутъ возможно еще такое положеніе, когда, пока мы еще, не смотря на всѣ успѣхи цивилизаціи, не дозрѣли до болѣе разумныхъ средствъ, нѣтъ иного выхода, кромѣ «смытія» оскорбленія [1].

---

[1]) Такова была роковая исторія Пушкина, окончившаяся такой невознаградимой потерей для Россіи.

Другой примѣръ; кто нибудь совершенно безвинно получилъ оскорбленіе дѣйствіемъ (пощечину). Дѣло идетъ въ судъ, который приговариваетъ оскорбителя къ тюремному заключенію. Чего-бы, казалось, больше?—Оскорбленная невинность восторжествовала, буйное самоуправство наказано. Удовлетворены и законъ, и личность, и общественная совѣсть; но, къ сожалѣнію, остался «предразсудокъ», съ точки зрѣнія котораго честь побитаго недостаточно реабилитировалась. «Предразсудокъ» требуетъ личной мести, въ извѣстной классической формѣ, и—на иной реабилитаціи поруганной чести не мирится, если нѣтъ какихъ-нибудь исключающихъ эту расправу, особыхъ, вѣскихъ обстоятельствъ. Однимъ возмездіемъ на судѣ онъ не удовлетворяется.

Конечно, все это нелогично и нелѣпо, и, несомнѣнно, дурно съ высшей христіанской и философской точки зрѣнія; все это остатки того обветшавшаго, но, къ прискорбію, не совсѣмъ еще разрушившагося міровоззрѣнія тѣхъ темныхъ и невѣжественныхъ временъ, когда грубая сила признавалась въ жизни высшимъ принципомъ, когда кулакъ или оружіе считались убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ въ рѣшеніи высшихъ вопросовъ нравственности и права; но эти общественные традиціи и предразсудки, въѣвшіеся въ нашу плоть и кровь, въ существѣ своемъ фальшивые, создали ту ложную этику (псевдо-этику), которую мы считаемъ общественною нравственностью и, поэтому, живемъ по ея условнымъ законамъ.

Въ виду изложенныхъ соображеній поединокъ нельзя разсматривать только какъ одинъ изъ способовъ лишенія жизни или тѣлеснаго поврежденія, а необходимо создать изъ него своеобразное преступленіе (delictum sui generis). Эту систему усвоили новѣйшіе кодексы, и въ настоящее время, почти во всѣхъ государствахъ Европы (въ Германіи, Австріи, Голландіи и др.), дуэль разсматривается какъ самостоятельное преступленіе и облагается особыми наказаніями (арестъ, крѣпость), несоединенными съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ.

Въ *Германіи* имперское общее уголовное уложеніе содержитъ спеціальныя постановленія о дуэли, какъ преступленіи особомъ, и излагаетъ ихъ въ отдѣлѣ престу-

пленій противъ правъ частныхъ лицъ, непосредственно за постановленіями объ оскорбленіяхъ. На основаніи этого кодекса дуэлью почитается бой между двумя лицами, на смертоносномъ оружіи, съ соблюденіемъ взаимно установленныхъ или общепринятыхъ правилъ боя. Наказанія за поединки опредѣляются въ зависимости отъ того, послѣдовала или не послѣдовала смерть противника, причемъ въ первомъ случаѣ, т. е. за поединокъ, окончившійся смертью, назначается заключеніе въ крѣпости на время отъ 2 до 15 лѣтъ, а если поединокъ былъ еще и съ условіемъ биться на смерть, то такое же заключеніе—на время отъ 3 до 15 лѣтъ; за всѣ прочіе поединки, не имѣвшіе послѣдствіемъ смерти противника, назначается крѣпость на время отъ трехъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ. Если же смерть или тѣлесное поврежденіе произошли отъ умышленнаго нарушенія условленныхъ или обычныхъ правилъ поединка, то нарушитель наказывается на основаніи общихъ постановленій о преступленіи убійства и тѣлеснаго поврежденія. Всѣ эти постановленія одинаково примѣняются и къ военно-служащимъ, такъ какъ въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ (1872 г.) не сдѣлано изъ постановленій этихъ никакихъ исключеній. Къ этимъ постановленіямъ о дуэли имѣетъ также отношеніе и указъ императора Вильгельма I отъ 2 мая 1874 года, которымъ нормируется самая дуэль въ войскахъ. На основаніи этого указа, какъ предложившій, такъ и получившій вызовъ обязываются немедленно увѣдомить о томъ «Совѣтъ посредниковъ» суда чести, который объ этомъ случаѣ докладываетъ немедленно же и, по возможности до поединка, командиру части и старается устроить примиреніе, если то не будетъ противно духу военнаго сословія. Если примиреніе не состоится, то совѣтъ посредниковъ отправляется на мѣсто поединка, для наблюденія, чтобы дуэль происходила съ соблюденіемъ всѣхъ условій, предписываемыхъ военно-сословными обычаями, причемъ передъ самымъ поединкомъ снова дѣлаетъ попытку къ примиренію сторонъ.

Дуэли въ Германіи весьма часты, оканчиваются, по большей части, безъ вредныхъ послѣдствій, и въ этихъ случаяхъ начальникамъ дивизій разрѣшено ограничиваться дисциплинарнымъ взысканіемъ. Въ послѣднее время при-

няты мѣры къ уменьшенію числа дуэлей среди офицеровъ: въ 1891 году императоръ германскій Вильгельмъ II запретилъ ихъ семейнымъ офицерамъ, а также и тѣмъ, которые уже трижды дрались на дуэли.

1-го же января 1897 г. состоялся слѣдующій кабинетный указъ германскаго императора Вильгельма на имя военнаго министра, съ цѣлью ограниченія дуэлей между офицерами:

«Я хочу, чтобы поединки моихъ офицеровъ предупреждались чаще, чѣмъ до сихъ поръ. Поводы къ поединкамъ нерѣдко бываютъ незначительные и заключаются въ частныхъ распряхъ и обидахъ, допускающихъ миролюбивое соглашеніе безъ всякаго ущерба для воинской чести. Офицеръ долженъ признать несправедливымъ всякое посягательство на чью-либо честь; если же онъ вслѣдствіе раздраженія или необдуманности, въ этомъ отношеніи погрѣшитъ, онъ поступитъ по-рыцарски, сознавъ свою неправоту и протянувъ обиженному руку примиренія. Съ другой стороны, задѣтый или оскорбленный долженъ принять протянутую ему руку, насколько это допускается добрыми нравами и сословной честью (Standesehre). Поэтому я хочу, чтобы впредь въ разрѣшеніи вопросовъ чести участвовалъ, по общему правилу, совѣтъ чести (Ehrenrat). Послѣдній, исполняя свои обязанности, долженъ усердно стремиться къ примиренію сторонъ. Съ этою цѣлью предписываю, въ дополненіе къ правительственному распоряженію 2-го мая 1874 года о судахъ чести офицеровъ прусскаго войска, нижеслѣдующія правила:— I. Если между офицерами произойдутъ какія-либо распри или обиды, не улаженныя тотчасъ миролюбиво приличествующимъ образомъ, каждая изъ сторонъ обязана, прежде чѣмъ предпринять дальнѣйшія дѣйствія, сообщить объ этомъ своему совѣту чести.—II. Совѣтъ чести, подъ предсѣдательствомъ полкового командира, немедленно выясняетъ дѣло путемъ устнаго или письменнаго производства и затѣмъ, смотря по полученнымъ результатамъ, ровно какъ по выслушаніи сторонъ, въ письменной формѣ: 1) либо предлагаетъ проектъ соглашенія; 2) либо заявляетъ, что, по характеру дѣла, онъ не въ состояніи предложить такого проекта и что вслѣдствіе этого дѣло должно поступить на разсмотрѣніе суда чести; 3) либо, наконецъ, объ-

являетъ, что въ данномъ случаѣ честь сторонъ осталась нетронутой и что вслѣдствіе этого нѣтъ никакого основанія ни къ составленію проекта соглашенія, ни къ разбирательству дѣла судомъ чести. Въ проектѣ соглашенія опредѣляется способъ и срокъ приведенія его въ исполненіе. Кромѣ того, сообразно съ характеромъ дѣла, въ проектѣ соглашенія особо указывается, требуется ли при приведеніи его въ исполненіе присутствіе, кромѣ командира и совѣта чести, постороннихъ свидѣтелей, въ какой формѣ—письменной или устной—должно воспослѣдовать и т. д., и т. д. Совѣтъ долженъ стремиться къ соглашенію сторонъ, поскольку оно допускается добрыми нравами военнаго сословія. — III. Рѣшеніе совѣта чести должно быть утверждено, въ письменной формѣ, командиромъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда командиръ округа, при которомъ состоитъ судъ чести, по рангу своему ниже полкового командира, рѣшеніе совѣта чести утверждается бригаднымъ командиромъ, коему представляется все производство дѣла и рѣшеніе совѣта съ отзывомъ командира округа. Лицо, утверждающее рѣшеніе совѣта чести, имѣетъ право: 1) измѣнить проектъ соглашенія; 2) въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. II §§ 2 и 3, представить, со своей стороны, въ письменной формѣ, проектъ соглашенія; 3) отказать въ утвержденіи проекта соглашенія, или рѣшенія, предусмотрѣннаго ст. II § 3, и съ своей стороны, постановить рѣшеніе въ смыслѣ ст. II § 2.—IV. Сторонамъ предоставлено право въ теченіи трехъ дней обжаловать проектъ соглашенія, или рѣшеніе совѣта, предусмотрѣнное ст. II § 3. Въ такомъ случаѣ, начальствующія власти, заявивъ свое собственное мнѣніе, должны обратиться за окончательнымъ рѣшеніемъ ко мнѣ. — V. Исполненіемъ проекта соглашенія, равно какъ рѣшеніемъ совѣта, предусмотрѣннымъ ст. II § 3, спорный вопросъ признается вполнѣ исчерпаннымъ какъ въ отношеніи самихъ сторонъ, такъ и по отношенію къ офицерской корпораціи. Тѣмъ не менѣе, разбирательство въ судѣ чести и въ такомъ случаѣ можетъ имѣть мѣсто, если только поведеніе одного изъ заинтересованныхъ подастъ къ этому поводъ.—VI. Если совѣтомъ чести не предложенъ проектъ соглашенія, а также не постановлено рѣшеніе въ смыслѣ

ст. II § 3, дальнѣйшее производство дѣла направляется въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ ст. 27 и слѣд. правительственнаго распоряженія 2-го мая 1874 г. Тѣмъ же порядкомъ производится дѣло и въ томъ случаѣ, если окончательно установленный проектъ соглашенія не приведенъ въ исполненіе.—VII. Немедленно должно быть мнѣ доложено объ офицерѣ, который вызоветъ на поединокъ другого офицера или приметъ вызовъ его: либо помимо совѣта чести, либо до окончательнаго утвержденія постановленія его, либо въ нарушеніе окончательно установленнаго проекта соглашенія, а также рѣшенія въ смыслѣ ст. II § 3, либо, наконецъ, до моего утвержденія окончательнаго приговора суда чести.—VIII. Если одинъ изъ заинтересованныхъ—генералъ, назначеніе командира и членовъ совѣта чести предоставляется моему усмотрѣнію. Если одинъ изъ заинтересованныхъ—штабъ-офицеръ, дѣло подлежитъ разсмотрѣнію совѣта чести при штабъ-офицерскомъ судѣ чести. Кромѣ того, если заинтересованныя лица подчинены различнымъ судамъ чести, совѣтъ чести, компетентный для согласительнаго производства, опредѣляется ближайшимъ, общимъ для всѣхъ заинтересованныхъ начальствомъ (въ порядкѣ служебной іерархіи, предусмотрѣнномъ ст. 27 распоряженія 2-го мая 1874 г.), а въ случаѣ неимѣнія таковаго, посредствомъ соглашенія командующихъ генераловъ (или же генерала съ адмираломъ). Въ случаѣ необходимости, дѣло восходитъ на мое разсмотрѣніе.—IX. Каждый офицеръ, который придетъ въ столкновеніе по вопросу чести съ офицеромъ, не подчиненнымъ суду чести, или съ частнымъ лицомъ, тотчасъ обязанъ довести о томъ до свѣдѣнія совѣта чести, если только немедленное, миролюбивое соглашеніе, соотвѣтствующее офицерскому достоинству, окажется невозможнымъ. И въ этомъ случаѣ, поскольку дозволяютъ обстоятельства, совѣтъ чести подъ руководствомъ командира долженъ содѣйствовать соглашенію».

Въ Австро-Венгріи уголовныя уложенія, какъ австрійское, такъ и венгерское, признаютъ дуэль за особое преступленіе противъ правъ частныхъ лицъ, но относятъ ее къ группѣ посягательствъ на жизнь и здоровье. Наказанія за дуэль, когда окончилась смертью, назначаются: по ав-

стрійскому уложенію (1852 г.)—заключеніе на время отъ 10—20 лѣтъ, а по венгерскому уложенію, позднѣйшему,—на время только до 5 лѣтъ. Въ другихъ случаяхъ опредѣляется тюремное заключеніе до 1, 2 или 3 лѣтъ. Дуэли въ Австро-Венгріи не такъ часты, какъ въ Германіи, и тѣ изъ нихъ, которыя не имѣли серьезныхъ послѣдствій, остаются обыкновенно безъ преслѣдованія, а въ случаяхъ болѣе важныхъ и когда преслѣдованіе уже начато, испрашиваются иногда особыя повелѣнія императора на прекращеніе такихъ дѣлъ.

Въ Италіи хотя дѣйствующіе законы относятъ дуэль къ проступкамъ противъ правосудія и назначаютъ за дуэль тоже довольно строгія наказанія, но на практикѣ дѣла этого рода, по большей части, не возбуждаются, а если дуэль происходила только между военно-служащими, то участники ея лишь въ рѣдкихъ, важнѣйшихъ случаяхъ предаются суду. По существующему порядку, офицеръ, отказавшійся драться, можетъ быть уволенъ, по приговору суда общества офицеровъ, отъ службы, но не за отказъ отъ дуэли, а подъ предлогомъ нанесенія оскорбленія товарищу, за то, что поступилъ безчестно, не оберегъ чести мундира [1]).

У насъ въ Россіи «поле» (судебный поединокъ), вымирая въ XVI вѣкѣ, не оставило по себѣ, за несуществованіемъ у насъ феодальныхъ порядковъ, никакого наслѣдія, такъ что бой, какъ расправа за оскорбленіе, былъ вовсе неизвѣстенъ древне-русскому обществу.

Со временъ Петра Великаго законодательство русское объ оскорбленіи чести развивалось подъ вліяніемъ западно-европейскихъ понятій о чести. Вмѣстѣ съ костюмомъ и модами верхніе слои общества усваиваютъ рыцарскія (хотя и сильно преувеличенныя) представленія о чести. Поединокъ входитъ въ нравы.

Первые примѣры *дуэли за оскорбленіе чести* появляются лишь при Петрѣ Великомъ, среди иностранцевъ, и первые уголовные запреты ея, заимствованные изъ нѣмецкихъ постановленій (Duelmandaten) и возводившіе дуэль въ значеніе важнѣйшаго государственнаго престу-

---

[1]) «Воен. Сборникъ» 1894 г. № 8, стр. 335—337 и Лохвицкій «Курсъ уг. пр.» стр. 557—558.

пленія, относятся къ той же эпохѣ. Въ воинскомъ уставѣ 1716 года начертаны весьма строгіе законы противъ дуэлянтовъ (поединщиковъ), секундантовъ и картельщиковъ. Дуэлянты считались противниками царскихъ указовъ. Въ главѣ XLIX (патентъ о поединкахъ), между прочимъ, выражено, что «если кто наше сіе (о наказаніяхъ за оскорбленіе чести) попеченіе презритъ, наше учрежденіе нарушитъ и на дуэль кого вызоветъ, равно какъ и тотъ, кто цидулку и письменный вызовъ отъ вызывателя принимаетъ [1]), будетъ лишенъ чиновъ и достоинства, напередъ за негоднаго объявленъ [2]), а съ имѣнія его взятъ штрафъ». Такому же наказанію, какъ и вызыватель, подвергается: а) тотъ, кто такую же цидулку принесетъ вызванному; б) секунданты или посредники, обѣщавшіе присутствовать на поединкѣ; в) переносившіе вызывательныя письма и г) не донесшіе о предположенномъ, завѣдомо извѣстномъ поединкѣ. А слуга, доставившій цидулку о вызовѣ, ему извѣстномъ, наказывается шпицрутенами.— Поединщики, которые явятся на мѣсто и обнажатъ другъ противъ друга шпаги, но были розняты другими, подвергаются смертной казни и конфискаціи имущества; а если они разошлись по добровольному раскаянію, то наказаніе ограничивается «жестокимъ денежнымъ штрафомъ» по усмотрѣнію суда. Но если они вступили въ бой и въ томъ бою кто либо изъ поединщиковъ будетъ раненъ или убитъ, то какъ живые, такъ и мертвые безъ милости повѣшены будутъ.

Во второмъ же раздѣлѣ воинскаго артикула, гл. XVII, артикулъ 139, постановлено, что какъ вызыватель, такъ и тотъ, кто выйдетъ, имѣетъ быть казненъ, а именно повѣшенъ, хотя кто изъ нихъ будетъ раненъ или умерщвленъ, или хотя оба не ранены отъ того отойдутъ. И ежели случится, что оба или одинъ изъ нихъ въ такомъ поединкѣ останется, то и по смерти за ноги повѣсить.

Какъ мы уже указали выше (см. ч. I, «Краткій историческій очеркъ»), Петръ Великій считалъ однако необходимымъ ограждать общество офицеровъ въ арміи по-

---

[1]) Въ оригиналѣ «Bottschaft, Billet der Cartel».
[2]) Т. е. объявленіе безчестнымъ (въ подлинникѣ «untüchtig»).

средствомъ коллективнаго обсужденія «непотребныхъ» поступковъ кого-либо изъ товарищей всѣми штабъ- и оберъ-офицерами «по совѣсти и подъ присягой и тѣ свидѣтельства заручать, описывая обстоятельно ихъ шумство и другіе непотребные ихъ поступки, а потомъ каждому аншефу такія подлинныя свидѣтельства, при своемъ доношеніи, присылать для рѣшенія въ военную коллегію» (указъ 1720 года).

Этотъ взглядъ на дуэль, взглядъ, заимствованный Петромъ Великимъ изъ иноземнаго права, какъ на преступленіе противъ публичныхъ государственныхъ интересовъ, нашелъ себѣ, затѣмъ, весьма послѣдовательное выраженіе въ законѣ о дуэляхъ, изданномъ Императрицею Екатериною II, при чемъ карательная мѣра за поединки была ослаблена. По манифесту о поединкахъ Екатерины II, отъ 21 апрѣля 1787 года, сдѣлавшій вызовъ на поединокъ и обнажившій оружіе лишается права искать судебнымъ порядкомъ удовлетворенія въ обидѣ, подавшей поводъ къ поединку. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ предавался суду, «яко ослушникъ законовъ» и подвергался наказанію въ той же мѣрѣ и степени, какъ «за непослушаніе противъ властей». Дуэль являлась, такимъ образомъ, преступленіемъ противъ порядка управленія. Лицо, обнаружившее стремленіе сдѣлаться судьею въ собственномъ дѣлѣ, прибѣгнувшее къ самосуду, считалось при всемъ томъ какъ бы именно оскорбителемъ той судебной власти, которой должно было бы подлежать дѣло, по жалобѣ на обиду. Поэтому, виновный въ вызовѣ на дуэль, сверхъ указанныхъ послѣдствій,—наказанія и лишенія права получить удовлетвореніе въ судебномъ порядкѣ,—подвергался еще «взысканію судейскаго безчестія» по чину того судьи, вѣдомству котораго дѣло подлежало. Въ свою очередь, принявшій вызовъ подвергался наказанію только «яко ослушникъ законовъ». Въ наказѣ Екатерины Великой было, между прочимъ, по этому предмету сказано: «о поединкахъ не безполезно здѣсь повторить то, что утверждаютъ многіе и что другіе написали: что самое лучшее средство предупредить сіи преступленія—есть наказывать наступателя; сирѣчь того, кто полагаетъ случай къ поединку, а невиноватымъ объявить принужденнаго защищать честь свою,

не давши къ тому никакой причины» (ст. 234 «Наказа»). Вторичный вызовъ на поединокъ влекъ уже за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ Сибирь на вѣчное житье. Затѣмъ вызвавшій «другого на поединокъ и причинившій» противнику раны, увѣчье или смерть,— наказывался точно такъ же, безъ малѣйшаго смягченія, какъ за умышленное причиненіе увѣчья, ранъ или смерти. Лицо, переносившее вызовъ, признавалось, въ свою очередь, «сообщникомъ беззаконнаго дѣла» и каралось соотвѣтственно, если не принимало мѣръ къ примиренію противниковъ,—не успѣвъ же въ дѣлѣ примиренія, не объявляло властямъ о готовящемся поединкѣ. Какъ участники поединка, наказывались, въ зависимости отъ его послѣдствій, секунданты, принявшіе всѣ находившіяся въ ихъ распоряженіи мѣры къ примиренію противниковъ, но не успѣвшіе въ этомъ и допустившіе противниковъ до поединка, не объявивъ о немъ властямъ. Въ случаѣ же, если секунданты вовсе не принимали мѣръ къ примиренію дуэлянтовъ, то они судились и наказывались наравнѣ съ дуэлянтами. Наконецъ, и случайно находившійся при поединкѣ и не приложившій стараній къ примиренію ссорящихся и недонесшій о поединкѣ—наказывался какъ «сообщникъ поединка».

Эти постановленія манифеста вошли потомъ въ Сводъ Законовъ 1832 года[1]), и въ Сводъ Воен. Пост. 1839 г. и продолжали дѣйствовать по гражданскому вѣдомству до изданія Уложенія 1845 г. [2]), а по военному вѣдомству до изданія воинскаго устава о наказ. 1868 г., но никогда почти не примѣнялись во всей строгости. По крайней мѣрѣ, по дѣламъ о военно-служащихъ, бывшій генералъ-аудиторіатъ всегда входилъ съ особыми ходатайствами о замѣнѣ подсудимымъ слѣдующаго по законамъ наказанія, смотря по обстоятельствамъ, заключеніемъ въ крѣпости, разжалованіемъ въ рядовые, или даже переводомъ только на службу на Кавказъ [3]).

---

[1]) Св. Зак. 1832 г. помѣстилъ главу о поединкѣ между посягательствами на права частныхъ лицъ.

[2]) Уложеніе 1845 г. помѣщаетъ постановленія о поединкахъ въ ряду преступленій противъ личныхъ благъ, но измѣняетъ кореннымъ образомъ ихъ уголовную наказуемость. Поединокъ сталъ самостоятельнымъ преступленіемъ.

[3]) «Воен. Сборн.» 1894 г. № 8, стр. 331.

Такъ напримѣръ, нашъ знаменитый поэтъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, за первую дуэль (съ французскимъ подданнымъ де-Барантомъ, 18 февраля 1840 года), былъ приговоренъ судомъ къ «лишенію чиновъ и дворянскаго достоинства и къ разжалованію въ рядовые». Но принимая въ уваженіе, во 1-хъ, причины, вынудившія подсудимаго принять вызовъ на дуэль, на которую онъ вышелъ не по одному личному неудовольствію съ барономъ де-Барантомъ, но болѣе изъ желанія поддержать честь русскаго офицера; во 2-хъ то, что дуэль эта не имѣла никакихъ вредныхъ послѣдствій; въ 3-хъ поступокъ Лермонтова во время дуэли, на которой онъ, послѣ сдѣланнаго де-Барантомъ промаха изъ пистолета,—выстрѣлилъ въ сторону, въ явное доказательство, что онъ не жаждалъ крови противника, и наконецъ въ 4-хъ засвидѣтельствованіе начальства объ усердной Лермонтова службѣ,—генералъ-аудиторіатъ призналъ возможнымъ повергнуть участь подсудимаго на Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе, всеподданнѣйше ходатайствуя о смягченіи опредѣленнаго ему по законамъ наказанія, тѣмъ, чтобы, вмѣнивъ Лермонтову содержаніе подъ арестомъ съ 10 марта 1840 года, выдержать еще подъ онымъ въ крѣпости на гауптвахтѣ три мѣсяца, а потомъ выписать въ одинъ изъ армейскихъ полковъ тѣмъ же чиномъ. Согласно съ симъ заключеніемъ представленъ былъ отъ генералъ-аудиторіата Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ въ 13 день апрѣля 1840 г. послѣдовала собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «поручика Лермонтова перевесть въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ». Въ тотъ же день—1) это Высочайшее повелѣніе было объявлено Лермонтову, и 2) напечатанъ по военному вѣдомству слѣдующій приказъ: переводится Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка поручикъ Лермонтовъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ (расположенный на Кавказѣ) тѣмъ же чиномъ [1]).

Изложенныя обстоятельства были приняты во вниманіе составителями нынѣ дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ и послужили къ смягченію вообще наказаній за дуэль (из-

---

[1]) Любавскій «Русскіе уголов. процессы» 1866 г., I т., стр. 558—560.

брано заключеніе въ крѣпости безъ ограниченія правъ) и къ признанію дуэли особымъ, самостоятельнымъ преступленіемъ своего рода (sui generis), отличнымъ отъ простаго убійства или нанесенія тѣлесныхъ поврежденій. При составленіи воинскаго устава о наказ. 1868 года въ первоначальный проектъ его также были включены постановленія о дуэли, однородныя съ постановленіями уложенія, съ нѣкоторымъ сокращеніемъ сроковъ заключенія, но такія измѣненія были отвергнуты и исключены, въ видахъ полнаго согласованія воинскаго устава съ общимъ уложеніемъ о наказаніяхъ [1]).

Такимъ образомъ, наше военно-уголовное законодательство поединокъ не признаетъ спеціально воинскимъ преступленіемъ и относитъ его къ преступленіямъ общимъ какъ для военно-служащихъ, такъ и для лицъ гражданскаго вѣдомства, и облагаютъ тѣхъ и другихъ наказаніями по Уложенію. Исключеніе составляютъ случаи «вызова начальника или старшаго на поединокъ по дѣлу, касающемуся службы», которые составляютъ уже воинское преступленіе, караемое весьма строго по Воинскому Уст. о наказ. [2]).

Въ заключеніе полезно указать, какъ взглянули на дуэль составители новаго уголовнаго уложенія [3]). Вопросъ этотъ является тѣмъ болѣе интереснымъ, что проектъ, отражая на себѣ современныя научныя воззрѣнія, отличается гуманнымъ направленіемъ: дѣлая ненаказуемыми нѣкоторыя дѣянія, доселѣ караемыя закономъ, вообще понижаетъ наказанія за дѣянія, признававшіяся донынѣ и признаваемыя имъ преступными. По словамъ записки «о составленіи проекта Уголовнаго Уложенія», представленной при послѣднемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра

---

[1]) Безъ сомнѣнія поединокъ не составляетъ спеціально-воинскаго преступленія, а долженъ быть отнесенъ къ преступленіямъ общимъ, какъ для военнослужащихъ, такъ и для лицъ гражданскаго вѣдомства, и какъ при участіи въ семъ преступленіи тѣхъ и другихъ виновные будутъ подлежать сужденію уголовнаго суда гражданскаго вѣдомства, то очевидно, что основанія уголовнаго закона о поединкахъ должны быть одинаковы, какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ вѣдомствѣ, и отступленія отъ этого общаго закона для военнослужащихъ не вызываютття особыми условіями и требованіями военной службы. (Сборникъ законодат. раб. по составленію воин. уст. о наказ., стр. 518).

[2]) См. ниже («Наказуемость дуэли по дѣйств. законод.»).

[3]) Проектъ этого Уложенія приложенъ въ концѣ книги.

Юстиціи касательно проекта, редакціонная коммиссія, составлявшая этотъ проектъ, руководилась мудрою мыслью, высказанною еще Императрицею Екатериною II, что «не суровость наказаній, а ихъ неизбѣжность составляетъ надежный оплотъ общественной безопасности». «Испытайте, говорилось въ «Наказѣ» [1]), вину всѣхъ послабленій, и вы увидите, что она происходитъ отъ ненаказуемости преступленій, а не отъ умѣренія наказаній... Извѣстіе и о маломъ неизбѣжномъ наказаніи сильнѣе впечатлѣвается въ сердцѣ, нежели строгія, жестокія казни, совокупно съ надеждою избѣжать оныя» [2]).

Просматривая XXII главу проекта новаго Угол. Уложенія, посвященную «поединку», мы видимъ, что этотъ проектъ не обнаружилъ вовсе мягкаго, снисходительнаго отношенія къ дуэли. Напротивъ, признавая дуэль дѣяніемъ преступнымъ, проектъ облагаетъ относящіеся до нея виды виновности, сравнительно съ дѣйствующимъ Уложеніемъ, то одинаковымъ наказаніемъ, то болѣе высокимъ, то пониженнымъ и въ общемъ усиливаетъ репрессію относительно поединковъ, и этимъ какъ бы выдѣляетъ дуэль изъ ряда другихъ преступныхъ дѣяній и, находя ее особо противорѣчащею современному государственному строю и общественному развитію, почитаетъ возможнымъ наказывать строже [3]). Назначая за дуэль заточеніе на срокъ свыше одного года, поселеніе и ис-

---

[1]) Какъ извѣстно, Императрица Екатерина II въ своемъ «Наказѣ» руководствовалась воззрѣніями Бекаріа, Монтескье и другихъ представителей западно-европейской политической философіи.

[2]) Журн Мин. Юстиціи, 1895, № 7, стр. 64—65.

[3]) Проектъ оставилъ только вовсе безъ наказанія простой, не имѣвшій послѣдствіемъ своимъ дуэли, вызовъ на поединокъ, обложивъ за то гораздо строже, сравнительно съ дѣйствующимъ Уложеніемъ, вызовъ собственно органа власти и—еще болѣе строгою карою—вызовъ начальника (въ граждан. вѣд.) и установивъ въ то же времи весьма строгое наказаніе *за подстрекательство къ вызову* и за такъ называемую *американскую дуэль*. Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ изложено, что «эта рѣзко выдѣляющаяся по своей жестокости форма поединка (американская дуэль) къ сожалѣнію уже встрѣчалась въ нашей жизни, а между тѣмъ примѣненіе въ случаяхъ сего рода общихъ постановленій о поединкахъ представляло значительныя затрудненія» (Журналъ Мин. Юстиціи, 1895 г., № 7, стр. 80). Равнымъ образомъ проектъ освободилъ отъ наказанія секундантовъ и отмѣнилъ юридическую обязанность не только постороннихъ лицъ. случайно присутствующихъ при поединкѣ, но и секундантовъ,—принимать мѣры къ предупрежденію и прекращенію поединка, очевидно, въ виду нравственнаго существа подобной обязанности и ради предотвращенія дуэлей безъ свидѣтелей.

правительный домъ, проектъ сопровождаетъ эти наказанія праволишеніями, между тѣмъ по нынѣ дѣйствующему Уложенію полагаемое за дуэль заключеніе въ крѣпости не соединено съ ограниченіемъ правъ. Назначаемое по проекту «заточеніе» чрезвычайно характерно по его отношенію, какъ наказаніе, къ характеру злой воли, проявляющейся въ преступномъ дѣяніи. Какъ видно изъ объяснительной записки къ проекту, настоящая форма лишенія свободы (заточеніе) предназначается для лицъ виновныхъ въ такихъ дѣяніяхъ, которыя хотя и заключаютъ въ себѣ иногда весьма тяжкія нарушенія свободы и сопряжены даже съ значительною опасностью для общества, но тѣмъ не менѣе, не выказываютъ ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго, а свидѣтельствуетъ только объ его неумѣньи подчинить порывы своихъ желаній требованіямъ закона.

На основаніи приведенныхъ историческихъ данныхъ слѣдуетъ прійдти къ такимъ выводамъ:

Дуэль во всякой средѣ несовмѣстна съ современнымъ развитіемъ государственнаго начала, противорѣчитъ современнымъ судебнымъ гарантіямъ и составляетъ нарушеніе основныхъ незыблемыхъ началъ порядка; дуэль, какъ самосудъ, есть преступное дѣяніе, и притомъ публичное, предусмотрѣнное уголовнымъ закономъ въ публичномъ интересѣ и, потому, преслѣдуемое безъ жалобъ потерпѣвшихъ. Но въ дѣйствительности, путемъ окончанія отдѣльныхъ случаевъ дуэли въ административномъ порядкѣ, или значительнаго смягченія и даже полнаго прощенія наказаній за нихъ, законъ о дуэляхъ повсюду систематически парализуется. Такое явленіе объясняется съ одной стороны живучестью въ обществѣ исторически образовавшагося взгляда или, вѣрнѣе, предразсудка, что *дуэль иногда есть единственное средство для оскорбленнаго спасти свое доброе имя.* а съ другой стороны, снисходительностью законодателя къ этой человѣческой слабости. Существуютъ среди общества и отдѣльныя корпораціи, которыя признаютъ необходимость дуэли и съ презрѣніемъ относятся къ тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые не раздѣляютъ этого мнѣнія. Это вліяніе среды такъ сильно, что передовые люди нашего вѣка, стоявшіе позднѣе у высшей власти (Тьеръ) и круп-

ные представители науки (Вирховъ, Прудонъ), которыхъ казалось бы вовсе нельзя заподозрить въ принадлежности къ сторонникамъ дуэли, выходили, однако, на дуэль. Такимъ образомъ, при каждомъ случаѣ полученнаго оскорбленія, а равно и вызова въ указанной средѣ общества, оскорбленный или получившій вызовъ оказываются въ критическомъ положеніи: съ одной стороны, потребовать удовлетворенія путемъ вызова (или принятія вызова), значитъ нарушить законъ и видѣть въ перспективѣ слѣдствіе, судъ и, по крайней мѣрѣ, возможность, если не неизбѣжность наказанія; съ другой стороны, уклоняться отъ поединка, значитъ считаться обезчещеннымъ въ глазахъ своего кружка. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, дѣло сводится къ вопросу о жизни или смерти, физической или моральной [1]).

Эта коренная черта всякой дуэли, т. е. готовность обѣихъ сторонъ скорѣе лишиться жизни, чѣмъ потерять честь, приводитъ къ тому основному выводу, что большая или меньшая строгость наказанія за дуэль, въ смыслѣ вліянія на число поединковъ, не можетъ имѣть никакого значенія. Рискуя, прежде всего, своею жизнью на самомъ поединкѣ, человѣкъ не воздержится отъ дуэли изъ страха другихъ невыгодныхъ ея послѣдствій, хотя бы они состояли и въ смерти; тѣмъ болѣе, значитъ, не могутъ вліять на число дуэлей и всѣ другія наказанія, стоящія ниже смертной казни. Если же строгость уголовнаго закона не предотвращаетъ дуэли, то и снисходительность этого закона въ отношеніи дуэлей и даже полная ненаказуемость ихъ останутся, въ смыслѣ мѣры предупредительной, безъ вліянія на число поединковъ, такъ какъ возможность потерять жизнь на самомъ поединкѣ отъ этого не уменьшится, и на *дуэль будутъ, по прежнему, выходить только тѣ, для кого честь дороже жизни* [2]).—Такъ смотрятъ на дуэль

---

[1]) Воен. Сборн. 1894 г., № 8 «Дуэль въ офицерской средѣ» Калинина, стр. 338—339.

[2]) Сознаніе неизбѣжности какого-нибудь исхода изъ мучительнаго моральнаго конфликта сказывается въ невольной общественной симпатіи къ тѣмъ, кто энергично разрубаетъ этотъ гордіевъ узелъ. Нагляднымъ доказательствомъ можетъ служить Франція, гдѣ до сихъ поръ сохранилась въ высшей степени строгая репрессія дуэлей. Какъ извѣстно, наказуемость дуэли введена была кассаціоннымъ судомъ, разъяснившимъ въ 1837 году совершенно произвольно, согласно заключенію генералъ-прокурора Дюпена (мнѣніе Дюпена цитировано

не только люди, живущіе по традиціямъ, но и вникающіе въ корень вещей законовѣды. Вотъ, что говоритъ, напр., на этотъ счетъ, нашъ извѣстный, авторитетный криминалистъ Спасовичъ:

«Обычай поединка является среди цивилизаціи, какъ символъ того, что человѣкъ *можетъ* и *долженъ* въ извѣстныхъ случаяхъ жертвовать самымъ дорогимъ своимъ благомъ—жизнью—за вещи, которыя, съ матеріалистической точки, не имѣютъ значенія и смысла: за вѣру, родину и честь. Вотъ, почему обычаемъ этимъ *нельзя поступаться*: Онъ имѣетъ основаніе то-же, что и война. Вѣдь война тоже фактъ грубый, дикій, безобразный, противъ войны писались цѣлые томы, ученые будутъ доказывать, какъ безобразенъ этотъ фактъ, поэты будутъ бросать проклятія на воюющихъ, будутъ составляться общества, собираться конгрессы друзей мира—и что же? Война будетъ продолжать существовать, и одинъ мигъ такой грозы очиститъ воздухъ гораздо въ большей степени, нежели десятки лѣтъ жаркаго мира, среди котораго растутъ хорошія растенія, но растутъ и сорныя травы» [1]).

на 90—91 стран.),—что дуэль слѣдуетъ наказывать какъ обыкновенное убійство (наравнѣ съ assassinat или meurtre). На практикѣ эта крайняя суровость привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ, т. е. къ безнаказанности, такъ какъ присяжные обыкновенно выносятъ полные оправдательные приговоры, а въ немногихъ случаяхъ обвиненія всегда признаютъ наличность смягчающихъ обстоятельствъ (Таганцевъ, стр. 213, Verger, стр. 134).

По мнѣнію Кроаббона, репрессивные законы безсильны вывести дуэль изъ употребленія, при наличности противодѣйствія нравовъ; что единственное средство подготовить измѣненія въ нравахъ,—это обезпечить гражданамъ достаточное, притомъ имущественное удовлетвореніе въ случаяхъ посягательства на честь. Въ нашъ практическій вѣкъ, по словамъ того же Кроаббона, соображенія о возможности полученія кругленькой суммы могутъ побудить обиженнаго поручить свой интересъ суду. *Frapper fort sur la bourse, c'est frapper juste* (Croabbon «La science du point d'honneur», стр. 399).

[1]) Сочин. В. Спасовича (изд. 1893 г.), т. V, стр. 246.

II.

Правила о дуэляхъ и законодательные мотивы къ этому узаконенію.

Глава I.

Законодательные мотивы къ узаконенію о дуэляхъ.

§ **1.** 13-го мая 1894 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе особыхъ «*Правилъ о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ*», каковыми правилами окончательно разрѣшился возбужденный еще въ 1892 году въ военномъ вѣдомствѣ законодательный вопросъ о дуэляхъ въ обществѣ офицеровъ.

До изданія этого закона были замѣчены случаи, хотя и рѣдкіе, оставленія въ рядахъ арміи офицеровъ, оскорбившихъ своихъ товарищей и не давшихъ имъ за то *должнаго удовлетворенія*, или офицеровъ, потерпѣвшихъ оскорбленіе и не озаботившихся принять *соотвѣтствующія мѣры* къ возстановленію своей чести, а равно и другіе случаи, когда ссора между офицерами, начавшаяся по сравнительно ничтожному поводу и потому безъ всякаго вреда для чести могущая окончиться примиреніемъ, разрѣшается, однако, дуэлью, которая обставляется притомъ несообразно тяжелыми условіями и влечетъ гибельныя послѣдствія для дуэлистовъ [1]).

Подъ упомянутыми выше «должнымъ удовлетвореніемъ» и «соотвѣтствующими мѣрами» въ частяхъ войскъ, гдѣ понятія о чести стоятъ на достаточной высотѣ, а до такого

---

[1]) Воен. Сборн. 1894 г. № 8, стр. 329.

именно уровня собственно и желательно довести эти понятія во всѣхъ прочихъ частяхъ, понимается въ извѣстныхъ случаяхъ ни что иное, какъ поединокъ, дуэль [1]).

Въ видахъ совершеннаго устраненія подобныхъ случаевъ на будущее время, въ военномъ министерствѣ и возникло предположеніе о необходимости болѣе цѣлесообразной постановки вопроса о дуэляхъ въ офицерской средѣ, съ тѣмъ, чтобы, съ одной стороны, *содѣйствовать къ повышенію общаго уровня понятій о чести въ средѣ офицеровъ,* а съ другой, достигнуть, на сколько возможно, большаго соотвѣтствія условій дуэли, гдѣ она неизбѣжна, съ относительной важностью поводовъ къ ней въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Тщательное обсужденіе этого вопроса прежде всего убѣдило, что, въ цѣляхъ поставленной военнымъ вѣдомствомъ задачи, какое либо измѣненіе наказуемости дуэлей осталось бы безъ результата, такъ какъ, въ виду коренной черты всякой дуэли—возможности для заинтересованныхъ сторонъ потерять даже жизнь на самой дуэли,—большая или меньшая строгость наказаній за нее остается безъ вліянія на число поединковъ. Это вполнѣ подтверждается и опытомъ исторіи [2]). Безцѣльной и даже невозможной представляется затѣмъ и полная безнаказанность поединковъ въ офицерской средѣ, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что въ этой средѣ случаются дуэли съ участіемъ и гражданскихъ лицъ, которыхъ пришлось бы тоже оставлять безнаказанными, а потомъ, въ силу послѣдовательности, освободить ихъ отъ наказаній и за всякую дуэль (внѣ офицерской среды), нельзя было упустить изъ вида, что *не всякая дуэль даже и между одними офицерами можетъ быть оправдываема соображеніями интересовъ арміи:* возможны дуэли, вызываемыя мотивами, сводящимися къ далеко неблагороднымъ побужденіямъ ненависти, мести и злобы по личнымъ соображеніямъ; кромѣ того, случаются дуэли по такимъ сравнительно ничтожнымъ поводамъ, когда дѣло, безъ всякаго вреда для чести обѣихъ сторонъ, можетъ окончиться при-

---

[1]) Русск. Инв. 1894 г. № 118 (объяснительная записка къ закону о дуэли).
[2]) См. II часть книги «Историческое происхожденіе дуэли», стр. 73 и слѣдующія.

мирѣніемъ и когда, слѣдовательно, дуэль ничѣмъ не оправдывается [1]). Но если не оказывалось разумнаго основанія измѣнять наказуемость дуэли, а равно вводить и полную безнаказанность всякой офицерской дуэли, то, очевидно, для достиженія намѣченной цѣли, оставалось обратиться не къ послѣдствіямъ дуэли (наказуемости), а къ самому ея существу, т. е. къ вызывающимъ ее обстоятельствамъ и къ ея условіямъ. Иначе говоря, цѣлесообразными представлялись только мѣры, направленныя, такъ сказать, къ урегулированію дуэлей, къ установленію *такого порядка, который обезпечивалъ бы, по крайней мѣрѣ, чтобы дуэль происходила лишь въ случаяхъ дѣйствительно серьезныхъ, когда она признается дѣйствительно неизбѣжною по укоренившемуся мнѣнію всей офицерской корпораціи, и чтобы во всѣхъ менѣе важныхъ случаяхъ дуэль, по возможности, устранялась умѣстнымъ въ этихъ случаяхъ* (т. е. безъ вреда для чести заинтересованныхъ сторонъ) *примиреніемъ сторонъ* [2]).

Послѣ такого заключительнаго вывода, предстояло изыскать лишь тотъ органъ, при помощи котораго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, съ точностью выяснялось бы, на сколько серьезно оскорбленіе, нанесенное офицеру, чтобы невызовъ за него на поединокъ или непринятіе вызова могли, въ видахъ поддержанія чести офицерскаго званія, влечь за собою удаленіе офицера со службы. Такимъ органомъ, какъ видно изъ постановленій иностранныхъ законодательствъ, особенно же германскаго [3]), признаются, собственно въ военной средѣ, единственно лишь суды чести. Въ россійской арміи судъ общества офицеровъ представляетъ готовую уже форму суда чести. На основаніи ст. 130 Дисц. Устава 1888 года [4]), судъ общества офицеровъ вѣдаетъ поступки офицеровъ, изобличающіе отсутствіе въ нихъ правилъ порядочности, нравственности и благородства; ему предоставлено разбирать и случающіяся между офицерами ссоры. Избираемый въ этихъ видахъ всѣми офицерами отдѣльной части судъ общества офицеровъ, очевидно, представляетъ въ ней лучшій авторитетъ по всѣмъ вопросамъ

---

[1]) Русск. Инв. 1894 г. № 118 (объяснительная записка).
[2]) Русск. Инв. 1894 г. № 118 и Воен. Сб. 1894 г. № 8, стр. 339.
[3]) См. II часть: «Историческое происхожденіе дуэли» (стр. 97—101).
[4]) См. I часть: «Судъ общ. офиц. по дѣйств. законодат.» §§ 1 и 4.

чести и благородства; онъ лучшій посредникъ между офицерами въ ихъ ссорахъ; онъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣрный хранитель и выразитель традицій своей части по вопросу о дуэли. Рѣшеніе его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ссоры между офицерами, что она *не вызываетъ* или что она *требуетъ* дуэли, можетъ съ полнымъ успѣхомъ замѣнять мнѣніе по сему предмету всего общества офицеровъ. При наличности такого органа, какъ названный судъ, устраненіе изъ арміи недостойныхъ офицеровъ и уменьшеніе гибельныхъ послѣдствій дуэли можетъ быть скорѣе всего обезпечено *предоставленіемъ суду общества офицеровъ права свободно высказывать свое мнѣніе объ умѣстности или неумѣстности дуэли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и участвовать. затѣмъ, вмѣстѣ съ секундантами, въ установленіи условій самой дуэли, когда послѣдняя оказывается неизбѣжною; главное же, удалять изъ своей части тѣхъ офицеровъ, которые отказались въ подлежащихъ случаяхъ потребовать или дать должное удовлетвореніе за оскорбленіе* [1]). Тамъ же, гдѣ такого суда нѣтъ, или когда дѣло касается штабъ-офицеровъ или генераловъ (не подвѣдомственныхъ суду общества офицеровъ) указанныя обязанности суда общества офицеровъ возлагаются на непосредственнаго начальника части.

По изложеннымъ соображеніямъ 13 мая 1894 года и послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ установленіи для военнаго вѣдомства особыхъ «правилъ о разбирательствѣ ссоръ, случающихся между офицерами», въ видѣ приложенія къ 130 ст. Дисц. Устава 1888 г., сущность которыхъ излагается ниже.

Глава II.

Сущность закона 13 мая 1894 г.

(Прик. по в. в. 1894 г. за № 118).

§ 2. Приказомъ по военному вѣдомству отъ 20 мая 1894 г. за № 118 объявлено: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Соединеннаго Собранія Глав-

---

[1]) Воен. Сборн. 1894 г. № 8, стр. 340.

ныхъ Военнаго и Военно-Морскаго Судовъ, въ 13-й день сего мая, Высочайше повелѣть соизволилъ:

I. Установить для военнаго вѣдомства, въ видѣ приложенія къ ст. 130 Дисц. Устава 1888 года, слѣдующія «Правила о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ»:

1) «*Командиръ полка о всякомъ оскорбленіи, роняющемъ достоинство офицерскаго званія, нанесенномъ офицеромъ своему товарищу, а равно нанесенномъ офицеру постороннимъ лицомъ или офицеромъ другой части, передаетъ на разсмотрѣніе суда общества офицеровъ.*

2) *Судъ общества офицеровъ, по разсмотрѣніи дѣла, съ соблюденіемъ правилъ ст. 149 Дисц. Устава* [1]), *принимаетъ мѣры къ примиренію въ томъ случаѣ, если признаетъ примиреніе согласнымъ съ достоинствомъ офицера и съ традиціями части* [2]); *въ противномъ же случаѣ постановляетъ, что поединокъ является единственно приличнымъ средствомъ удовлетворенія оскорбленной чести офицера.*

---

[1]) См. I часть книги «Судъ общ. офиц. по дѣйств. законод.», § 41.

[2]) Подъ традиціями части слѣдуетъ понимать не узкіе и мелочные взгляды отдѣльной части, а *общія традиціи арміи*, образующія то общее возвышенное и благородное понятіе о воинской чести, которымъ руководствуется общественное мнѣніе въ средѣ офицеровъ (I часть кн.: «Судъ общества офицеровъ по дѣйств. законод.», §§ 5—9).

При составленіи проекта правилъ о дуэляхъ указывалось, что предоставленіе суду общества офицеровъ права свободно разрѣшать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ссоры, вопросъ о степени грубости оскорбленія, въ смыслѣ неумѣстности или необходимости собственно поединка, можетъ породить пререканія и разногласія между судами разныхъ частей войскъ по однороднымъ фактамъ и особенно по одному и тому же случаю ссоры, если въ ней участвовали офицеры разныхъ частей войскъ. Такія разногласія, дѣйствительно, представляются возможными и даже вѣроятными. Тѣмъ не менѣе видѣть въ нихъ что либо опасное для всего корпуса офицеровъ не имѣется основаній. И прежде безусловно не существовало полной солидарности во взглядахъ на вопросы чести и достоинство офицерскаго званія между разными частями войскъ. Такой солидарности самъ законъ не предполагаетъ, почему собственно и суды общества офицеровъ учреждаются особо для каждой отдѣльной части войскъ, а учрежденіе такого суда для нѣсколькихъ частей, проектировавшееся въ недавнее время, было отвергнуто большинствомъ высшихъ военныхъ начальниковъ именно по указанной причинѣ. Слѣдовательно, тѣ разногласія, которыя въ будущемъ внушаютъ опасенія, существуютъ уже теперь и только не обнаруживаются. Но обнаруженіе ихъ, ожидаемое при дѣйствіи вводимыхъ правилъ, и будетъ, въ сущности той, оздоровляющей реакціей, *когда взгляды на вопросы чести лучшихъ частей арміи, встрѣчаясь съ такими же взглядами прочихъ частей, какъ болѣе возвышенные и благородные, и должны будутъ въ концѣ концовъ твердо укорениться во всемъ корпусѣ офицеровъ, а повысить въ этомъ смыслѣ общій уровень понятій о чести въ офицерской средѣ и составляетъ всю задачу новаго закона.* (Воен. Сб. 1894 г. № 8, стр. 348—349).

3) *Когда поссорившіеся, согласно опредѣленію суда, рѣшатъ окончить ссору поединкомъ, судъ общества офицеровъ употребляетъ свое вліяніе на секундантовъ въ томъ смыслѣ, чтобы условія дуэли наиболѣе соотвѣтствовали обстоятельствамъ даннаго случая.*

4) *Если въ теченіи двухъ недѣль по объявленіи рѣшенія суда общества офицеровъ, поединокъ не состоится и отказавшійся отъ поединка офицеръ не подастъ просьбы объ увольненіи отъ службы, то командиръ полка входитъ по командѣ съ представленіемъ объ его увольненіи безъ прошенія.*

5) *Обязанности суда общества офицеровъ, указанныя въ предшедшихъ §§, возлагаются непосредственно на начальниковъ частей въ такихъ случаяхъ, когда названнаго суда въ части не имѣется или когда самый случай, не касаясь оберъ-офицеровъ, превышаетъ предѣлы его вѣдомства.*

6) *Особый порядокъ направленія дѣлъ о поединкахъ въ офицерской средѣ и разрѣшенія ихъ въ подлежащихъ случаяхъ помимо суда опредѣляется въ особыхъ постановленіяхъ Военно-Судебнаго Устава* (прим. къ ст. 553)»[1]).

II. Дополнить ст. 553 [2]) воен.-суд. устава слѣдующимъ *примѣчаніемъ:*

«Слѣдственное производство о поединкѣ между офицерами, по роду своему подлежащее судебному разсмотрѣнію, препровождается съ заключеніемъ прокурорскаго надзора подлежащему начальнику, отъ котораго, вмѣстѣ съ бывшими по данному случаю постановленіями судовъ общества офицеровъ, представляется по командѣ Военному Министру, для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору тѣхъ изъ сихъ дѣлъ, которымъ не при-

---

[1]) Точно такія же правила установлены и въ воен.-морскомъ вѣдомствѣ, только вмѣсто суда общества офицеровъ дѣйствуетъ здѣсь съ тѣми же полномочіями и въ томъ же порядкѣ «совѣтъ посредниковъ» (прилож. III къ 167 ст. XVII Св. Мор. Пост., изд. 1895 г.).

[2]) 553 ст. гласитъ: по полученіи слѣдствія военный прокуроръ обязанъ, не позже какъ чрезъ недѣлю, препроводить слѣдственное производство съ своимъ заключеніемъ (о дальнѣйшемъ направленіи дѣла: или о преданіи обвиняемаго суду, или о прекращеніи дѣла въ дисциплинарномъ порядкѣ, или о прекращеніи или пріостановленіи слѣдствія, или о неподсудности дѣла военному суду) къ тому военному начальнику, отъ власти коего зависитъ преданіе обвиняемаго суду, а если нѣтъ въ виду обвиняемаго, то къ тому начальнику, по требованію коего производилось слѣдствіе.

знается возможнымъ дать движеніе въ установленномъ судебномъ порядкѣ».

III. Въ приказѣ по воен. вѣд., отъ 23 мая 1897 г., за № 151, объявлено:

Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: статью 1243 устава уголовнаго судопроизводства (Св. Зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Предварительное слѣдствіе о *поединкѣ, въ которомъ, при участіи лицъ гражданскаго* вѣдомства, оба привлекаемые къ отвѣтственности противника или одинъ изъ нихъ принадлежатъ къ военнослужащимъ офицерскаго званія, представляется прокуроромъ окружнаго суда прокурору судебной палаты, которымъ препровождается къ Военному Министру или Управляющему морскимъ министерствомъ, по принадлежности, при заключеніи о дальнѣйшемъ направленіи дѣла. Если, по соглашенію Военнаго Министра или Управляющаго морскимъ министерствомъ съ министромъ юстиціи, не будетъ признано возможнымъ дать дѣлу движеніе въ общемъ судебномъ порядкѣ, то Высочайшее соизволеніе на прекращеніе дальнѣйшаго по такому дѣлу производства испрашивается Военнымъ Министромъ или Управляющимъ морскимъ министерствомъ, по принадлежности, всеподданнѣйшимъ докладомъ, за общимъ съ Министромъ юстиціи подписаніемъ.

IV. По приказанію Шефа корпуса пограничной стражи, приказъ по воен. вѣд. за № 118, отъ 20 мая 1894 г., относительно «правилъ о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ», вполнѣ распространяется и на части этого корпуса (приказъ по войск. отд. корп. погр. стражи 1894 г. за № 45).

V. Дѣла о поединкахъ, состоявшихся въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ гражданскому начальству, между одними военно-служащими, подлежатъ разслѣдованію черезъ судебнаго слѣдователя гражданскаго вѣдомства, исключая случаевъ, предусмотрѣнныхъ 99 и 100 ст. Воин. Уст. о наказ. (рѣш. Гл. Воен. Суда отъ 7 сент. 1895 г. по дѣлу о хорунжихъ Солодовниковѣ и Балалаевѣ).

Глава III.

Разъясненія относительно примѣненія закона 13 мая 1894 г.

(Приказъ по воен. вѣд. 1894 года за № 119).

§ **3.** Въ дополненіе къ приказу по военному вѣдомству отъ 20 мая за № 118, съ изложеніемъ Высочайше утвержденныхъ «Правилъ о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ» и особаго примѣчанія къ ст. 553 Воен.-Суд. Устава, объявлено, *для руководства всѣхъ начальниковъ частей*:

1) *что означенныя Правила, не касаясь вообще общихъ правъ суда общества офицеровъ входить во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ въ обсужденіе неблаговидности поведенія офицера* и постановлять объ удаленіи недостойныхъ офицеровъ изъ части, *нисколько не ограничиваютъ сихъ правъ и въ отношеніи каждаго случая дуэли, когда обнаружится, что офицеръ, защищая свою честь или давая удовлетвореніе оскорбленному, не проявилъ при этомъ истиннаго чувства чести и личнаго достоинства,* а обнаружилъ стараніе соблюсти лишь одну форму, и

2) что впредь, по точному смыслу указаннаго примѣчанія къ ст. 553 Воен.-Суд. Устава, въ опредѣленномъ имъ порядкѣ подлежатъ направленію и разсмотрѣнію всѣ слѣдственныя дѣла о дуэляхъ въ офицерской средѣ, хотя бы состоявшихся и помимо суда общества офицеровъ, а слѣдовательно безъ всякаго съ его стороны постановленія по поводу ссоры, вызвавшей поединокъ (прик. по воен. вѣд. 1884 г. за № 119).

Порядокъ разсмотрѣнія судомъ общества офицеровъ вопроса о поединкѣ.

§ **4.** I. Разсмотрѣніе дѣла о столкновеніи (ссорѣ) между офицерами или между офицерами и посторонними лицами (гражданскаго вѣдомства) подлежитъ суду общества офицеровъ той части, въ которой состоитъ на службѣ офицеръ, получившій оскорбленіе (пун. 1 ст. 1 прик. по в. в. 1894 г. № 118).

II. Разсмотрѣніе дѣла о подобномъ столкновеніи на-

чинается не иначе, какъ по распоряженію командира части; но если судъ получитъ свѣдѣніе о случаѣ оскорбленія офицера той же (т. е. своей) части войскъ ранѣе командира, то предсѣдательствующій въ судѣ докладываетъ послѣднему объ этомъ случаѣ (1 пун. ст. 1 прик. по в. в. 1894 г. за № 118 и 141 и 145 ст. Дисц. Уст.).

III. Судъ общества офицеровъ разсматриваетъ подобныя дѣла въ порядкѣ, указанномъ 149 и послѣдующими статьями Дисц. Устава.

IV. При разсмотрѣніи этихъ дѣлъ, судъ рѣшаетъ исключительно вопросъ о томъ: возможно-ли въ данномъ случаѣ примиреніе, или же поединокъ представляется единственнымъ средствомъ удовлетворенія оскорбленной чести офицера, при чемъ судъ руководствуется общепринятыми понятіями чести, охраненіемъ достоинства офицерскаго званія и традиціями части (пун. 2 ст. 1 прик. по в. в. 1894 г. за № 118).

По поводу донесеній о поединкахъ, какъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ.

§ **5.** Начальникомъ Штаба одного изъ Округовъ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли и послѣ выхода приказа по военному вѣдомству 1884 года за № 118 доносить о поединкахъ среди офицеровъ, по приговорамъ судовъ общества офицеровъ, какъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, согласно 2 и 5 п. 137 ст. «Полож. о срочныхъ и внѣсрочныхъ донесеніяхъ въ войскахъ» (прилож. къ Цирк. Гл. Шт. 1888 г. № 30), независимо отъ результата поединка, или же дѣлать таковыя донесенія только въ случаяхъ смерти или пораненія одного изъ участниковъ поединка.—Принимая-же во вниманіе, что упомянутый приказъ, установивъ спеціальныя правила для поединковъ, не имѣлъ цѣли коснуться существа поединка, какъ преступленія, остающагося таковымъ и впредь, Главный Штабъ полагалъ разъяснить, что о поединкахъ, независимо отъ ихъ результатовъ, слѣдуетъ доносить какъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ.

Главное Военно-Судное Управленіе, съ которымъ, предварительно разъясненія возбужденнаго вопроса въ ука-

занномъ смыслѣ, сдѣлано было сношеніе, соглашаясь съ доводами Главнаго Штаба, съ своей стороны присовокупило, что приказъ по военному вѣдомству 1894 г. № 118 является лишь дополненіемъ къ ст. 130 Дисц. Устава изд. 1888 года, и, заключая въ себѣ только нѣкоторыя постановленія о поводахъ къ поединкамъ и объ участіи въ этомъ случаѣ суда общества офицеровъ и военныхъ начальниковъ, ничѣмъ не затрогиваетъ другихъ распоряженій правительства, касающихся поединковъ. Равносильное въ указанномъ отношеніи значеніе имѣетъ приказъ по военному вѣдомству того же года за № 119, подтверждающій лишь общія права суда общества офицеровъ входить во всѣхъ случаяхъ въ обсужденіе неблаговидности поведенія офицеровъ и устанавливающій особый порядокъ направленія и разсмотрѣнія всѣхъ слѣдственныхъ дѣлъ о поединкахъ въ офицерской средѣ.

Въ виду сего и требованія указанной выше ст. 136 «Полож. о срочн. и внѣсрочн. донесеніяхъ въ войскахъ», Главное Военно-Судное Управленіе признало, что о всѣхъ поединкахъ, случающихся въ рядахъ арміи, необходимо доносить на Высочайшее Имя, какъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ (отношеніе Начальн. Глав. Шт. отъ 29 ноября 1895 г. № 54,999 на имя Командующаго войсками Финляндскаго воен. округа).

Компетенція суда общества офицеровъ по дѣламъ о поединкахъ.

§ **6.** I. На практикѣ возникли недоразумѣнія относительно примѣненія закона о дуэляхъ (приказъ по воен. вѣд. отъ 20 мая 1894 г. за № 118), вслѣдствіе недостаточнаго и слабаго усвоенія общихъ началъ (II ч. § I), положенныхъ въ основу Высочайше утвержденныхъ правилъ о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ. Такъ напримѣръ въ одной войсковой части два оберъ-офицера нанесли обоюдныя тяжкія оскорбленія и одинъ изъ нихъ отказался дать удовлетвореніе чести своего товарища, заявивъ, что выйдетъ на поединокъ не иначе, какъ по постановленію суда общества офицеровъ. Между тѣмъ означенный судъ, хотя и призналъ обоихъ виновными. одного въ меньшей, а другаго въ большей степени

(именно того, который отказался отъ поединка), однако ограничился лишь сдѣланіемъ имъ за то внушенія.

Такой приговоръ постановленъ вопреки положительнаго требованія 2 п. 1 ст. приказа по военному вѣдомству 1894 года за № 118 и свидѣтельствуетъ, по справедливому указанію Командующаго войсками подлежащаго округа, на сколько еще слабо усвоена мысль, положенная въ основу этого закона, и на сколько члены офицерскаго суда той части не прониклись сознаніемъ своего назначенія быть охранителями чести и достоинства офицерскаго званія.

Дѣйствительно, *судъ общества офицеровъ*,—какъ лучшій авторитетъ по всѣмъ вопросамъ чести и благородства и какъ вѣрный охранитель достоинства офицерскаго званія, — *уполномоченъ закономъ высказывать свое мнѣніе лишь объ умѣстности или неумѣстности дуэли въ данномъ случаѣ*, т. е. быть или не быть поединку, и только лишь въ этомъ смыслѣ можетъ послѣдовать рѣшеніе этого суда; *никакого иного постановленія суда быть не можетъ*. Судъ вправѣ признать, что ссора между офицерами не вызываетъ, т. е. не требуетъ дуэли, и въ такомъ случаѣ принимаетъ мѣры къ примиренію, *если признаетъ примиреніе согласнымъ съ достоинствомъ офицера и съ традиціями части*, при чемъ судъ руководствуется общепринятыми понятіями чести и традиціями части (2 п. 1 ст. пр. по в. в. 1894 г. № 118). Слѣдовательно законъ, уполномочивая судъ свободно высказаться за неумѣстность дуэли, вводитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстное ограниченіе: «если то будетъ согласно съ достоинствомъ офицера и съ традиціями части, т. е. если то не будетъ противно установившимся возвышеннымъ и благороднымъ понятіямъ о чести и доблести офицерскаго званія». Какъ видно изъ законодательныхъ мотивовъ (II ч., § 1), законодатель имѣлъ въ виду устранить поединки лишь по сравнительно *ничтожнымъ поводамъ и потому, безъ всякаго вреда для чести и доблести офицерскаго званія, могущимъ окончиться примиреніемъ* [1]).

---

[1]) Напр.: при легкихъ обидахъ и оскорбленіяхъ, или оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ненамѣренно или почти безсознательно, напр.: въ нетрезвомъ видѣ, или въ пылу минутнаго страстнаго увлеченія.

Въ противномъ же случаѣ, т. е. *когда,* по установившемся въ корпусѣ офицеровъ взглядамъ на вопросы чести, *одно примиреніе* (извиненіе) *для возстановленія оскорбленной чести офицера недостаточно, а равно и въ случаѣ несостоявшагося примиренія* [1]),—*судъ постановляетъ, что поединокъ является единственно приличнымъ средствомъ для удовлетворенія оскорбленной чести офицера.*

Точно также и въ виду указанныхъ соображеній нельзя признать соотвѣтствующимъ требованіямъ приказа по воен. вѣд. 1894 г. за № 118 слѣдующій приговоръ: по дѣлу объ оскорбленіи дѣйствіемъ, нанесенномъ однимъ изъ офицеровъ своему однополчанину-офицеру, при чемъ обиженный не озаботился принять содѣйствующихъ мѣръ къ возстановленію своей чести, судъ, не входя даже въ обсужденіе вопроса о примѣненіи упомянутаго приказа, постановилъ объ удаленіи изъ полка офицера-обидчика.

II. Судъ общества офицеровъ вправѣ входить въ обсужденіе вопроса объ оскорбленіи *относительно только оберъ-офицеровъ* (а не штабъ-офицеровъ, которые не подвѣдомственны сему суду) и *притомъ своей части.* Но разсмотрѣніе дѣла о столкновеніи между офицерами разныхъ частей войскъ или между офицерами и посторонними лицами подлежитъ офицерскому суду той части, въ которой состоитъ на службѣ оскорбленный офицеръ.—Въ Германіи же и Австріи подобныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію суда общества офицеровъ третьей части.

III. Законъ о дуэли 13 мая 1894 г. имѣетъ въ виду исключительно офицеровъ, *состоящихъ на дѣйствительной службѣ* [2]), но не распространяется на запасныхъ (кромѣ призванныхъ изъ запаса или прикомандированныхъ къ войскамъ—см. I часть книги, § 12) и отставныхъ офицеровъ; хотя въ интересахъ поддержанія и возвышенія значенія и достоинства офицерскаго званія слѣдовало бы подчинить дѣйствію этого закона и вообще вѣдомству суда общества офицеровъ какъ всѣхъ состоящихъ въ за-

---

[1]) Напр.: если одна сторона, согласно мнѣнію суда, готова извиниться или принять извиненіе, а другая настаиваетъ на поединкѣ, то дуэль должна состояться.

[2]) Къ сожалѣнію этотъ законъ не введенъ въ финскихъ войскахъ, хотя они представляютъ собой лишь дробь россійской арміи.

пасѣ арміи, такъ равно и отставныхъ офицеровъ, уволенныхъ отъ службы съ мундиромъ.

IV. По духу законодательства судъ общества офицеровъ является особымъ регуляторомъ чести: на него возложена отвѣтственная обязанность дать офицеру средство выйти изъ щекотливаго положенія, безъ ущерба для чести обѣихъ сторонъ. Нерѣдко столкновеніе или ссора происходитъ изъ-за неважныхъ, летучихъ мотивовъ и въ подобныхъ случаяхъ обязанность суда предупредить дуэль. Слѣдовательно, дѣятельность суда должна быть, по преимуществу, примирительною и только въ случаяхъ дѣйствительно серьезныхъ и тяжкихъ оскорбленій чести тогда дуэль является тѣмъ неизбѣжнымъ средствомъ, которое признается мнѣніемъ всей офицерской корпораціи, судъ постановляетъ объ обязательности поединка.

Въ случаѣ признанія возможности примиренія, судъ обязанъ принять мѣры къ примиренію, хотя бы вызовъ на поединокъ послѣдовалъ до разсмотрѣнія дѣла въ судѣ.

Мѣры, принимаемыя судомъ для примиренія.

§ **7.** *Какія мѣры долженъ принимать судъ общества офицеровъ для примиренія,* — указаній не существуетъ; слѣдовательно ему предоставляется право дѣйствовать по личному усмотрѣнію, сообразно обстоятельствамъ дѣла и характеру противниковъ. Но когда поссорившіеся убѣдятся доводами суда, то предсѣдатель онаго призываетъ ихъ и проситъ подать другъ другу руку въ знакъ примиренія.

Письменность производства суда.

§ **8.** *Постановленіе* суда общества офицеровъ по поводу ссоры, вызвавшей поединокъ (2 п. 1 ст. прик. по в. в. 1894 г. № 118), *излагается письменно.* Этимъ постановленіемъ и ограничивается вся письменность производства суда.

Въ случаѣ признанія неумѣстности примиренія и необходимости поединка, судъ указываетъ лишь въ своемъ постановленіи, что поединокъ является единственнымъ средствомъ удовлетворенія оскорбленной чести офицера.

На сколько обязательно рѣшеніе суда для общества офицеровъ.

§ **9.** *Рѣшеніе* (постановленіе) *суда общества офицеровъ не имѣетъ обязательной силы*, т. е. не имѣетъ вида служебнаго приказанія; а потому за каждымъ офицеромъ сохраняется полная свобода выбора—драться на дуэли, или оставить службу. Хотя закономъ 13 мая вовсе не вводится обязательная дуэль, но въ силу исторически образовавшагося въ обществѣ взгляда, что иногда только кровью можно смыть нанесенное оскорбленіе и что только трусъ и человѣкъ безчестный можетъ отказаться отъ поединка, лучшая часть общества и арміи съ презрѣніемъ относятся къ тѣмъ изъ офицеровъ, которые не раздѣляютъ этого взгляда и армія исключаетъ ихъ навсегда изъ своей среды. Долгъ каждаго офицера умѣть защитить свою честь, которая должна быть для него дороже жизни. Уклоненіе отъ поединка есть явное нарушеніе указаннаго долга, за которое подобный офицеръ долженъ подлежать удаленію изъ части. Поэтому—если въ теченіе двухъ недѣль, по объявленіи рѣшенія суда, поединокъ не состоится и *отказавшійся* или *уклонившійся* отъ онаго офицеръ не подастъ просьбы объ увольненіи отъ службы, то онъ увольняется безъ прошенія (4 п. 1 ст. прик. по в. в. 1894 г. № 118, см. II ч. § 2).

Случаи столкновенія оберъ-офицера съ штабъ-офицеромъ или съ генераломъ или съ чиновникомъ военнаго вѣдомства.

§ **10.** По дѣйствующимъ военнымъ законамъ (99 и 100 ст. Воин. Уст. о Наказ. [1]) оберъ-офицеру безусловно воспрещается, подъ страхомъ уголовнаго наказанія, вызывать на поединокъ штабъ-офицера или генерала (какъ старшихъ), а тѣмъ болѣе своего начальника, хотя бы и въ оберъ-офицерскомъ чинѣ, по дѣлу, касающемуся службы. Но офицеры высшаго ранга (т. е. штабъ-офицеры и генералы) могутъ вызвать на поединокъ оберъ-офицера, безъ всякаго ограниченія (если онъ не начальникъ), и въ такомъ случаѣ примѣняется 5-й пунктъ «правилъ», объявленныхъ въ приказѣ по воен. вѣд. 1894 г. за № 118.

Гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства, въ томъ

---

[1]) См. ниже («Наказуемость дуэли по дѣйств. законодат.»).

числѣ и военные врачи, въ отношеніи закона о дуэли разсматриваются какъ лица «постороннія», т. е. гражданскаго вѣдомства, исключая тѣхъ случаевъ, когда такой чиновникъ является начальникомъ офицера.

Случаи столкновенія съ гражданскими чинами.

§ **11.** *Въ случаѣ столкновенія офицера съ лицомъ гражданскимъ* возможно крайне неловкое и тяжелое положеніе офицера, когда онъ оскорбленъ лицомъ гражданскимъ, отказывающимся отъ дуэли. Обычай прежде всего требуетъ, чтобы, при началѣ дѣла, была удостовѣрена правоспособность гражданскаго лица дать удовлетвореніе [1]). Неправоспособный къ удовлетворенію чести человѣкъ едва ли можетъ подорвать нравственную репутацію офицера, а въ случаѣ распространенія подобными лицами ложныхъ слуховъ или клеветы, офицеръ всегда можетъ обратиться къ защитѣ законовъ. Но если столкновеніе произойдетъ между офицеромъ и лицомъ, правоспособнымъ дать удовлетвореніе, то дѣло мало чѣмъ разнится отъ столкновенія между военнослужащими [2]). О столкновеніи съ гражданскими лицами, роняющемъ достоинство офицерскаго званія, командиръ части передаетъ на разсмотрѣніе суда общества офицеровъ (II ч., § 2), который и разрѣшаетъ вопросъ какъ о правоспособности гражданскаго лица, такъ и о необходимости вызова на дуэль этого лица.

При обсужденіи проекта правилъ о дуэляхъ, нѣкоторые изъ военныхъ начальниковъ возражали, что «съ установленіемъ проектированныхъ правилъ возникнетъ возможность крайне неловкаго и тяжелаго положенія офицера «въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ оскорбленъ лицомъ граж-

---

[2]) Въ настоящее время почти нѣтъ возможности опредѣлить, кто изъ лицъ гражданскихъ имѣетъ или не имѣетъ правоспособности дать удовлетвореніе, такъ какъ всѣ принадлежащіе къ такъ называемому образованному классу считаются въ данномъ случаѣ якобы правоспособными. Въ дѣйствительности же дать удовлетвореніе можетъ только тотъ, кто имѣетъ правильный взглядъ на сущность чести и образомъ своихъ дѣйствій не подалъ повода признавать себя безчестнымъ. Ниже (см. 133 стр.) указано, кто именно признается неправоспособнымъ дать удовлетвореніе.

[1]) Существенная разница состоитъ только въ томъ, что судъ общества офицеровъ не имѣетъ права участвовать въ установленіи условій самой дуэли, когда послѣдняя состоится между офицеромъ и гражданскимъ лицомъ.

«данскимъ, отказывающимся окончить ссору поединкомъ. «Что останется въ такомъ случаѣ дѣлать офицеру: при-«нудить обидчика къ дуэли, убить его, или оставить свою «часть?» Но приведенное возраженіе признано неубѣдительнымъ. «Прежде всего возможность крайне неловкаго и «тяжелаго положенія офицера въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ «оскорбленъ лицомъ гражданскимъ, отказывающимся отъ «дуэли, очевидно, нисколько не зависитъ отъ разсматри-«ваемаго закона; она полностью существовала и ранѣе. «Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что разъ самъ офицеръ, «потерпѣвшій оскорбленіе отъ частнаго лица, съ своей сто-«роны потребовалъ отъ послѣдняго должнаго удовлетво-«ренія, послалъ къ нему вызовъ, т. е. сдѣлалъ все, что «отъ него зависѣло, но встрѣтилъ отказъ, то предписывать «ему, въ самомъ законѣ, какія-либо дальнѣйшія мѣры къ «удовлетворенію —нельзя; поэтому въ правилахъ о поедин-«кахъ (13 мая) прямо и выражено, что если, вопреки рѣ-«шенію суда, не послѣдуетъ поединка, то увольняется отъ «службы офицеръ, *отказавшійся отъ поединка*» [мотивы къ проекту] [1]).

Судъ общества офицеровъ не властенъ понудить частное (гражданское) лицо драться съ офицеромъ на дуэли. А потому, если гражданское (или «постороннее», какъ называетъ законъ о дуэли) лицо не пожелаетъ принять дуэль или если офицеру будетъ возбранено судомъ общества офицеровъ принять вызовъ отъ гражданскаго лица или вызвать его на поединокъ, то въ такомъ случаѣ эти лица обращаются въ обыкновенный (уголовный) судъ, который и разрѣшаетъ дѣло объ оскорбленіи чести.

Во избѣжаніе опасности столкновеній военно-служащихъ съ неправоспособными гражданскими лицами рекомендуется избѣгать такихъ публичныхъ мѣстъ и заведеній, гдѣ можно натолкнуться на людей дурно-воспитанныхъ и грубыхъ. Особенная осторожность и особенный тактъ необходимы въ тѣхъ случаяхъ, когда офицеръ знаетъ, что не можетъ требовать приличнаго для себя удовлетворенія; тѣмъ не менѣе, какъ честный человѣкъ, офицеръ не можетъ отказать въ удовлетвореніи, если таковое у него требуется.

---

[1]) Воен. Сборн. 1894 г. № 8, стр. 345—346 и 349.

Въ особенности же офицеръ не имѣетъ права отказываться назвать свою фамилію или дать свою карточку, хотя бы имѣлъ дѣло съ человѣкомъ неизвѣстнымъ или даже съ сомнительной личностью.

Глава IV.

Условія дуэли (техническая сторона поединка) [1]).

Общее положеніе.

§ **12.** Законодательство наше не даетъ никакого опредѣленія дуэли, предоставляя это опредѣленіе обычаю. Исторически же сложившееся на Западѣ и у насъ понятіе поединка таково:

Поединокъ есть условленный бой между двумя лицами, смертоноснымъ оружіемъ, для удовлетворенія поруганной чести, съ соблюденіемъ извѣстныхъ. установленныхъ обычаемъ условій относительно мѣста, времени, оружія и вообще обстановки выполненія боя.

Обычное право дуэлей выработано во Франціи, а изъ Франціи распространилось по всей Европѣ, гдѣ и пріобрѣло гражданство. Выработанныя французскими обычаями правила дуэли появились въ печати, въ первый разъ въ 1836 году, подъ названіемъ «Essai sur le duel» (сочин. графа Шатовильяра). Въ 1879 году вышелъ въ свѣтъ «Nouveau Code du duel» (гр. Верже), въ которомъ сгруппированы всѣ выработанныя и освященныя обычаемъ правила дуэли, примѣняясь къ возникшимъ въ новѣйшее время обычаямъ. Этотъ кодексъ дуэли признанъ общественнымъ мнѣніемъ Европы и имѣетъ полную силу не только во Франціи, но и внѣ предѣлонъ ея. Въ 1894 году вышла книга Кроаббона «La science du point d'honneur», представляющая собою комментарій упомянутаго сочиненія Шатовильяра и сравнительное изслѣдованіе дуэли во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Французскіе обычаи дуэли Кроаббонъ изложилъ на основаніи книги Шатовильяра,

---

[1]) Таганцевъ «Лекціи по угол. праву»; Неклюдовъ» Руков. къ особен. части угол. пр.»; Францъ ф. Болгаръ «Правила дуэли»; Verger «Code du duel», Croabbon «La science du point d'honneur»..

которой онъ придаетъ значеніе писаннаго закона, подлежащаго строжайшему соблюденію. Поэтому, при изложеніи обычныхъ правилъ дуэли, я буду, главнымъ образомъ, руководствоваться этими источниками.

Вызовъ и принятіе вызова. Общій характеръ поединка. Лица, участвующія въ боѣ. Кто признается неправоспособнымъ. Отказъ отъ дуэли. Оружіе. Мотивы дуэли. Мѣсто, время, равенство шансовъ боя. Преимущество огнестрѣльнаго оружія. Секунданты; условія, которымъ они должны удовлетворять; нравственная отвѣтственность секундантовъ. Выборы распорядителя (посредника) и значеніе послѣдняго. Переговоры между секундантами. Сношенія ихъ съ кліентами. Общія условія дуэли. Роль суда общества офицеровъ въ установленіи условій дуэли. Условія дуэли сообразно тяжести оскорбленія. Случаи оскорбленія, нанесеннаго нѣсколькими лицами, и наоборотъ.

§ **13.** Изъ указаннаго въ предъидущемъ § опредѣленія вытекаютъ слѣдующія условія поединка:

I. Поединокъ есть бой *условленный*. Бой или дуэль должны быть непремѣнно условлены, т. е. должны быть слѣдствіемъ взаимнаго соглашенія, или договора сторонъ. Это требованіе выражено и въ нашемъ законѣ опредѣленіемъ наказанія за *вызовъ* и за *принятіе* онаго, т. е. за предложеніе и за изъявленіе на него согласія. Въ этомъ взаимномъ согласіи и заключается отличіе поединка отъ нападенія, такъ называемой attaque, т. е. односторонняго нападенія съ вызовомъ къ защитѣ; при attaque дѣяніе нападающаго, если оно сопровождалось смертью противника, будетъ обыкновеннымъ убійствомъ; дѣйствія же защищавшагося будутъ актомъ самообороны.

Для дѣйствительности договора дуэли не требуется, чтобы оба противника вступали между собою въ непосредственные переговоры; напротивъ того, *общепринято, что всякое непосредственное сношеніе между сторонами* (противниками) *прекращается немедленно послѣ вызова и выбора секундантовъ и что договоръ дуэли заключается* не самими дуэлянтами, а *посредниками* или *секундантами*. По французскимъ обычаямъ, при дуэли различается вызовъ непосредственный, на мѣстѣ, или спустя извѣст-

ный срокъ [1]). Въ первомъ случаѣ вызовъ, конечно, дѣлается самимъ оскорбленнымъ, но затѣмъ считается, по обычаю, неприличнымъ, чтобы какіе либо дальнѣйшіе переговоры велись непосредственно поссорившимися. Вызовъ спустя извѣстное время дѣлается словесно или письменно [2]), но во всякомъ случаѣ черезъ третьихъ лицъ. Считается полнымъ нарушеніемъ обычаевъ отнесеніе вызова въ квартиру противника самимъ вызывающимъ: даже передатчики вызова должны уклониться отъ какихъ либо подробныхъ переговоровъ съ самимъ вызываемымъ [3]). Секунданты (или картельщики), при передачѣ вызова, должны избѣгать всякаго разсужденія съ противникомъ и требовать отвѣта тотчасъ же [4]). Всѣ переговоры о прекращеніи мирнымъ путемъ возникшихъ недоразумѣній, а затѣмъ и обсужденіе самыхъ условій поединка должны происходить между секундантами. *Всякое свиданіе противниковъ, всякіе переговоры между ними объ условіяхъ дуэли возбраняются* освященными обычаемъ правилами и составляютъ, — какъ замѣчаетъ гр. Шатовильяръ, – «une précipitation blâmable», такъ какъ, съ одной стороны, такое личное вмѣшательство противниковъ можетъ только

---

[1]) По общепринятому въ военномъ сословіи обычаю вызовъ посылается не ранѣе и не позже какъ черезъ 24 часа по нанесеніи оскорбленія и первый шагъ къ полученію удовлетворенія долженъ быть сдѣланъ обиженнымъ; такой же срокъ полагается и на отвѣтъ, предполагая, конечно, что не было законныхъ причинъ промедленія. Если эти сроки пропущены, то извиненіемъ тому могутъ служить лишь особенно важныя причины; въ противномъ случаѣ честь лица считается сильно задѣтою. *На театрѣ военныхъ дѣйствій*, всѣ дѣла, касающіяся оскорбленія чести, рѣшаются не ранѣе, какъ по заключеніи мира.

[2]) Письменный вызовъ называется обыкновенно картелью

[3]) Если эти третьи лица только ограничились передачею вызова, то они носятъ названіе *картельщиковъ* или картельтрегеровъ, а если они опредѣляли условія боя, присутствовали при немъ и наблюдали за его правильностью, то они называются свидѣтелями или *секундантами, причемъ нынѣ, обыкновенно, двѣ эти роли соединяются вмѣстѣ въ одномъ или въ двухъ лицахъ съ каждой стороны.*

[4]) Еслибы противникъ все таки сталъ бы вдаваться въ объясненія, то секунданты должны немедленно удалиться и составить о томъ протоколъ, и вручить послѣдній кліенту. А еслибы вызываемый неоднократно (два раза) не сказывался дома, или же былъ незаставаемъ въ своей квартирѣ, то секунданты оставляютъ свои визитныя карточки и назначаютъ время своего возвращенія; если же они опять не были приняты въ назначенное время, они объявляютъ вызываемому заказнымъ письмомъ, съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ неполученія отвѣта въ теченіе сутокъ, они будутъ смотрѣть на этотъ поступокъ какъ на отказъ въ удовлетвореніи или объясненіи; если не послѣдуетъ отвѣта и на это письмо, они составляютъ о томъ протоколъ.

раздуть ссору и отягчить условія дуэли, а съ другой, всѣ эти соглашенія не имѣютъ практическаго значенія, такъ какъ они могутъ быть отмѣнены (уничтожены) секундантами, которые имѣютъ право контроля этихъ условій. Безъ скрѣпы, такъ сказать, свидѣтелей (секундантовъ), никакой договоръ дуэлянтовъ не имѣетъ силы.

Отъ описанной формы дуэли (поединка въ тѣсномъ смыслѣ, *duel*) отличаютъ, такъ называемую, *rencontre*, или дуэль *внезапную*, т. е. поединка безъ перерыва задуманнаго и выполненнаго, когда обѣ стороны немедленно взялись за оружіе. Но и эта форма, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ первой, ибо и та и другая предполагаютъ одинаково взаимное соглашеніе противниковъ на поединокъ.

II. Поединокъ есть *бой*, т. е. размѣнъ ударами холоднымъ оружіемъ или размѣнъ выстрѣлами, дѣйствительно послѣдовавшими или долженствовавшими послѣдовать; поэтому бой, какъ признакъ дуэли, существуетъ, хотя бы выстрѣлъ послѣдовалъ только съ одной стороны, какъ напр., противникъ далъ осѣчку, или (при стрѣльбѣ по очереди) не успѣлъ сдѣлать выстрѣла [1]). Этимъ условіемъ боя дуэль, въ тѣсномъ смыслѣ слова, отличается отъ пари на смерть, отъ смерти по жребію и т. д.

Понятіе дуэли исчезаетъ или, по крайней мѣрѣ, переходитъ въ понятіе неправильнаго поединка, коль скоро договоръ устраняетъ возможность и необходимость взаимнаго боя, сраженія или борьбы, замѣняя ихъ условіемъ самоубійства или самоистребленія противника. Это—такъ называемая американская дуэль, особенность которой заключается въ вынутіи жребія—«жить» или «не жить»: вынувшій «жизнь» можетъ остаться наслаждаться ея благами; вынувшій же «смерть»—обязуется честнымъ словомъ лишить себя жизни немедленно, или въ извѣстный срокъ. Къ этой категоріи слѣдуетъ отнести дуэль пилюлями, изъ коихъ одна отравлена, а другая нѣтъ; а также дуэль на очковой змѣѣ, которую впустили въ темную комнату, гдѣ находились

---

[1]) Случай этого рода былъ въ практикѣ нѣмецкаго Reichsgericht'a, который, въ рѣшеніи 20 сентября 1881 г., призналъ, что для понятія поединка, какъ боя, достаточно, чтобы одна изъ сторонъ совершила боевыя дѣйствія, на которыя противникъ не могъ или не успѣлъ отвѣчать. (Таганцевъ «Лекціи по угол. праву», стр. 218).

оба противника [1]). Сюда же относится дуэль у обрыва. Изъ всѣхъ видовъ дуэлей, такъ называемая, американская дуэль является наиболѣе безнравственною, безчеловѣчною и наиболѣе опасною для государства. Этотъ видъ дуэли не подходитъ, по своей юридической конструкціи, подъ постановленія о поединкѣ, такъ какъ рѣзко отличается отъ поединка отсутствіемъ боя, отсутствіемъ всѣхъ традиціонныхъ условій боя и, потому такая дуэль считается недостойною офицерскаго званія. По дѣйствующимъ законамъ случаи американской дуэли преслѣдуются какъ самоубійство или покушеніе на него (1472 и 1473 ст. Улож.) и какъ склоненіе къ самоубійству, наказуемое какъ участіе въ убійствѣ (1475 ст. Улож.). Проэктъ же новаго Уложенія предполагаетъ признать американскую дуэль особымъ самостоятельнымъ преступленіемъ, хотя и помѣщаетъ въ главѣ о «поединкѣ» (См. прилож. 413 ст.).

III. *Бой долженъ быть между двумя лицами.* Признакъ единоборства вытекаетъ даже изъ самаго названія: «поединокъ», т. е. борьба одинъ на одинъ. Хотя съ конца XVI столѣтія и вошелъ было въ силу обычай, что въ дуэли принимали участіе свидѣтели-секунданты (seconds) и тьерсы, но изъ нихъ каждый выбиралъ отдѣльнаго противника, такъ что каждый участвовалъ въ единоборствѣ. На этомъ же основаніи поединокъ не теряетъ своего характера, ежели-бы нѣсколько офицеровъ одного полка вступили бы въ бой съ такимъ же количествомъ офицеровъ другаго полка, дерясь, однако, хотя и одновременно, но одинъ на одинъ [2]). Какъ оскорбленный, такъ и оскорбитель должны драться на дуэли сами лично. Замѣстители допускаются только въ исключительныхъ случаяхъ, напр. въ случаѣ болѣзни или преклонныхъ лѣтъ оскорбленнаго близкаго родственника, а также въ случаяхъ оскорбленія семейства или общества (корпораціи, учрежденія) и въ этихъ послѣднихъ случаяхъ только членъ этого семейства или сочленъ общества могутъ требовать удовлетворенія [3]).

---

[1]) Эта послѣдняя дуэль произошла въ 1894 году, въ Индіи между англійскими офицерами.

[2]) Неклюдовъ «Руковод. къ особ. части угол. пр.», I, стр. 153 и Таганцевъ «Лекціи по угол. пр.», стр. 218.

[3]) По французскимъ обычаямъ не допускается вызовъ коллективный, т. е вызова нѣсколькими лицами кого либо по поводу одного и того же оскорбленія;

Неправоспособными дать удовлетвореніе признаются: 1) лишенные честнаго имени (по суду или по приговору общественнаго мнѣнія и вообще совершившіе, какъ всѣмъ извѣстно, поступки, противные правиламъ чести, напр. шулера); 2) не достигшіе совершеннолѣтія, кромѣ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ; 3) умалишенные; 4) лица, стоящія на низшихъ степеняхъ культуры, т. е. лица, за которыхъ вообще нельзя ручаться, что они будутъ соблюдать условія дуэли; 5) лица, подавшія уже жалобу за нанесенное оскорбленіе въ уголовный судъ; 6) должники, вызывающіе своихъ заимодавцевъ, пока не покончатъ съ ними счетовъ; но вызовъ должника заимодавцемъ допускается. Правоспособность же офицера на удовлетвореніе, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ 5 и 6 пун., внѣ сомнѣнія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда не ясно, слѣдуетъ ли считать лицо способнымъ или неспособнымъ дать удовлетвореніе, офицеры обращаются за рѣшеніемъ къ суду общества офицеровъ своего полка.

Лицо, отказавшее вызывающему его на дуэль, не смотря на то, что вызывающій принадлежитъ къ способнымъ дать удовлетвореніе, считается нарушившимъ обязанности честнаго человѣка и исключается на всегда изъ общества (офицеры изъ полка), въ которомъ вращаются офицеры и джентельмены. Случай несостоявшагося примиренія указанъ выше (1-я выноска на 123 стр.).

За одно и то же оскорбленіе удовлетворенія можно требовать только одинъ разъ. Послѣ неудачной дуэли между Арманомъ Карель и Эмилемъ де-Жирарденъ (во Франціи) послѣдній получилъ другой вызовъ по одному и тому же дѣлу; но маршалъ гр. Эксельманъ и депутатъ Делоръ объяснили, что за одно и то же оскорбленіе достаточно одного удовлетворенія. Жирарденъ не принялъ вторичнаго вызова, а общественное мнѣніе вполнѣ одобрило его образъ дѣйствій.

IV. Бой долженъ производиться *смертоноснымъ оружіемъ*. Это требованіе выставляется прямо въ установленныхъ обычаемъ правилахъ о дуэли и можетъ быть выведено изъ 1506 ст. нашего уложенія о наказ., опредѣляющей окон-

---

не допускается вызовъ между родителями и дѣтьми и между братьями, а равно и вызовъ должникомъ кредитора до уплаты долга.

чательнымъ моментомъ для примиренія противниковъ моментъ «обнаженія или приготовленія *къ бою оружія*»; существенное же условіе всякаго боеваго оружія—его смертоносность. Съ отсутствіемъ же этого признака не будетъ и дуэли. Общеупотребительнымъ и освященнымъ вѣковымъ обычаемъ оружіемъ дуэли является такъ называемое благородное, каковымъ почитаются изъ огнестрѣльныхъ—пистолетъ и, притомъ, по обычаю, гладкоствольный [1]), а изъ холодныхъ—сабля, шпага [2]), палашъ, шашка, эспадронъ [3]). Всякое иное оружіе, непринятое обычаемъ, не можетъ считаться оружіемъ «поединка» въ техническомъ значеніи этого слова, хотя бы такое оружіе было смертоносное, хотя бы такой бой былъ заранѣе условленъ между противниками, хотя бы онъ былъ веденъ съ соблюденіемъ установленныхъ ими правилъ, при свидѣтеляхъ и т. п.; и виновные будутъ отвѣчать по общимъ правиламъ объ убійствѣ и тѣлесныхъ поврежденіяхъ, а не по постановленіямъ о дуэли.

Отступленіе отъ этого общаго правила можетъ быть вызвано особенными исключительными условіями, въ коихъ находились противники и каковыя всегда могутъ быть констатированы судомъ, благодаря которымъ оружіемъ дуэли можетъ быть и не принятое по обычаю. На такія формы дуэли (duels exceptionnels, дуэли исключительныя, необыкновенныя) секунданты должны соглашаться только въ крайнихъ случаяхъ и въ такихъ случаяхъ всѣ подробности должны быть съ точностью опредѣлены на предварительномъ совѣщаніи секундантовъ. Таковою исключительною дуэлью считается, напр., дуэль на карабинахъ или ружьяхъ, на пистолетахъ на слишкомъ близкихъ разстояніяхъ (дистанція 10 ш.), или на пистолетахъ, изъ которыхъ только одинъ заряженъ; послѣдняя дуэль извѣстна подъ терминомъ «стрѣлять черезъ платокъ» [4]).

---

[1]) Хотя употребленіе пистолетовъ, нарѣзныхъ или снабженныхъ шнеллеромъ (приспособленіе для придачи спусковой пружинѣ извѣстной упругости) не исключается совершенно, но ихъ слѣдуетъ избѣгать.

[2]) Шпага—обыкновенная, трехгранная.

[3]) Палка—оружіе простолюдина; въ средніе вѣка только дворяне носили мечъ или шпагу, оттого дуэли были только на этомъ оружіи, а впослѣдствіи присоединились пистолеты (Лохвицкій, стр. 562). Въ настоящее время, въ средѣ офицеровъ, приняты еще шашка, палашъ и эспадронъ. Офицеры одного и того же рода оружія могутъ драться на своихъ собственныхъ, имъ присвоенныхъ, саблях, шашкахъ и т. д.

[4]) При «стрѣльбѣ черезъ платокъ» употребляются,—въ силу существую-

По обычаю предполагается, что дуэль должна происходить на оружіяхъ не только одного рода, но, по возможности, и одного типа. Поэтому не только не допускается дуэль на огнестрѣльномъ съ одной стороны и холодномъ съ другой, на оружіи ударномъ и колющемъ, но считается даже неправильною дуэль на ружьяхъ съ одной стороны и пистолетахъ съ другой, на пистолетахъ разнаго калибра и т. д. Поэтому, напр., при дуэли на шпагахъ или саблях секунданты должны всегда удостовѣриться предъ началомъ дуэли (contre-visite), что оружіе обоихъ противниковъ одного и того же рода, равной длины, одинаковой гибкости, одинаково оточены, заострены и безъ зазубринъ и т. д. и только послѣ такого осмотра они могутъ передать оружіе дуэлянтамъ. При дуэли на пистолетахъ требуется, чтобы они одинаково были неизвѣстны обоимъ противникамъ и, во всякомъ случаѣ не бывшіе раньше у нихъ въ употребленіи, чтобы разница въ длинѣ ствола не превышала трехъ сантиметровъ и чтобы мушки и прицѣлы были на столько закрѣплены на стволахъ, чтобы не было возможности ихъ передвинуть; исключая случая, когда противники могутъ пользоваться собственными пистолетами:

щихъ обычаевъ,—только гладкоствольные пистолеты. Секундантъ, назначенный по жребію распорядителемъ дуэли, и его помощникъ остаются у дуэлянтовъ, а остальные два секунданта удаляются отъ мѣста боя на столько, чтобы ихъ не было видно, и заряжаютъ одинъ пистолетъ, а на другой надѣваютъ пистонъ. По окончаніи заряжанія. оба пистолета передаются распорядителю дуэли; послѣдній, держа ихъ за спиной, подходитъ къ дуэлянту, которому по жребію досталось право выбора, и спрашиваетъ: «въ правой или въ лѣвой рукѣ»? и затѣмъ передаетъ пистолетъ, находящійся въ указанной рукѣ. Секунданты становятся въ обыкновенномъ порядкѣ: распорядитель и его помощникъ въ 4 ш. отъ дуэлянтовъ, а остальные въ 20 шагахъ за первыми, а противникамъ передается карманный платокъ, который они берутъ за два діагонально противоположные конца. Распорядитель предупреждаетъ дуэлянтовъ внимательно слушать сигналъ, состоящій изъ одного удара въ ладоши, и чтобы по сигналу стрѣляли мгновенно и одновременно. Спустя нѣсколько секундъ подаетъ сигналъ, крѣпко ударяя въ ладоши. Если бы одинъ изъ дуэлянтовъ выстрѣлилъ раньше сигнала и у поступившаго такимъ образомъ оказался заряженный пистолетъ и онъ убилъ противника, то секунданты составляютъ объ этомъ происшествіи протоколъ, согласно которому должно быть возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ коварнаго убійцы. (Verger. 386 и др. стр.).

Эти необыкновенныя дуэли не имѣютъ ничего общаго съ стремленіемъ смыть съ благороднымъ мужествомъ, оскорбленіе; и никто изъ дуэлянтовъ не обязанъ принять такую дуэль; она можетъ состояться только при добровольномъ желаніи противниковъ и только тогда, когда причины изъ ряда вонъ выходящія и если секунданты согласятся на допущеніе такой дуэли. *Вообще же эти дуэли должны быть рѣшительно отвергнуты и секундантамъ вмѣняется въ правило, при обсужденіи условія, несоглашаться на такія дуэли.*

тогда лучше всего мушки снять.—Хотя обычаями установлена классификація оружія для обидъ легкихъ и для обидъ тяжкихъ, но подобную классификацію, по крайней мѣрѣ въ нашей арміи, слѣдуетъ признать нераціональною, такъ какъ дуэль, по духу закона 13 мая 1894 года, возможна лишь въ случаяхъ тяжкихъ оскорбленій; отсюда слѣдуетъ, что у насъ не можетъ быть различія въ выборѣ оружія сообразно тяжести оскорбленія. Точно также не могутъ быть допускаемы установленныя обычаемъ странныя правила «о затупленіи» холоднаго оружія. Сабли, палаши, эспадроны или шашки должны употребляться отточенными, съ заостренными концами. Поединокъ долженъ оканчиваться смертью или, по крайней мѣрѣ, нанесеніемъ раны, нарушающей равенство между бойцами. Дуэль же на оружіи съ округленными (затупленными) концами одна комедія, которая не можетъ быть допускаема въ арміи.

V. *Въ основаніи поединка лежитъ мотивъ удовлетворенія чести*, поруганной оскорбленіемъ или самаго дуэлянта, или близкихъ ему лицъ. Не требуется, чтобы на лицо былъ объективный составъ оскорбленія, въ юридическомъ смыслѣ; достаточно субъективное чувство обиды, испытываемое однимъ изъ дуэлянтовъ, независимо отъ того, оскорбленъ ли онъ непосредственно передъ поединкомъ или за долго до него [1]). Безразлично также, относится ли обида къ сферѣ семейной, домашней жизни оскорбленнаго, или касается иныхъ сферъ его частной жизни или сферы служебной, общественной. Но если въ основаніи поединка не было мотива удовлетворенія чести, то онъ не составляетъ, собственно говоря, поединка, хотя, впрочемъ, этотъ признакъ

---

[1]) Чтобы простую ошибку, недоразумѣніе или заурядную обиду не принять за оскорбленіе, слѣдуетъ обиженному прежде всего всесторонне обсудить—есть ли это оскорбленіе слѣдствіе минутнаго возбужденія или служитъ выраженіемъ внутренняго убѣжденія. Для вѣрнѣйшаго разрѣшенія такого вопроса необходимо, такъ сказать, внутренне изслѣдовать себя: нахожусь ли я подъ болѣзненнымъ впечатлѣніемъ минуты или же дѣйствительно моя честь оскорблена? Въ такомъ случаѣ необходимо руководствоваться единственно голосомъ совѣсти, безъ малѣйшей примѣси гнѣва, раздраженія и самолюбія. Точно также и французскіе писатели считаютъ необходимымъ условіемъ поединка особенный къ тому поводъ; поэтому вмѣсто обиды (injure) они признаютъ таковымъ несравненно болѣе широкое понятіе—«offense» (Verger, стр. 166).

трудно уловимый, такъ какъ для желающаго драться на дуэли по инымъ мотивамъ,—сводящимся къ далеко неблагороднымъ побужденіямъ ненависти, мести и злобы по личнымъ соображеніямъ,—всегда открыта возможность нанести противнику оскорбленіе и сдѣлать дуэль неизбѣжною именно для удовлетворенія чести. Чтобы предупредить подобныя явленія, новый законъ о дуэляхъ (13 мая 1894 г.) и установилъ порядокъ, который обезпечиваетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы дуэль происходила лишь въ случаяхъ серьезныхъ, когда она признается дѣйствительно неизбѣжною по укоренившемуся мнѣнію большинства членовъ офицерскаго общества, и чтобы во всѣхъ прочихъ менѣе важныхъ случаяхъ, могущихъ безъ вреда для чести заинтересованныхъ сторонъ окончиться примиреніемъ, дуэли или вовсе устранялись бы, или смягчались бы установленіемъ условій, строго сообразуемыхъ съ относительною важностью повода къ дуэли. Такимъ регуляторомъ является судъ общества офицеровъ—истинный выразитель мнѣнія всего офицерскаго общества отдѣльной части, а потому если онъ не признаетъ въ извѣстномъ случаѣ дуэль необходимой, то она ничѣмъ уже не оправдывалась бы, но по той же причинѣ легко можетъ быть и предупреждена въ этомъ случаѣ, въ силу авторитетности суда общества офицеровъ по вопросамъ чести.

Обязанность суда общества офицеровъ состоитъ въ томъ, чтобы, по мѣрѣ возможности, способствовать мирному улаженію столкновенія, однако безъ ущерба для чести [1]); если это не удастся, а вмѣстѣ съ тѣмъ столкновеніе, по своему характеру, не можетъ быть улажено, безъ униженія чести оскорбленнаго,—то дѣло рѣшается поединкомъ, и дальнѣйшіе переговоры ведутся уже секундантами обѣихъ сторонъ; при чемъ судъ общества офицеровъ оказываетъ нравственное вліяніе на секундантовъ (см. ниже, стр. 145). (II ч., § 2, пунк. 3).

У нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ существуетъ совершенно ложный взглядъ на поединокъ. Они полагаютъ, что

---

[1]) Долгъ каждаго честнаго человѣка сознаться въ несправедливомъ по отношенію къ другому поступкѣ. Такое сознаніе нисколько не умалитъ нравственнаго достоинства, а послужитъ лишь къ разъясненію недоразумѣнія, раскаянію въ непреднамѣренномъ оскорбленіи, заставитъ извиниться, взять назадъ свои слова.

поединокъ есть пробный камень ихъ личной храбрости, и потому — ищутъ случая подраться. Очевидно они, какъ бы, забываютъ, что жизнь офицера принадлежитъ не имъ, а Государю и Отечеству [1]).

Подобный взглядъ есть величайшее легкомысліе, недостойное званія офицера, и служитъ признакомъ недостаточнаго усвоенія общихъ началъ защиты чести, положенныхъ въ основу правилъ о дуэли.—Нѣкоторые высшіе военные начальники, разъясняя назначеніе закона о дуэли, издали соотвѣтственные приказы, изъ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе приказъ Командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа Генералъ-Адъютанта Драгомирова, отъ 31 іюля 1894 года, такого содержанія: Въ приказѣ Командира 12 Армейскаго корпуса отъ 22 іюля сего года сказано:

«Приказомъ по Военному вѣдомству сего года за № 118 дарована новая царская милость, право защищать съ оружіемъ въ рукахъ самое дорогое для насъ—честь».

«Эта милость тѣмъ болѣе налагаетъ на насъ обязанность держать себя въ средѣ товарищей и въ обществѣ такъ, чтобы не подавать повода къ недоразумѣніямъ и ни на минуту не забывать, что со дня поступленія на службу жизнь наша принадлежитъ не намъ».

«Вполнѣ раздѣляю этотъ взглядъ и искренно желаю, чтобы офицеры войскъ Округа, держа себя съ строгимъ достоинствомъ, въ то же время строго различали тѣ прискорбные случаи, когда нарушеніе чести дѣйствительно требуетъ крови, отъ пустяшныхъ столкновеній, которыя въ порядочномъ обществѣ офицеровъ, — гдѣ товарищество сильно, а старшіе пользуются должнымъ авторитетомъ,— всегда могутъ и должны кончаться миромъ».

VI. *Выполненіе поединка предполагаетъ соблюденіе извѣстныхъ, установленныхъ обычаемъ, правилъ.* Послѣднія относятся къ мѣсту, времени и вообще обстановкѣ

---

[1]) Хотя въ Германіи до сихъ поръ смотрятъ на дуэль, какъ на одно изъ средствъ, воспитывающихъ, особенно среди молодыхъ офицеровъ, сознаніе о долгѣ чести,—но воспитательное значеніе дуэли, очевидно, состоитъ въ томъ, что никто, кромѣ отчаянныхъ сумасбродовъ и буяновъ, вообще говоря, искать ее не будетъ; обычай дуэли не составляетъ необходимости и къ ней прибѣгаютъ лишь въ случаяхъ, когда уже нѣтъ никакого иного способа къ удовлетворенію тяжко-оскорбленной чести («Воен. Сбор.» 1894 г., VIII, «О бытѣ офицеровъ германской арміи», стр. 375).

поединка. Соблюденіемъ этихъ условій и правилъ гарантируется честность и благородство поединка и устраняется возможность не только вредныхъ для противника злоупотребленій, но и явно преступныхъ посягательствъ на его личность, подъ видомъ или черезъ посредство дуэли.

а) Что касается *мѣста* и *времени*, то, будучи чисто фактическими условіями, они опредѣляются въ каждомъ конкретномъ случаѣ [1]); но относительно способа и порядка дуэли на практикѣ представляютъ различія, такъ какъ этотъ способъ или опредѣляется въ подробностяхъ въ предварительномъ соглашеніи дуэлянтовъ или ихъ представителей; или намѣчается договаривающимися только въ общихъ чертахъ, такъ что подробности дуэли должны быть регулированы по установившимся обычаямъ; или же, наконецъ, нѣкоторыя изъ этихъ условій дуэли прямо опредѣляются въ законѣ.

б) Такъ, одно изъ существенныхъ условій правильной дуэли, выработанное путемъ обычая и свято охраняемое закономъ, есть *равенство шансовъ боя для обѣихъ сторонъ*. Подъ этимъ равенствомъ понимается равенство шансовъ внѣшнихъ, но отнюдь не внутреннихъ, т. е. *равенство оружія и условій нападенія или защиты*. На семъ основаніи не требуется вовсе: чтобы противники одинаково хорошо владѣли оружіемъ [2]), были бы одинаковой физической силы, обладали бы одинаковымъ хладнокровіемъ и т. д. Вопросъ о возрастѣ дуэлянтовъ обходится и въ законахъ и въ практикѣ молчаніемъ; посему будетъ правильнымъ и поединокъ между юношею и старцемъ [3]). На основаніи указаннаго принципа равенства требуется: а) одинаковость оружія (шпаги, сабли, пистолета); б) одинаковая извѣстность, или неизвѣстность его противникамъ [4]); и в) одинаковая опасность [5]).

---

[1]) Самое удобное время для дуэли—часы, слѣдующіе за полднемъ. Ни одна сторона не обязана дожидаться противника на мѣстѣ дуэли болѣе 1/4 часа; по истеченіи этого срока можно удалиться и секунданты составляютъ объ этомъ протоколъ.

[2]) Но секунданты не должны допускать, чтобы учитель фехтованія выбралъ свое спеціальное оружіе, развѣ только, если ему было нанесено оскорбленіе 3-го рода (см. ниже, пунк. *жс*). Въ этихъ случаяхъ учителю фехтованія слѣдуетъ, для поддержанія достоинства своего званія, принести нѣкоторую жертву: предоставить выборъ оружія своему противнику.

[3]) Неклюдовъ, I, стр. 154.

[4]) Въ Англіи, не смотря на обыденную безнаказанность дуэли, приговорили къ смертной казни дуэлиста, стрѣлявшаго изъ своихъ пистолетовъ и скрывшаго отъ противника это обстоятельство. (Неклюдовъ, I, стр. 154).

[5]) Секунданты на мѣстѣ боя должны удостовѣриться, что ни одинъ изъ

По моему мнѣнію, дуэль на холодномъ оружіи является наиболѣе грубымъ способомъ дуэли, такъ какъ противники, увлекаясь и ожесточаясь, доходятъ до крайней ярости и въ этомъ состояніи не только забываютъ всѣ правила фехтовальнаго искусства, но превращаютъ бой въ какую то драку и благороднымъ оружіемъ—шпагой или саблей—дѣйствуютъ точно дубиной или оглоблей. Вотъ почему слѣдовало бы вовсе исключить холодное оружіе изъ оружій для дуэли или, по крайней мѣрѣ, указать, что огнестрѣльному оружію слѣдуетъ отдавать предпочтеніе предъ холоднымъ. Въ пользу этого исключенія говоритъ еще то соображеніе, что не всякій офицеръ умѣетъ хорошо владѣть холоднымъ оружіемъ (требуется владѣть по всѣмъ правиламъ фехтовальнаго искусства), а стрѣлять всякій умѣетъ болѣе или менѣе искуссно. Нерѣдко обиженный не умѣетъ владѣть или владѣетъ плохо холоднымъ оружіемъ, а обидчикъ—очень хорошій фехтовальщикъ; а при этихъ условіяхъ и привилегія обиженнаго—выборъ оружія (именно холоднаго) обращается въ нуль и даже въ отрицательную величину. Это неравенство въ дуэли на холодномъ оружіи особенно рельефно проявляется, когда противники отличаются между собою возрастомъ и тѣлосложеніемъ. Въ этихъ случаяхъ громаднымъ преимуществомъ пользуется молодой и болѣе подвижный или сильный дуэлянтъ, который быстро доводитъ своего противника до изнеможенія силъ и, пользуясь этимъ, наноситъ ему рѣшительный ударъ. Какъ мы уже указали, при дуэли на холодномъ оружіи противники всегда приходятъ въ возбужденное состояніе и секундантамъ трудно регулировать самый бой и своевременно пріостановить его, въ виду наступленія неравенства силъ дуэлянтовъ. Равно нельзя разсчитывать, въ этихъ случаяхъ, на великодушіе противника, которое въ минуту опасности проявляется крайне рѣдко. Въ виду этихъ соображеній самымъ лучшимъ и гуманнымъ способомъ дуэли является огнестрѣльное оружіе, при чемъ слѣдовало бы установить въ нашей

противниковъ не имѣетъ никакихъ предметовъ, которые могли бы парализовать удары и сдѣлать бой неравнымъ (напр. сокрытое отъ противника имѣніе латъ, кольчуги и т. п.).

арміи употребленіе не гладкоствольныхъ пистолетовъ, которые составляютъ уже археологическую рѣдкость, а револьверовъ, употребляемыхъ въ войскахъ въ данное время. Нѣкоторые стоятъ за гладкоствольные пистолеты въ виду меньшей, будто бы, опасности для жизни и здоровья раненаго противника. Но это мнѣніе неосновательное. При гладкоствольномъ пистолетѣ можно гладкой пулей угодить прямо въ сердце или раздробить кость, а коническою пулей можно промахнуться или попасть въ мягкую часть.

в) Обыкновенно поединокъ происходитъ при *секундантахъ*, но онъ возможенъ и безъ секундантовъ (такъ называемый rencontre) и отсутствіе этихъ посредниковъ во время самаго боя преслѣдуется нашимъ закономъ (1509 ст. Улож.). По французскимъ обычаямъ, дуэль безъ свидѣтелей не считается дуэлью [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что секунданты не только регулируютъ бой, устраняя изъ него все то, что является продуктомъ злобы и мести или излишняго самохвальства, но они наблюдаютъ и за тѣмъ, чтобы противники соблюдали во время самаго боя всѣ условленныя правила, а не превращали бы его въ простую рѣзню или умышленное посягательство на жизнь и здоровье [2]). Однимъ словомъ, секунданты несутъ нравственную отвѣтственность въ дѣлѣ поединка и обязаны вносить въ дѣло умиротворяющее начало, но не придавая столкновенію преувеличеннаго значенія.

Число секундантовъ обыкновенно полагается по два съ каждой стороны; но дуэль въ присутствіи одного секунданта у каждаго противника не будетъ неправильною. По французскимъ обычаямъ, въ секунданты избираются лица, непричастныя къ данному дѣлу, послужившему поводомъ къ поединку, и притомъ пользующіяся довѣріемъ сторонъ; поэтому не могутъ быть секундантами: 1) лица, имѣющія сами право требовать удовлетворенія отъ одной изъ сторонъ; 2) лица, сами участвовавшія въ оскорбленіи, бывшемъ причиною поединка; 3) отецъ, братъ, сынъ и вообще близкій родственникъ не могутъ быть секундантомъ ни у своего родственника, ни противъ него; 4) лица, про которыхъ извѣстно, что они нарушили правила дуэли или участвовали въ такомъ нарушеніи.

---

[1]) Verger, 164 стр.
[2]) Таганцевъ, 228—229 стр.

Каждый изъ дуэлянтовъ вправѣ поблагодарить своихъ секундантовъ и выбрать себѣ другихъ, и наоборотъ: секунданты могутъ сложить съ себя свои обязанности. Это допускается лишь до начала дуэли и дуэлянтъ немедленно извѣщаетъ о томъ секундантовъ своего противника, и вновь избранные секунданты вступаютъ въ переговоры съ секундантами другой стороны. Къ выбору секундантовъ слѣдуетъ относиться съ чрезвычайной осторожностью, такъ какъ имъ приходится ввѣрять честь и жизнь свою. Обязанность секунданта не только въ томъ, чтобы управлять боемъ, а и въ томъ, чтобы способствовать благороднымъ образомъ мирному улаженію столкновенію. Нерѣдко бывало, что незначительныя столкновенія,—которыя могли бы съ успѣхомъ окончиться мирнымъ путемъ, безъ всякаго ущерба для чести,—принимали чрезвычайно серьезный характеръ единственно благодаря секундантамъ. А потому, секундантами слѣдуетъ избирать людей серьезныхъ и имѣющихъ должное понятіе какъ о важности обязанностей секунданта, такъ и о правилахъ дуэли. Принятіе на себя этой, вполнѣ отвѣтственной обязанности, составляетъ нравственный и святой долгъ товарищества. Поэтому офицеръ части не имѣетъ права отказаться отъ обязанности быть секундантомъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дуэль не разрѣшена судомъ общества офицеровъ, или когда дуэлянты предполагаютъ драться несогласно съ установленными секундантами условіями.

г) Секунданты выбираютъ изъ своей среды «*старшаго—распорядителя*» (посредника) и послѣдній непосредственно наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ боя и разрѣшаетъ недоразумѣнія, возникающія во время поединка [1]).

Секундантамъ слѣдуетъ воздерживаться отъ всякаго разглашенія дѣла, въ которомъ они принимали участіе, и въ особенности отъ полемики въ печати.

д) *Вызовъ* и *принятіе вызова* составляютъ самые первые моменты дуэли (§ 13, п. I); за ними слѣдуетъ при всякомъ, такъ сказать, нормальномъ поединкѣ наиболѣе су-

---

[1]) Распорядитель (старшій) пользуется особымъ авторитетомъ; поэтому, когда секунданты не могутъ придти къ соглашенію между собою относительно условій дуэли, то въ такомъ случаѣ должны подчиниться его приговору.

щественная подготовительная часть — *переговоры* между секундантами, выбранными сторонами [1]). Офицеры, между которыми произошло столкновеніе, выбираютъ по *два* секунданта изъ среды товарищей. Секунданты предварительно должны ознакомиться съ обстоятельствами дѣла (столкновенія) и съ желаніями своего кліента [2]), а затѣмъ уже они (секунданты) сходятся и въ общемъ собраніи выясняютъ, въ чемъ именно состоитъ оскорбленіе и кого именно слѣдуетъ считать оскорбленнымъ; послѣ чего обязаны приложить всѣ старанія къ мирному разрѣшенію возникшихъ недоразумѣній [3]). Если бы однако оказалось, что столкновеніе было дѣйствительно серьезно на столько, что нельзя покончить дѣло миромъ безъ ущерба для чести какой либо изъ сторонъ, или если противники отказались выяснить истинную причину ссоры, заявивъ подъ честнымъ словомъ, что причины таковаго умолчанія представляются дѣйствительно серьезными, то и тогда секунданты должны употребить всѣ старанія, чтобы дуэль состоялась на условіяхъ наиболѣе льготныхъ и равномѣрныхъ. Обо всемъ этомъ составляется *протоколъ*, который предъявляется дуэлянтамъ. По окончаніи же дуэли составляется другой протоколъ.

е) *Самыя условія*, опредѣляемыя дуэлянтами или секундантами, могутъ относиться или къ самому порядку боя, или къ его предполагаемымъ послѣдствіямъ. Что касается первой группы условій, то они зависятъ, главнымъ образомъ, отъ рода выбраннаго оружія и представляются въ особенности разнообразными при дуэли на огнестрѣльномъ оружіи, т. е. на пистолетахъ [4]); а по отношенію ко второй—различаютъ три вида дуэли: дуэль до первой крови, дуэль до наступленія невозмож-

---

[1]) Эти переговоры должны вестись въ строгой тайнѣ.

[2]) Дуэлянты ни въ какомъ случаѣ не должны имѣть сношеній или переговоровъ съ секундантами противной стороны, и наоборотъ: секунданты никогда не должны имѣть личныхъ сношеній съ самимъ противникомъ, а только съ его секундантами.

[3]) Прежде чѣмъ не ознакомятся въ точности съ желаніями своего кліента и не получатъ отъ него надлежащихъ инструкцій, секунданты не имѣютъ права сходиться для общаго совѣщанія.

[4]) Такъ французскіе обычаи различаютъ duel au pistolet à pied ferme, à volonté, à marcher, à marcher interrompue, a ligne parallèle, au signal (т. е. дуэль на пистолетахъ, стоя неподвижно; дуэль стоя неподвижно и стрѣляя произвольно; съ движеніемъ впередъ, съ безостановочнымъ движеніемъ впередъ; съ движеніемъ по параллельнымъ линіямъ; по сигналу).

ности со стороны одного изъ дуэлянтовъ продолжать бой или дуэль до тяжкой раны (duel à outrance), и дуэль съ условіемъ биться на смерть. По существующимъ обычаямъ секунданты не должны предлагать дуэль «на жизнь или на смерть» или соглашаться на нее [1]). Смотря по важности обстоятельствъ, вызвавшихъ поединокъ, въ видѣ исключенія, когда дѣло идетъ о тяжкомъ оскорбленіи, можетъ быть поставлено въ условіе вести дуэль до первой потери однимъ изъ противниковъ возможности продолжать ее, до полученія раны кѣмъ либо изъ противниковъ. При поединкѣ же на пистолетахъ, онъ безусловно оканчивается выпускомъ заранѣе назначеннаго числа выстрѣловъ, которыми должны обмѣнятъся противники, хотя бы при этомъ и не произошло пораненія. *Обыкновенно производится только одинъ обмѣнъ выстрѣлами,* и даже при самыхъ тяжкихъ оскорбленіяхъ не допускается болѣе трехъ обмѣновъ, не принимая въ уваженіе результата. При всякой дуэли на пистолетахъ секунданты могутъ смягчить ее сокращеніемъ времени, опредѣляемаго для производства выстрѣловъ (обыкновенно назначается 10 и не менѣе 3 секундъ), но во всякомъ случаѣ, эта мѣра не должна давать какой-либо выгоды одному изъ противниковъ.

У насъ, въ военномъ вѣдомствѣ, суды общества офицеровъ [2]) играютъ нѣкоторую роль въ установленіи условій дуэли: они обязаны употреблять свое вліяніе на секундантовъ въ видахъ устраненія несообразно тяжелыхъ условій дуэли, влекущихъ за собой гибельныя послѣдствія (II ч., § 2, I ст. п. 3).—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (5 п. I ст. пр. по в. в. 1894 № 118) закономъ уполномочиваются и начальники части вліять на установленіе условій дуэли. (См. II ч., § 2, п. 5).

---

[1]) Наше законодательство, а также нѣкоторые иностранные кодексы строго преслѣдуютъ подобнаго рода дуэль, а итальянское уложеніе (243 ст. 4 п) подобнаго рода дуэль не считаетъ дуэлью. Наше уложеніе говоритъ о случаѣ такого рода въ ст. 1504 и, требуя для квалификаціи, чтобы при самомъ вызовѣ было положено условіемъ биться на смерть и чтобы послѣдствіемъ сего поединка была смерть одного изъ дуэлянтовъ или нанесеніе смертельной раны,—караетъ: ссылкой на поселеніе того, кто предложилъ подобное условіе, и заключеніемъ въ крѣпости на время отъ 6 лѣтъ 8 мѣсяцевъ до 10 лѣтъ—того, кто принялъ такое условіе.

[2]) Хотя, конечно, дуэли между офицерами могутъ состояться и помимо суда общества офицеровъ, а слѣдовательно безъ всякаго съ его стороны постановленія по поводу ссоры, вызвавшей поединокъ.

Къ сожалѣнію, эта роль нашего суда чести крайне ничтожная: не принимая участія въ организаціи и выполненіи поединка, судъ оказываетъ только нравственное вліяніе на секундантовъ съ цѣлью установленія наиболѣе соотвѣтствующихъ условій его (3 п. «правилъ», прилож. къ прик. по в. в. 1894 г. за № 118), но судъ не даетъ ни предписаній, ни указаній объ осуществленіи поединка, ни условій боя, предоставляя все это секундантамъ. Это нравственное вліяніе суда выражается въ томъ, что если секунданты обратятся въ судъ съ «протоколомъ» условій поединка, то судъ, по разсмотрѣніи сего протокола, даетъ указанія, необязательныя для секундантовъ, въ видѣ совѣта, на установленіе условій наиболѣе соотвѣтствующихъ характеру столкновенія. Въ интересахъ же дѣла слѣдовало бы суду чести предоставить рѣшающее значеніе: дабы самъ судъ устанавливалъ бы условія поединка, а секунданты принимали бы участіе въ этомъ судѣ, въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ [1]). Такое совмѣстное установленіе условій поединка наиболѣе гарантировало бы правильность этихъ условій.

ж) *Если секундантамъ не удастся уладить дѣло мирнымъ путемъ или если они окончательно убѣдились, что дѣло не можетъ кончиться безъ дуэли, то они сообща опредѣляютъ условія дуэли: назначаютъ родъ оружія и опредѣляютъ видъ дуэли, дистанцію, мѣсто и время боя* [2]), *о чемъ и сообщаютъ своимъ кліентамъ, и если послѣдніе согласны, то берутъ съ нихъ обѣщаніе соблюдать ихъ рѣшеніе честно.*

При выборѣ оружія секунданты должны сообразоваться не только съ тяжестью оскорбленія, но и съ желаніемъ оскорбленнаго, которому, по обычаю, принадлежитъ право выбора оружія, рода дуэли и разстоянія. Объемъ этихъ правъ оскорбленнаго зависитъ отъ степени (рода)

---

[1]) Нечего опасаться секундантовъ, которые (слѣдуетъ приглашать по одному отъ каждой стороны), имѣя два голоса, не могутъ имѣть рѣшающаго значенія на постановленіе суда.

[2]) По французскимъ обычаямъ *правильною* дуэлью на пистолетахъ почитается дуэль на разстояніи отъ 15—40 шаговъ (12—30 mètres); обыкновенное разстояніе 30—25 шаговъ. Дуэль на десяти шагахъ считается уже исключительною. Исключительныя же дуэли должны быть рѣшительно отвергнуты. (См. сей § пун. IV).

оскорбленія (offense, какъ называетъ французскій писатель Verger) [1]). Offense составляетъ всякое слово, письмо, рисунокъ, жестъ, ударъ, оскорбляющіе самолюбіе, деликатность или честь лица. Степени и оттѣнки такого оскорбленія безконечно разнообразны, но они могутъ быть подведены подъ три главныя группы: 1) оскорбленіе простое (легкое), т. е. такое, которое не затрогиваетъ *самую* честь человѣка, а лишь какія либо несущественныя стороны его характера, его внѣшность, привычки и т. п.; эти «легкія обиды» допускаютъ извиненіе и примиреніе; но эти же обиды, выражаясь въ особенно-язвительной формѣ, могутъ дѣлаться тяжкими; 2) оскорбленіе, соединенное съ бранью (offense avec insulte); и 3) оскорбленіе, соединенное съ побоями, ранами, ударами, дѣйствіемъ (offense avec coup et blessures); къ этой послѣдней группѣ относится взведеніе такихъ обвиненій, которыя ложатся неизгладимымъ пятномъ на человѣка, какъ напр. обвиненіе въ низкихъ поступкахъ, въ шуллерствѣ и т. п. [2]).

Оскорбленія, указанныя во 2 и 3 пунктахъ, какъ затрогивающія честь человѣка и его доброе имя, признаются *тяжкими*, при чемъ «оскорбленія дѣйствіемъ всякаго рода», во всякомъ случаѣ, относятся къ разряду обидъ, не допускающихъ примиренія. Разрѣшеніе вопроса о характерѣ обиды предоставляется суду общества офицеровъ или, при неимѣніи таковаго, начальнику части; при чемъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее правило: не слѣдуетъ считать обиду (оскорбленіе), нанесенную въ нетрезвомъ видѣ, наравнѣ съ обидой, нанесенной въ нормальномъ состояніи и здравомъ умѣ.

Сообразно этой группировкѣ оскорбленія, оскорбленный пользуется слѣдующими правами: при оскорбленіи перваго рода (при простой offense)—выборъ оружія, при оскорбленіи втораго рода (offense avec insulte)—выборъ оружія и рода дуэли; при оскорбленіи третьяго рода (offense avec coup et blessures)—выборъ оружія, рода дуэли и разстоянія. По словамъ *Кроиббона*, въ нѣсколькихъ рѣшеніяхъ французскихъ судовъ было признано, что огнестрѣльное оружіе

---

[1]) См. выше, стр. 136 (пунк. V).

[1]) По французскому обычаю не допускается вызовъ въ отмщеніе за поврежденіе или смерть, причиненныя одному изъ противниковъ дуэли.

должно считаться болѣе смертоноснымъ, чѣмъ холодное (Croabbon, стр. 322—323). При выборѣ огнестрѣльнаго оружія—предоставлено право на «число пуль». Всѣ эти условія должны быть разсмотрѣны и утверждены секундантами.

На обиду не должно отвѣчать обидой же, а отвѣтившій—теряетъ преимущества въ отношеніи поединка; а если обиженный отвѣтилъ болѣе тяжкой обидой, то самъ превращается въ обидчика.

Въ случаѣ непринятія оскорбленнымъ извиненія [1],—по рѣшенію секундантовъ,—онъ теряетъ свои права и выборъ оружія рѣшается жребіемъ. Секунданты могутъ отклонить: холодное оружіе, если ихъ кліентъ, вслѣдствіе изувѣченія руки, не можетъ владѣть этимъ оружіемъ, или если кліентъ безъ правой руки или безъ одной ноги [2]), или дуэль на пистолетахъ, если ихъ кліентъ одноглазый и если онъ не нанесъ оскорбленія втораго или третьяго рода. Во всѣхъ случаяхъ отклоненія холоднаго оружія оскорбленный пользуется при всѣхъ родахъ оскорбленія правомъ выбора рода дуэли на пистолетахъ и разстоянія [3]).

За обиженнаго, способнаго биться, другому выходить на поединокъ не дозволяется. Но если оскорбленіе нанесено нѣсколькими лицами сообща, то обиженный имѣетъ право избрать одного изъ обидчиковъ и вызвать его на дуэль; а если случится наоборотъ, то обиженные выбираютъ одного представителя, который и вызываетъ обидчика, и въ этихъ случаяхъ избранный представитель пользуется всѣми правами обиженнаго.

За каждую обиду допускается лишь одинъ поединокъ.

Подготовительныя дѣйствія къ бою.

§ **14.** а) *Секунданты должны озаботиться объ оружіи и, до отправленія на мѣсто боя, освидѣтельствовать его,—соотвѣтствуетъ ли оно требуемымъ условіямъ*

---

[1]) Одно признаніе несправедливости своего поступка не можетъ считаться извиненіемъ. Подобный фактъ не долженъ никогда обсуждаться на мѣстѣ дуэли, но всегда заранѣе. При оскорбленіи на письмѣ, слѣдуетъ и извиняться письменно.

[2]) Но это правило теряетъ свою силу при нанесеніи такими лицами оскорбленія третьяго рода.

[3]) Но это право не ограничиваетъ указанныхъ выше обязанностей секундантовъ не допускать борьбы «на жизнь или на смерть» и дистанціи, опредѣленной для правильной дуэли, т. е. менѣе 15 шаговъ.

(см. предъидущій §, пун. IV). *Оружіе доставляется на мѣсто дуэли секундантами и передается противникамъ предъ началомъ боя. Секунданты же обязаны привести съ собою врача* [1]), *для подачи медицинской помощи.*

Во всякомъ случаѣ, предварительныя условія должны быть на столько разумно строги, чтобы послѣдовавшій за тѣмъ поединокъ не имѣлъ вида шутки или состязанія въ искусствѣ владѣть оружіемъ.

б) *Обѣ стороны обязаны прибыть во-время на мѣсто поединка. Промедленіе допускается не болѣе 15 минутъ сверхъ назначеннаго срока;* по истеченіи этого срока можно удалиться и секунданты составляютъ объ этомъ протоколъ.

По истеченіи 10 минутъ, послѣ прибытія противниковъ на мѣсто, дуэль должна быть уже начата.

в) *Прибывши на мѣсто поединка, противники и секунданты вѣжливо привѣтствуютъ* (поклономъ) *другъ друга, причемъ первые хранятъ полное молчаніе.*

г) *Затѣмъ секундантъ, распоряжающійся дуэлью, дѣлаетъ попытку къ примиренію сторонъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда судомъ общества офицеровъ признавалось возможнымъ вообще допустить примиреніе и которое ранѣе не могло почему либо состояться* [2]).

д) *Если примиреніе не состоится, то распорядитель предлагаетъ одному изъ секундантовъ прочесть вслухъ «вызовъ»* [3]), *и спрашиваетъ противниковъ, обязуются ли они честно выполнить изложенныя въ вызовѣ условія. Послѣ утвердительнаго отвѣта, распорядитель объяс-*

---

[1]) По возможности, по одному съ каждой стороны.

[2]) Судя по тексту нашего закона о дуэли, эта обязанность секундантовъ ограничена въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ общества офицеровъ призналъ невозможнымъ примиреніе и постановилъ дуэль необходимою; но въ остальныхъ случаяхъ, а именно—когда судъ принималъ мѣры къ примиренію, но таковое не состоялось, или когда дуэль состоится помимо постановленія суда общества офицеровъ,—секунданты обязаны, предъ самымъ боемъ, дѣлать попытку къ примиренію дуэлянтовъ. Эта обязанность установлена даже нашимъ уголовнымъ кодексомъ (см.: II ч., § 26,—ст. 1507 Уложен. о нак.). Въ Германіи подобную послѣднюю попытку къ примиренію, на мѣстѣ боя, дѣлаютъ представитель «Совѣта посредниковъ» суда чести или «Добросовѣстный» (Unpartheiischer), выбираемый секундантами и которому препоручается весь ходъ поединка.

[3]) Если «вызовъ», т. е. условія дуэли не написаны, то эти условія говорятся распорядителемъ на память. Рекомендуется составлять эти условія письменно. Вызовъ долженъ содержать вкратцѣ ихъ обозначенія: 1) мѣста, 2) времени, 3) оружія и 4) спеціальныхъ условій.

няетъ правила дуэли и обращаетъ вниманіе дуэлянтовъ, что они не имѣютъ права раньше команды: а) «начинать» (при поединкѣ холоднымъ оружіемъ) подаваться впередъ и скрестить оружіе; б) «взводить» или «къ бою» взвести курки, и ранѣе вторичной команды «стрѣлять» не производить выстрѣла; *а по командѣ* «стой» *обязаны мгновенно пріостановиться.*

е) Послѣ этого дѣлаются послѣднія распоряженія:

Секунданты обозначаютъ мѣсто поединка, т. е. отмѣчаютъ мѣста для противниковъ, по возможности на столько однообразныя, чтобы ни для кого изъ нихъ не проистекали бы какія либо выгоды отъ лучшаго распредѣленія солнечныхъ лучей, отъ вѣтра и предметовъ, находящихся позади. Предѣльныя точки (барьеръ), черезъ которыя противники не должны переходить, обозначаются палками, вѣтками или бѣлыми карманными платками.

При дуэли холоднымъ оружіемъ мѣста для противниковъ должны быть удалены на столько, чтобы концы шпагъ (когда бойцы подаются впередъ) не касались другъ друга, а между концами сабель (при выпадѣ) оказалось пространство въ одинъ метръ. При дуэли на пистолетахъ эти мѣста обозначаются на протяженіи 15—40 шаговъ другъ отъ друга.

Секунданты заряжаютъ оружіе не торопясь и съ величайшимъ вниманіемъ; сперва заряжаетъ одна сторона, потомъ другая, но обязательно въ присутствіи другой. Иногда заряжаютъ пистолеты заранѣе, предоставляя это оружейному мастеру (вообще третьему лицу), но въ присутствіи секундантовъ обѣихъ сторонъ; послѣ чего они приносятся на мѣсто дуэли подъ печатью. Если у обоихъ дуэлянтовъ свои собственные пистолеты, то можетъ быть имъ дозволено заряжать самимъ въ присутствіи всѣхъ секундантовъ; при этомъ послѣдніе сообща опредѣляютъ величину заряда.

На мѣстѣ поединка секунданты обязательно свидѣтельствуютъ еще разъ оружіе, соотвѣтствуетъ ли оно своему назначенію.

Секунданты бросаютъ жребій на оружіе [1]) *и мѣсто. При поединкѣ на холодномъ оружіи—снимается верх-*

---

[1]) Допускается, чтобы одинъ изъ секундантовъ заряжалъ пистолеты въ присутствіи остальныхъ, послѣ чего, отвернувшись отъ нихъ и отъ дуэлянтовъ, перемѣшиваетъ пистолеты и, накрывъ ихъ платкомъ, предлагаетъ дуэлянтамъ.

нее платье (кромѣ рубашки) *до пояса. Изъ кармановъ вынимается все, даже при поединкахъ на пистолетахъ. Секунданты удостовѣряются, нѣтъ ли на груди у противника своего кліента какого либо предмета, могущаго парализовать ударъ или оказать сопротивленіе пулѣ* [1]*, и приглашаютъ противниковъ слѣдовать на указанныя жребіемъ мѣста, и, по предложенію распорядителя, передаютъ имъ оружіе.*

Затѣмъ секунданты становятся [2]) *рядомъ съ своими довѣрителями* и притомъ такъ, чтобы не мѣшать бойцамъ въ свободномъ движеніи и чтобы каждый изъ соперниковъ имѣлъ возлѣ себя одного своего секунданта и одного противной стороны; а при поединкахъ на пистолетахъ — въ нѣсколькихъ шагахъ (7 – 8) въ сторону, по линіи, паралельной направленію выстрѣловъ, и такимъ образомъ, чтобы къ каждому противнику находился ближе секундантъ чужой. Распорядитель становится въ нѣсколькихъ шагахъ въ сторону отъ противниковъ и притомъ такъ, чтобы они и ихъ секунданты были на его глазахъ.

Позади секундантовъ стоятъ съ каждой стороны врачи [3]).

і) *Распорядитель-секундантъ подаетъ команду и начинается бой.*

Кромѣ лицъ, участвующихъ въ дуэли, никто изъ постороннихъ лицъ не имѣетъ права присутствовать на мѣстѣ боя. Между тѣмъ у насъ, въ арміи, въ нѣкоторыхъ полкахъ,—вопреки установленнымъ обычаямъ дуэли,—поединки происходятъ въ присутствіи всѣхъ офицеровъ полка, во главѣ съ полковымъ командиромъ.

Существо самаго поединка (боя) на холодномъ оружіи и на пистолетахъ Разные виды поединка на пистолетахъ.

§ **15.** *Поединокъ на холодномъ оружіи.* I. Старшій секундантъ (распорядитель) съ дуэлянтами становится на

---

[1]) Нежеланіе подвергнуться этому осмотру считается уклоненіемъ отъ дуэли. Верхнее платье, обыкновенно, не снимается, а секунданты отбираютъ отъ своихъ кліентовъ часы, портмоне и пр.

[2]) Секунданты должны также имѣть оружіе; но считается достаточнымъ, если будетъ вооруженъ распорядитель; въ послѣднемъ случаѣ прочіе секунданты должны быть снабжены палками, причемъ палки, сдѣланныя въ видѣ шпаги, не допускаются («Правила дуэли» Франца фонъ-Болгара, перев. Фельдмана, стр. 42). Офицеры, разумѣется, должны быть при оружіи.

[3]) Рекомендуется, если возможно, каждой сторонѣ привести съ собою врача.

средину поля [1]), становитъ ихъ подлѣ себя, другъ противъ друга и командуетъ: «три шага назадъ». По исполненіи дуэлянтами этой команды, распорядитель даетъ имъ одновременно оружіе; затѣмъ отходитъ въ сторону и командуетъ: «къ бою готовься», и когда противники станутъ «en garde», отходитъ въ сторону и командуетъ «начинай».

Бой начинается по командѣ: «начинай». До этой команды не допускается соприкосновеніе клинковъ, а если бы это произошло, то послѣдніе должны быть разъединены и виновному въ этой опрометчивости слѣдуетъ сдѣлать выговоръ и потомъ уже возобновить поединокъ по правиламъ.

II. Послѣ команды дуэлянты могутъ податься впередъ; нагибаться, кидаться направо или налѣво и наступать на противника съ той или съ другой стороны (произвольно) дозволяется; но пользоваться концомъ сабли и колоть [2]), а равно парировать клинокъ свободной рукой воспрещается. Оружіе слѣдуетъ держать въ правой рукѣ, но можно драться и держа его въ лѣвой рукѣ, предупредивъ объ этомъ заранѣе секундантовъ противной стороны [3]), но невооруженная рука отнюдь не должна принимать участія; удары и уколы клинкомъ во всѣ части тѣла допускаются. Вообще пріемы боя должны соотвѣтствовать правиламъ фехтовальнаго искусства.

III. Если у кого либо изъ противниковъ выпадетъ изъ рукъ оружіе или сломается [4]), то противная сторона не имѣетъ права воспользоваться этимъ для нанесенія удара обезоруженному. Равнымъ образомъ, и, вооруженные тѣмъ же оружіемъ, секунданты немедленно обязываются своимъ

---

[1]) Поле должно быть чистое, ровное и чтобы лучи солнца не ослѣпляли противниковъ.

[2]) Такой поступокъ считался бы коварнымъ убійствомъ, такъ какъ противникъ отъ такихъ неожиданныхъ ударовъ не имѣлъ бы въ виду защищаться.

[3]) Употребленіе фехтовальныхъ перчатокъ находится въ зависимости отъ обоюднаго соглашенія: надѣть же обыкновенную, форменную перчатку всегда разрѣшается. Можно обвязывать себѣ суставъ кисти руки карманнымъ носовымъ платкомъ, но концы его не должны развѣваться, чтобы не развлекать глазъ противника.

[4]) Если во время боя оружіе пришло въ негодность, то оба противника должны получить новое; но изъ этого правила изъятъ тотъ случай, когда у противниковъ въ употребленіи свое собственное оружіе.

вмѣшательствомъ прекратить бой. Воспрещается наносить удары упавшему противнику и хватать его за руку или за оружіе. Послѣ первой раны, а въ важнѣйшихъ случаяхъ— при серьезномъ пораненіи одного изъ противниковъ,—бой обыкновенно считается оконченнымъ. При пораненіи, обезоруженіи или паденіи дуэлянта каждый изъ секундантовъ обязанъ пріостановить бой командой: «стой!». Секундантъ-распорядитель можетъ пріостановить бой и по другой причинѣ, напр. потому, что одинъ изъ противниковъ переступилъ границу «поля», или потому, что они сошлись «грудь съ грудью», или потому, что считалъ бы противниковъ утомленными, но въ послѣднемъ случаѣ этотъ распорядитель обязанъ предупредить о своемъ желаніи секундантовъ противной стороны. Съ этою цѣлью онъ поднимаетъ оружіе вверхъ, послѣ чего одинъ изъ секундантовъ противной стороны, если пожелаетъ перерыва, приподнимаетъ оружіе, въ знакъ согласія, такимъ же образомъ, или произноситъ тотчасъ: «стой!». Если бы дуэлянты не пріостановили боя, то секундантъ останавливаетъ ихъ, парируя ихъ оружіе своимъ [2]). При пріостановкѣ по какой либо причинѣ боя, секунданты обязаны, какъ только послѣдовала соотвѣтствующая команда, приступить вплотную къ дуэлянтамъ, ихъ разъединить и заставить, чтобы они отступили назадъ и опустили клинки. Два младшихъ секунданта остаются при своихъ кліентахъ и наблюдаютъ за ними, а старшіе секунданты совѣщаются. Для продолженія прерваннаго боя поступаютъ такъ же, какъ и при началѣ боя: противники, переступившіе границу поля, становятся на мѣста такимъ образомъ, какъ и въ первый разъ, и притомъ такъ, что переступившій границу становится къ ней спиной, въ трехъ шагахъ отъ нея, и бой продолжается лишь послѣ команды распорядителя: «начинать». Но если противники не переступили границы поля, то, при пріостановкѣ боя, они остаются на своихъ мѣстахъ и отвоеванное у противника мѣсто ему не возвращается, но каждый изъ бьющихся дѣлаетъ по одному шагу назадъ.

IV. Послѣ каждаго пораненія, бой пріостанавливается,

---

[1]) Секунданты, при этихъ дуэляхъ, вооружаются холоднымъ оружіемъ.

а затѣмъ, если возможно, продолжается. Вопросъ о характерѣ раны рѣшаетъ врачъ. Рана считается серьезною та, которая дѣлаетъ бой неправильнымъ. Но, по желанію раненаго противника, бой продолжается, если только секунданты найдутъ его способнымъ къ продолженію его.

V. Если дуэлянтъ трижды нарушитъ границу «поля», то считается уклоняющимся отъ поединка и таковой оканчивается, а объ этомъ нарушеніи правилъ честнаго поединка заносится секундантами въ протоколъ.

VI. Если бы одинъ изъ дуэлянтовъ былъ раненъ или убитъ вопреки правилъ дуэли или противъ обоюдно заключенныхъ условій, то секунданты обязаны изложить сущность дѣла въ протоколѣ и безотлагательно возбудить судебное преслѣдованіе виновнаго. Въ военномъ же вѣдомствѣ распорядитель-секундантъ доноситъ командиру части, который уже возбуждаетъ уголовное преслѣдованіе, причемъ предварительное слѣдствіе производится обязательно по всякаго рода дуэли.

VII. По окончаніи поединка противники подаютъ другъ другу руки.

§ **16.** *Поединокъ на пистолетахъ.* I. По прибытіи на мѣсто поединка, одинъ изъ секундантовъ заряжаетъ пистолеты въ присутствіи остальныхъ, послѣ чего, отвернувшись отъ нихъ и отъ дуэлянтовъ, перемѣшиваетъ пистолеты, и, покрывъ ихъ платкомъ, предлагаетъ дуэлянтамъ, которые становятся на мѣста боя, указанныя имъ жребіемъ, и держатъ полученные пистолеты дулами внизъ и со спущенными курками. Секундантъ-распорядитель отходитъ отъ дуэлянтовъ въ сторону и спрашиваетъ ихъ: «готово?»; получивъ утвердительный отвѣтъ, командуетъ: «къ бою». По этой командѣ, противники взводятъ курки и подымаютъ пистолеты къ своей головѣ, дуломъ вверхъ. Затѣмъ распорядитель подаетъ окончательную команду («начинай» или «стрѣлять») и начинается бой [1]).

II. Дуэль на пистолетахъ, какъ было уже указано, имѣетъ нѣсколько видовъ; а потому и команды, и самый характеръ боя представляются разнообразными [2]).

---

[1]) Таковы общія правила дуэли на огнестрѣльномъ оружіи. Ниже излагаются послѣдующія дѣйствія сторонъ, сообразно виду дуэли.

[2]) Описываемыя ниже дуэли считаются *правильными* и признаны тако-

1) При дуэли на пистолетахъ, стоя неподвижно.

Дистанція 15—40 шаговъ; первый выстрѣлъ принадлежитъ оскорбленному, при дистанціи въ 40 шаговъ и когда ему нанесено оскорбленіе 2-го или 3-го рода; при меньшей дистанціи и при оскорбленіи 1-го рода право перваго выстрѣла рѣшается жребіемъ, бросаемымъ секундантами. Распорядитель командуетъ сначала «къ бою» или «взводить», а спустя нѣсколько секундъ: «стрѣлять» (или «начинай»). Послѣ произнесенія послѣдней команды, дуэлянты должны стрѣлять по очереди, какъ кому слѣдуетъ; причемъ первый выстрѣлъ долженъ быть сдѣланъ въ теченіе одной минуты или (по условію) 10 секундъ и даже менѣе, но никакъ не менѣе 3-хъ секундъ послѣ команды; для втораго выстрѣла тотъ же срокъ, считая отъ того момента, когда послѣдовалъ первый выстрѣлъ [1]); по истеченіи этого времени дуэлянтъ теряетъ право стрѣлять. Секунды считаются вслухъ распорядителемъ или однимъ изъ секундантовъ [2]), слѣдя по часамъ за секундной стрѣлкой и, отсчитавъ условленное число «разъ, два и т. д.», командуетъ «стой». Такимъ образомъ противникъ производитъ выстрѣлъ между командами «разъ» и «стой».

2) При дуэли стоя неподвижно и стрѣляя по желанію, т. е. произвольно (à volonté).

Дистанція 25 шаговъ и противники становятся спиной другъ къ другу; подается одна команда «стрѣлять» или «начинай» (по этой командѣ противники обращаются другъ къ другу и взводятъ курки); затѣмъ секундантъ-распорядитель, съ часами въ рукахъ, начинаетъ громко считать по-секундно: «разъ, два, три и т. д.» до одной минуты или (какъ принято въ нѣкоторыхъ государствахъ) до 10 секундъ и даже менѣе, но не менѣе 3-хъ секундъ, и затѣмъ командуетъ «стой». Дуэлянты обмѣниваются выстрѣлами между командами «разъ» и «стой».

3) При дуэли съ движеніемъ впередъ.

Дистанція не болѣе 30 шаговъ, но барьеры отстоятъ

выми общественнымъ мнѣніемъ; въ отличіе отъ этихъ дуэлей существуютъ еще такъ называемыя необыкновенныя, исключительныя, осуждаемыя общественнымъ мнѣніемъ и не принятыя въ военномъ быту (см. II ч. § 13 п. IV, стр. 134).

[1]) Запозданіе выстрѣла считается нарушеніемъ правилъ дуэли.

[2]) Осѣчки принимаются за выстрѣлъ, если только по отношенію къ нимъ не состоялось особаго условія. Обычаемъ принято считать осѣчку за выстрѣлъ.

не менѣе 10 шаговъ. Противники становятся съ опущенными пистолетами въ рукахъ, а секунданты стоятъ попарно по обѣ стороны и противъ середины барьера въ 10 шагахъ. По командѣ «къ бою» или «взводить», противники взводятъ курки и подымаютъ пистолеты дуломъ вверхъ, а по командѣ «впередъ маршъ», идутъ впередъ къ барьеру, который, однако, не должны переходить. На этомъ разстояніи (т. е. между первоначальнымъ мѣстомъ и барьеромъ) они могутъ стрѣлять (не выжидая новой команды), но для выстрѣла должны остановиться, но могутъ и послѣ остановки цѣлиться и, не выстрѣливши, опять продолжать движеніе впередъ. Послѣ выстрѣла надо ждать, стоя на мѣстѣ, отвѣтнаго выстрѣла противника, которому (т. е. послѣднему) дается, считая отъ перваго выстрѣла, только извѣстное число секундъ (10—20) для движенія впередъ и для выстрѣла [1]). Осѣчка считается за выстрѣлъ и вторичнаго заряжанія и выстрѣла не полагается. Упавшій раненый имѣетъ право стрѣлять лежа. Такая дуэль,—если никто не былъ раненъ,—не можетъ быть пріостановлена ранѣе четвертаго выстрѣла. Въ случаѣ пораненія кого либо изъ противниковъ, дуэль немедленно прекращается, хотя бы раненый имѣлъ впереди еще оба выстрѣла и если не выстрѣлилъ въ самый моментъ полученія раны.

4) При дуэли съ безостановочнымъ движеніемъ впередъ.

Дистанція до 50 шаговъ, а барьеры отстоятъ на 15—20 шаговъ. По командѣ: «къ бою» противники взводятъ курки и по командѣ «впередъ маршъ» подходятъ другъ къ другу прямо или зигзагами, но въ послѣднемъ случаѣ отходя не болѣе двухъ шаговъ въ сторону отъ линіи, соединяющей барьеръ съ первоначальнымъ мѣстомъ, гдѣ были поставлены. Они могутъ цѣлиться на ходу и останавливаться и предоставляется стрѣлять, когда заблагоразсудится; по первому выстрѣлу оба должны сразу остановиться и одинъ изъ нихъ долженъ выждать отвѣтный выстрѣлъ другого, которому нельзя уже идти впередъ. Отвѣтный выстрѣлъ долженъ послѣдовать въ теченіе 10—20 секундъ и никакъ не болѣе полминуты. Упав-

[1]) Секунды отчитываетъ вслухъ одинъ изъ секундантовъ, преимущественно секундантъ распорядитель.

шему раненому дается для отвѣтнаго выстрѣла вдвое болѣе времени, считая отъ момента его паденія.

5) При дуэли съ движеніемъ по паралельнымъ линіямъ (à ligne parallèle).

Дистанція 25—35 шаговъ, а барьеры отстоятъ на 15 шаговъ. Секунданты вынимаютъ жребій, кому изъ противниковъ стать на какую паралельную линію. Мѣста для дуэлянтовъ находятся на конечныхъ, противолежащихъ точкахъ параллельныхъ линій. Противники располагаются наискось, чтобы по отношенію каждаго изъ нихъ линія другого приходилась съ правой стороны, а секунданты становятся за противникомъ своего кліента, правѣе его, для того, чтобы быть внѣ опасности отъ огня, но однако лишь нѣсколько правѣе, а именно на столько, чтобы можно было, въ случаѣ надобности, тотчасъ подоспѣть для пріостановки дуэли. По занятіи секундантами своихъ мѣстъ, распорядитель командуетъ «впередъ». По командѣ «впередъ» дуэлянты взводятъ курки и каждый можетъ двигаться впередъ по своей линіи, но можетъ и остановиться на первоначальномъ мѣстѣ, хотя бы другой и приближался къ барьеру. Для выстрѣла необходимо остановиться, а послѣ выстрѣла выждать, въ совершенной неподвижности, отвѣтнаго выстрѣла, на каковой выстрѣлъ полагается не болѣе полминуты. Какъ только протекло это время, теряется право на выстрѣлъ. Раненый долженъ отвѣтить выстрѣломъ своему противнику, при чемъ упавшему раненому дается двѣ минуты, считая съ момента паденія.

6) Дуэль по сигналу (au signal).

Дистанція 25—35 шаговъ. Распорядителемъ избирается одинъ изъ секундантовъ оскорбленнаго, если дѣло идетъ объ оскорбленіи 3-го рода. Сигналъ состоитъ изъ трехъ ударовъ въ ладоши, съ равными промежутками, каждый въ 2—3 секунды. До подачи сигнала распорядитель предупреждаетъ противниковъ [1]), что при первомъ ударѣ поднимаютъ пистолеты, а послѣ третьяго, но не ранѣе, должны мгновенно стрѣлять [2]). Затѣмъ подается сигналъ,

---

[1]) Противники занимаютъ доставшіяся по жребію мѣста, получаютъ тамъ пистолеты, которые, по взведеніи курковъ, они должны опустить дулами внизъ и въ такомъ положеніи выжидать сигналъ.

[2]) Выстрѣлившій ранѣе третьяго раза считается коварнымъ убійцею.

и по первому удару дуэлянты поднимаютъ пистолеты и цѣлятся до третьяго удара, а по послѣднему стрѣляютъ мгновенно и одновременно; и еслибы одинъ выстрѣлилъ своевременно, а другой продолжалъ бы цѣлиться, то секунданты обязаны, даже рискуя своею жизнью, воспрепятствовать ему произвести выстрѣлъ. Секунданты виновнаго должны строго укорить его неблаговидностью поступка и могутъ, вмѣстѣ съ секундантами противника, назначить другую дуэль, — если, конечно, не сочтутъ себя вынужденными сложить съ себя секундантскія полномочія [1]). Эта дуэль наиболѣе опасная, такъ какъ оба противника могутъ остаться на мѣстѣ; она примѣняется только тогда, когда желаютъ хотя нѣсколько уравновѣсить противоположность между ловкостью и неопытностью.

7) При дуэли по командѣ.

Дистанція 25—35 шаговъ. Правила этой дуэли походятъ на дуэль «по сигналу»; разница только въ томъ, что при самой стрѣльбѣ соблюдается иной порядокъ. Распорядитель подаетъ команду «огонь» и, вслѣдъ за этимъ непосредственно, громко считаетъ: «разъ, два, три», ударяя при каждомъ счетѣ въ ладоши; продолжительность паузы между счетами заранѣе устанавливается всѣми секундантами и продолжается отъ полусекунды до полутора секундъ. По командѣ «огонь» дуэлянты поднимаютъ пистолеты и стрѣляютъ; право стрѣлять прекращается со словомъ «три». Этотъ видъ поединка представляетъ наименѣе опасную дуэль и пользуется популярностью какъ во Франціи, такъ и въ Германіи.

III. Бой пріостанавливается: а) когда дуэлянтъ получитъ рану, 2) когда выпало изъ рукъ оружіе, 3) когда одинъ изъ дуэлянтовъ нарушитъ правила честнаго боя и т. д.

IV. Выстрѣлъ, нарочно пущенный въ воздухъ, является выраженіемъ чистаго великодушія, такъ какъ тѣмъ самымъ дуэлянтъ лишаетъ себя защиты и даетъ преимущество своему противнику [2]).

V. По окончаніи поединка дуэлянты подаютъ другъ другу руку.

---

[1]) При этой дуэли осѣчка безусловно приравнивается къ выстрѣлу.

[2]) Но необходимо отличать случаи «соблюденія одной лишь формы дуэли», предусмотрѣнные прик. по воен. вѣд. 1894 г. № 119 (см. выше, ч. II, гл. III).

Обязанности секундантовъ во время самаго поединка (боя).

§ **17.** *Секунданты регулируютъ бой, устраняя изъ него все то, что является продуктомъ злобы и мести или излишняго самохвальства, и наблюдая за тѣмъ, чтобы противники соблюдали во время самаго боя всѣ условія, предписываемыя военно-сословными обычаями и не превращали бы поединокъ въ простую рѣзню или въ умышленное посягательство на жизнь и здоровье; а потому секунданты отвѣтственны за все, что относится къ руководимой ими дуэли, за всѣ факты, относящіеся къ этой дуэли. Они должны соблюдать молчаніе, воздерживаться отъ всякихъ движеній, внимательно наблюдать за бойцами и моментально, даже съ опасностью для собственной жизни, пріостановить бой, какъ только замѣтятъ нарушенія правилъ дуэли или если произойдетъ пораненіе, обезоруженіе или паденіе кого либо изъ противниковъ* [1]).

Въ случаѣ нарушенія правилъ дуэли, секунданты составляютъ о томъ протоколъ, а если послѣдствіемъ этихъ нарушеній было пораненіе или убіеніе одного изъ противниковъ, то безотлагательно возбуждается судебное преслѣдованіе противъ виновнаго [2]).

Признавая дуэлью только тотъ бой, который былъ выполненъ по взаимному договору и соотвѣтственно съ обще-

---

[1]) При дуэли холоднымъ оружіемъ секунданты, конечно, обязаны прекратить поединокъ, какъ скоро оказалось бы, что одна изъ сторонъ не имѣетъ понятія объ обращеніи съ выбраннымъ оружіемъ, или находится въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что не въ силахъ начать или продолжать бой; при неисполненіи же этого условія, раны и поврежденія, нанесенныя такому лицу, не могутъ разсматриваться, какъ нанесенныя въ поединкѣ, а должны наказываться по общимъ правиламъ: бой будетъ выполненъ съ завѣдомымъ нарушеніемъ правилъ о равноправности сторонъ. При поединкѣ на пистолетахъ перевѣсъ искусства одной изъ сторонъ, также какъ и вѣрности глаза, стойкости и силы не можетъ имѣть значенія, такъ какъ житейскій опытъ указываетъ намъ, что очень часто смертельный ударъ наносится противникомъ неопытнымъ, впервые имѣющимъ дѣло съ этимъ оружіемъ.

[2]) Секунданты того изъ противниковъ, на котораго возводится обвиненіе въ нарушеніи правилъ дуэли, честью своею обязаны показать правду. Если бы секундантъ былъ вызванъ тотчасъ по окончаніи боя, то онъ не можетъ согласиться на непосредственную дуэль на томъ же мѣстѣ; подобный вызовъ долженъ считаться совершенно новымъ инцидентомъ. Секунданты, вызванные секундантами противной стороны изъ за дуэли, которой они руководили, пользуются всѣми правами потерпѣвшаго 3-го рода, если бы оказалось, что при преніяхъ, подавшихъ поводъ къ вызову, право было на ихъ сторонѣ.

принятыми условіями поединка, естественно требовать, чтобъ поединокъ носилъ отпечатокъ, какъ выражаются старые французскіе писатели, той loyauté, которая и составляетъ характеристическую особенность этого преступленія. Какъ скоро эти условія нарушены, дуэль становится обыкновеннымъ убійствомъ или покушеніемъ на него, или тѣлеснымъ поврежденіемъ, заслуживающимъ даже, по его вѣроломству, и усиленной отвѣтственности.

Въ нашей арміи судъ общества офицеровъ входитъ въ обсужденіе каждаго случая дуэли и постановляетъ объ удаленіи того офицера, который, защищая свою честь или давая удовлетвореніе оскорбленному, не проявилъ при этомъ истиннаго чувства чести и личнаго достоинства, а обнаружилъ стараніе соблюсти лишь одну форму (II ч., § 3, прик. по в. в. 1894 г. № 119). Въ виду этого, секунданты обязаны строго наблюдать за тѣмъ, чтобы поединокъ имѣлъ серьезный характеръ, а не имѣлъ бы вида шутки или соблюденія одной лишь формы; въ противномъ случаѣ они должны пріостановить бой, сложить съ себя полномочія, а составленный о томъ протоколъ (подписанный секундантами) передается на разсмотрѣніе суда общества офицеровъ [1]).

По окончаніи поединка распорядитель немедленно доноситъ командиру полка (части) объ исходѣ дѣла.

---

[1]) Обычаемъ установлено составлять *протоколъ* по каждому дѣлу, излагая въ немъ кратко весь ходъ дуэли, начиная съ предварительнаго совѣщанія секундантовъ для улаженія дѣла мирнымъ путемъ, а при невозможности достигнуть этого, указать условія дуэли. время и мѣсто боя, и скрѣпить все это, послѣ совѣщанія, подписью всѣхъ секундантовъ; затѣмъ, послѣ дуэли. удостовѣрить, что она состоялась согласно заключеннымъ условіямъ, и указать, кто былъ раненъ, и помирились ли соперники послѣ боя; все это также удостовѣрить подписью всѣхъ секундантовъ, съ объясненіемъ, какое лицо они заступали. Составленіе протокола служитъ гарантіей правильности и гуманности дѣйствій сторонъ и стороны, на основаніи протокола, могутъ доказать законность своихъ дѣйствій, если дѣло станетъ предметомъ судебнаго разбирательства. Въ видѣ образца въ концѣ книги приложенъ протоколъ дуэли, бывшей 15 августа 1897 г. между принцемъ Орлеанскимъ и графомъ Туринскимъ.

III.

Наказуемость дуэли по дѣйствующему законодательству.

Глава I.

По воинскому уставу о наказаніяхъ.

(XXII кн. С. В. П. 1869 года изд. II).

§ **18.** Правила о дуэляхъ имѣютъ въ виду частныя, а не служебныя столкновенія. На службѣ подобныя столкновенія произойти не могутъ: оскорбленіе на службѣ не можетъ имѣть мѣста, ибо оно является въ такомъ случаѣ скорѣе оскорбленіемъ службы и касается чести не оскорбленнаго, а оскорбителя. Поэтому, въ силу 99 ст. Воин. Уст. о нак., «*вызовъ начальника на поединокъ по дѣлу, «касающемуся службы*», составляетъ тяжкое воинское преступленіе, «*и виновный подвергается исключенію изъ «службы съ лишеніемъ чиновъ, или заключенію въ крѣ- «пости отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четы- «рехъ лѣтъ, или разжалованію въ рядовые. Начальникъ, «принявшій вызовъ, подлежитъ тому же наказанію, какъ «и сдѣлавшій ему вызовъ. Буде вслѣдствіе вызова поеди- «нокъ состоялся, то наказаніе опредѣляется на основа- «ніи правилъ о совокупности преступленій*» (99 ст. Воин. Уст. о нак. и 1497 — 1542 ст. Уложен. о нак.). Такимъ образомъ, если между начальникомъ и подчиненнымъ состоится поединокъ по вызову послѣдняго и при томъ по дѣлу, касающемуся службы, то оба они подлежатъ наказанію по правиламъ о совокупности преступленій, т. е. за вызовъ и принятіе его по ст. 99 Воин.

Уст. о нак. и сверхъ того за самый поединокъ по Уложенію; въ обратномъ случаѣ, т. е. если вызовъ будетъ сдѣланъ начальникомъ и принятъ подчиненнымъ, примѣняются только общіе уголовные законы.

«*Младшіе за вызовъ старшихъ на поединокъ по «дѣлу, касающемуся службы, подвергаются наказаніямъ, «опредѣленнымъ въ 99 ст. Воин. Уст. о наказ., но всегда «одною, двумя или тремя степенями ниже. Въ настоя-«щемъ случаѣ младшими признаются оберъ-офицеры въ «отношеніи штабъ-офицеровъ и генераловъ, а штабъ-«офицеры въ отношеніи генераловъ*» (100 ст. Воин. Уст. о нак.).

Само собою разумѣется, что какія бы то ни было столкновенія между начальниками и подчиненными, а равно между старшими и младшими не подлежатъ вѣдѣнію суда общества офицеровъ.

Глава II.

По Уложенію о наказаніяхъ, уголовныхъ и исправительныхъ.

А. ДУЭЛЯНТЫ.

§ **19.** *За вызовъ* на поединокъ, хотя бы «онъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій», т. е. хотя бы онъ не былъ принятъ вызываемымъ, виновный подвергается аресту отъ 3-хъ до 7-ми дней (1 ч. 1497 ст.); но вызовъ, взятый обратно самимъ вызывавшимъ, какъ одно лишь приготовленіе, остановленное по собственной волѣ, ненаказуемъ (113 и 1506 ст.).

Указанное въ 1 ч. 1497 ст. наказаніе усиливается 1 или 2 степенями, если вызовъ былъ сдѣланъ именно тѣмъ лицомъ, которымъ данъ и первый поводъ къ ссорѣ, т. е. лицомъ, начавшимъ ссору [1]) (ст. 1498). Напротивъ, если вызовъ учиненъ вслѣдствіе нанесеннаго вызывающему

---

[1]) Поэтому если бы кто нибудь обругалъ другаго, за что получилъ пощечину, а затѣмъ обругавшій вызвалъ на дуэль, то вызвавшій будетъ наказанъ, какъ виновникъ ссоры (Неклюдовъ, I, стр. 161).

тяжкаго личнаго оскорбленія, или же вслѣдствіе оскорбленія отца его, матери или другаго родственника по восходящей линіи, или жены, или невѣсты, или родной сестры, или дочери, невѣстки, свояченицы, или ввѣренныхъ опекѣ его лицъ и вызовъ не имѣлъ послѣдствій, то сдѣлавшій его или освобождается отъ всякаго наказанія, или же приговаривается только къ аресту на время отъ 1 до 3 дней (ст. 1499).

§ **20.** *За принятіе* вызова полагается арестъ отъ 1 до 3 дней (ст. 1502); при чемъ согласно 1506 ст., принявшій вызовъ наказывается только въ томъ случаѣ, когда онъ выйдетъ на поединокъ и таковой не послѣдовалъ не по волѣ обвиняемыхъ; такъ что одно изъявленіе согласія или вступленіе въ переговоры, лично или черезъ свидѣтелей, по буквѣ закона, не подлежитъ наказанію.

§ **21.** *Поединокъ состоявшійся*:

1) когда поединокъ окончился безъ кровопролитія, такъ что дуэлянты, хотя и размѣнялись ударами, но даже не причинили царапины другъ другу. Въ этихъ случаяхъ: а) *вызвавшій* подвергается, — если не онъ былъ виновникомъ ссоры,—аресту отъ 3 недѣль до 3 мѣс. (2 ч. 1497 ст.), а если онъ изобличается въ учиненіи поединка во второй разъ—заключенію въ крѣпости отъ 2—4 мѣсяцевъ (3 ч. 1497 ст.); или же, если онъ былъ и виновникомъ ссоры, то ему назначается тюрьма отъ 2—8 мѣс., а при повтореніи—крѣпость отъ 4 мѣс. до 1 года и 4 мѣс. (1498 ст.); б) *вызванный* (принявшій вызовъ) подлежитъ аресту отъ 3 — 7 дней, безразлично къ тому, былъ ли онъ зачинщикомъ ссоры или нѣтъ (1502 ст.).

2) Поединокъ, окончившійся лишь нанесеніемъ легкихъ ранъ, не подвергающихъ жизнь получившаго ихъ опасности и не грозящихъ ему ни увѣчьемъ, ни важнымъ въ здоровьѣ разстройствомъ. Въ этихъ случаяхъ тотъ, кто нанесъ обиду, давшую поводъ къ поединку, или, буде сего съ достовѣрностью узнать нельзя, тотъ, кѣмъ сдѣланъ вызовъ, подвергается заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости отъ 8 м. до 1 года и 4 м., а его противникъ — заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости отъ 2—4 мѣс. (1505 ст.).

3) Поединокъ, окончившійся увѣчьемъ или тяжкою раною, влечетъ для виновнаго въ томъ поврежденіи, если,

притомъ, онъ или далъ поводъ къ поединку, или, за неизвѣстностью зачинщика, вызвалъ на поединокъ—влечетъ заключеніе въ крѣпости отъ 2—4 лѣтъ, а если не имъ данъ поводъ или сдѣланъ вызовъ — на время отъ 8 мѣс. до 2 лѣтъ (1503 ст.).

4) Поединокъ, окончившійся смертью, влечетъ для виновнаго въ лишеніи жизни, если, притомъ, онъ или далъ поводъ къ поединку, или, за неизвѣстностью зачинщика, вызвалъ на поединокъ—влечетъ заключеніе въ крѣпости отъ 4 лѣтъ до 6 лѣтъ и 8 мѣс., а если не имъ данъ поводъ или сдѣланъ вызовъ — на время отъ 2 — 4 лѣтъ (1503 ст.). Если же поединокъ былъ съ условіемъ биться на смерть, то предложившій такое условіе подлежитъ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, а принявшій—заключенію въ крѣпости отъ 6 лѣтъ 8 мѣс. до 10 лѣтъ (1504 ст.) [1]).

§ **22.** За поединокъ *безъ секундантовъ*, если послѣдствіемъ онаго была смерть или тяжкія раны, виновный подвергается наказаніямъ, въ предшедшей 1504 ст. опредѣленнымъ; когда же послѣдствіемъ такого поединка не были ни смерть, ни же нанесеніе тяжкихъ ранъ, оба виновные подвергаются заключенію въ крѣпости отъ 1 г. и 4 м. до 2 лѣтъ (1509 ст.).

Кто на поединкѣ убьетъ своего противника или нанесетъ ему тяжкую (не смертельную) рану какимъ либо *измѣнническимъ способомъ* (умышленное или коварное отступленіе отъ условленныхъ или обычныхъ правилъ боя во вредъ своему противнику), тотъ подвергается наказанію: а) въ случаѣ смерти или смертельной раны — самой высшей мѣрѣ наказаній, опредѣленныхъ въ ст. 1454 за предумышленное убійство; а ежели поединокъ былъ еще и безъ секундантовъ—то наказанію по ст. 1453, т. е. какъ за убійство въ засадѣ; и б) въ случаѣ нанесенія тяжкой раны — высшей мѣрѣ наказанія, слѣдуемаго по 1477 ст. за предумышленныя тяжкія раны (1510 ст.).

§ **23.** *Примиреніе дуэлянтовъ.* Если вышедшіе или уговорившіеся выйдти на поединокъ примирятся и прекратятъ его, хотя по обнаженіи или приготовленіи къ бою

---

[1]) Законъ не соединяетъ съ указанными выше наказаніями ни лишенія, ни ограниченія правъ, за исключеніемъ причиненія смерти на дуэли, состоявшейся съ условіемъ биться на смерть.

оружія, но безъ кровопролитія, по собственному побужденію или слѣдуя совѣтамъ и побужденіямъ свидѣтелей (секундантовъ), а не по обстоятельствамъ, отъ нихъ независѣвшимъ [1]), то они освобождаются отъ всякаго наказанія и преслѣдованія (1506 ст.). Право примиренія начинается съ момента вызова и продолжается до самаго начатія боевыхъ дѣйствій, т. е. до выстрѣла или до боевого удара холоднымъ оружіемъ. Послѣ этого момента безнаказанное примиреніе не допускается и дуэль почитается вполнѣ совершившейся.

Б. УЧАСТНИКИ И ПРИКОСНОВЕННЫЕ [2]).

§ **24.** *Подстрекатели къ поединку.* Подъ именемъ подстрекателей Уложеніе разумѣетъ: а) лицъ, умышленно возбуждающихъ кого либо къ поединку (1 ч. 1500 ст.), т. е. тѣхъ, которые подстрекаютъ къ вызову или же принятію онаго; б) лицъ, уговорившихъ или побудившихъ кого-либо къ умышленному тяжкому оскорбленію другаго лица, съ цѣлью дать поводъ къ поединку (2 ч. 1500 ст.) [3]); и в) лицъ, упрекавшихъ или оскорбившихъ словомъ или дѣломъ невышедшаго, по сдѣланному вызову, на поединокъ или прекратившаго оный примиреніемъ (1 ч. 1512 ст.); подъ упреками слѣдуетъ разумѣть не простое выраженіе мнѣнія въ пользу поединка, а укоръ, обвиненіе въ трусости или недостаткѣ мужества и т. п.

Для отвѣтственности за подстрекательство требуется, чтобы поединокъ состоялся, хотя бы и окончился безъ кровопролитія; если же поединка не произошло, то подстрекатель отвѣчаетъ только за то, что было преступнаго въ его дѣйствіяхъ; такъ, 2 ч. 1512 ст. прямо говоритъ,

---

[1]) Напр.: случай прекращенія поединка вмѣшательствомъ власти, или физическимъ вмѣшательствомъ другихъ лицъ.

[2]) По Германскому Уложенію наказанію подлежатъ исключительно *главные* участники дуэли, т. е. одни дерущіеся на дуэли; остальныя же лица ненаказуемы. Эту систему цѣликомъ усвоиваетъ изготовленный уже новый проектъ нашего уголовнаго уложенія, такъ что нынѣ дѣйствующія правила о наказуемости участниковъ и прикосновенныхъ лицъ потеряютъ вскорѣ свою силу (см прилож. въ концѣ книги, статья 411).

[3]) Напр.: во Франціи нерѣдки случаи, гдѣ лицо, желая отомстить своему противнику, но не рѣшаясь само вступить съ нимъ въ бой, подговариваетъ какого нибудь записного дуэлянта нанести ему оскорбленіе и затѣмъ, въ случаѣ вызова, выйдти съ нимъ на поединокъ (Неклюдовъ, I, стр. 171). Подстрекатели и бреттеры не могутъ быть терпимы въ арміи.

что если поединка не произошло, то виновный подлежитъ наказаніямъ за обиды, а слѣдовательно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ его дѣйствіяхъ не заключается и обиды, онъ долженъ быть признанъ вовсе ненаказуемымъ. Виновные въ подстрекательствѣ къ поединку, смотря по обстоятельствамъ дѣла, подвергаются: или заключенію въ крѣпости отъ 1 г. и 4 м. до 4 лѣтъ, но безъ ограниченія правъ, или въ тюрьмѣ отъ 4 м. до 1 года и 4 мѣсяцевъ.

По проекту новаго Уголовнаго Уложенія опредѣлено весьма строгое наказаніе за подстрекательство къ вызову, но о наказуемости дѣлающаго самый вызовъ проектъ умалчиваетъ.

§ **25.** *Передатчики вызова* (картельщики), т. е. лица, которыя завѣдомо перенесутъ другому вызовъ на поединокъ (1501 ст.), но лишь при условіи а) чтобы передатчикъ, перенося словесный или письменный вызовъ, зналъ его содержаніе, и б) чтобы онъ, при исполненіи возложеннаго на него порученія, не принялъ всѣхъ возможныхъ средствъ для примиренія или же какимъ либо инымъ способомъ не предупредилъ послѣдствій вызова [1]). Виновный подвергается аресту отъ 3—7 дней. Но если съ его стороны были сдѣланы всѣ попытки къ примиренію, то онъ освобождается отъ наказанія, хотя бы самый поединокъ и состоялся.

§ **26.** *Секунданты* (свидѣтели поединка) [2]). Отвѣтственность секундантовъ сообразуется отчасти съ характеромъ самаго поединка, а всего болѣе—съ характеромъ ихъ дѣятельности, а именно:

а) Если секунданты, предъ поединкомъ или при самомъ поединкѣ, употребили всѣ возможныя для нихъ средства убѣжденія для предупрежденія или прекращенія онаго, то они освобождаются отъ всякой отвѣтственности (1507 ст.).

---

[1]) Изъ смысла статьи закона явствуетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о лицахъ, могущихъ и долженствующихъ по самой своей профессіи имѣть интеллектуальное вліяніе на вызывающаго и вызываемаго, т. е. не о простыхъ передатчикахъ или посыльныхъ (напр., лакея, который отнесетъ письмо, зная, что оно заключаетъ въ себѣ вызовъ на поединокъ), а о картельщикахъ, или посредникахъ (Неклюдовъ, I, стр. 171)

[2]) Къ свидѣтелямъ не относятся лица, хотя и оказавшія дуэлянтамъ какое либо содѣйствіе, но не принимавшія участія въ наблюденіи за боемъ или въ установленіи его условій, каковы, напр.: кучеръ, доставившій дуэлянта на мѣсто, врачъ, оказавшій ему медицинскую помощь (Фойницкій, «Курсъ угол. пр.», 65 стр.).

б) Если секунданты не употребили надлежащихъ усилій (законъ не требуетъ для безнаказанности секундантовъ ни донесенія властямъ, ни принятія какихъ-либо физическихъ, препятствующихъ поединку мѣръ; требуется только нравственное вліяніе на противниковъ, серьезное стараніе склонить ихъ къ миру, путемъ убѣжденія или уговора) къ прекращенію поединка, то въ случаѣ смерти котораго либо изъ сражавшихся или обоихъ, или же нанесенія смертельной раны, они подлежатъ къ заключенію въ крѣпости на время отъ 4 — 8 мѣс.; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ— заключенію въ тюрьмѣ отъ 2—4 мѣс. (1507 ст.).

в) Если секунданты побуждали къ начатію, продолженію или возобновленію поединка, то они приговариваются къ заключенію въ крѣпости отъ 2 л. и 8 м. до 4 лѣтъ, причемъ Уложеніе не обращаетъ вниманія на то обстоятельство, окончился ли поединокъ безъ кровопролитія или сопровождался причиненіемъ тяжкихъ ранъ и даже самой смерти (1508 ст.).

г) Если же секунданты допустили поединокъ съ условіемъ, чтобы онъ окончился непремѣнно смертью одного изъ дуэлянтовъ, и если, притомъ эта смерть послѣдовала, или была нанесена смертельная рана, то они подлежатъ заключенію въ крѣпости отъ 2 — 4 лѣтъ (3 ч. 1504 ст.).

д) Секунданты, способствовавшіе причиненію смерти или нанесенію раны измѣннническимъ образомъ [1]), наказываются, какъ за участіе въ предумышленномъ или измѣнническомъ причиненіи этихъ послѣдствій на основаніи 1454 или 1477 ст. Улож. (4 ч. 1510 ст.) [2]).

§ **27.** *Случайные свидѣтели.* Подъ ними законъ разумѣетъ тѣхъ случайно находившихся при поединкѣ христіанъ [3]), которые не воспользуются своею бытностью для примиренія противниковъ. Законъ не требуетъ отъ нихъ ни доноса, ни физическаго вмѣшательства; для безнаказанности этихъ случайныхъ очевидцевъ достаточно простого уговора

---

[1]) Такое участіе можетъ быть не только физическое (преждевременно дали сигналъ, подсунули противнику незаряженный пистолетъ, неотточенную шпагу и т. п.), но и интеллектуальное уговоръ, совѣтъ).

[2]) На основ. 1454 ст. (въ случаѣ смерти) полагается ссылка въ каторжныя работы отъ 15—20 л., а по 1477 ст. (нанесеніе раны, увѣчья) — ссылка въ Сибирь на поселеніе или каторжныя работы отъ 4-6 л.

[3]) Законъ наказываетъ такихъ случайныхъ очевидцевъ «церковнымъ покаяніемъ», а эта церковная кара примѣняется къ однимъ лишь христіанамъ.

сторонъ къ миру, нѣсколько увѣщательныхъ словъ, обращенныхъ къ дуэлянтамъ.

Такіе очевидцы, за неисполненіе этой христіанской обязанности, подвергаются церковному покаянію, если поединокъ окончился смертью или нанесеніемъ тяжкой раны (1511 ст.).

§ **28.** *Врачи* (медики) [1]), присутствующіе при поединкѣ, для подачи медицинской помощи раненымъ, не почитаются свидѣтелями и поэтому признаются не наказуемыми (прим. къ 1507 ст.). Иное дѣло, если врачъ приметъ на себя званіе секунданта или же совмѣститъ въ себѣ обѣ эти обязанности: въ этихъ случаяхъ онъ, конечно, долженъ отвѣтствовать по правилу объ отвѣтственности секундантовъ.

§ **29.** *Всѣ остальныя лица,* хотя и оказавшія завѣдомое содѣйствіе дуэлянтамъ (напр., продажею или приготовленіемъ оружія), не подлежатъ отвѣтственности за поединокъ, къ которому, въ виду его особой уголовно-юридической природы, не примѣняются общія правила о соучастіи.

Глава III.

Общія соображенія относительно наказуемости военно-служащихъ за дуэли, въ виду новаго закона о дуэляхъ въ офицерской средѣ.

§ **30.** Высочайше утвержденными «Правилами о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ» [2]) вводится весьма серьезное исключеніе изъ дѣйствующаго нынѣ общаго правила Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, что начальство и даже каждое постороннее лицо обязаны предупреждать дуэли, употреблять мѣры къ примиренію поссорившихся и вообще препятствовать поединкамъ; новымъ закономъ, напротивъ того, судъ общества

---

[1]) Подъ врачами слѣдуетъ разумѣть не только врачей и хирурговъ, но и всякое лицо, приглашенное съ цѣлью врачебнаго пособія раненому, напр.: фельдшера, или даже простолюдина, занимающагося лѣченіемъ ранъ.

[2]) См. выше, II часть § 2.

офицеровъ, а иногда и начальникъ части (п. 5. ст. I, прик. по в. в. 1894 г. № 118) прямо уполномочиваются свободно высказываться за дуэль, признавать примиреніе иногда неумѣстнымъ, а затѣмъ вліять даже на установленіе самыхъ условій дуэли [1]). Правила 13 мая 1894 года, не вызывая никакихъ измѣненій собственно въ общихъ постановленіяхъ нашего законодательства, съ одной стороны, налагаютъ, въ чисто военныхъ интересахъ, особыя обязанности по дѣламъ о дуэляхъ исключительно на суды общества офицеровъ, на самихъ офицеровъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, только на военныхъ (а не гражданскихъ) начальниковъ [2]), а съ другой—устанавливаютъ особый порядокъ направленія дѣлъ о поединкахъ въ офицерской средѣ [3]).

Съ установленіемъ же правилъ, предоставляющихъ суду общества офицеровъ предварительное обсужденіе вопроса объ умѣстности (необходимости) дуэли, само собою возникалъ вопросъ о наказуемости такихъ дуэлей. Вопросъ этотъ требовалъ разрѣшенія, но уже не въ смыслѣ мѣры предупредительной, а исключительно въ интересахъ справедливости: разъ дуэль будетъ одобрена судомъ по законному его на то уполномочію, наказывать за нее дуэлянтовъ было бы, очевидно, несправедливо. Въ самомъ дѣлѣ, новый законъ о дуэли (13 мая 1894 г.) не былъ согласованъ съ Уложеніемъ о наказ. угол. и исправительныхъ изд. 1885 г., дѣйствіе котораго распространяется на всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи, въ томъ числѣ и на военно-

---

[1]) Какъ мы уже высказали выше, суду общества офицеровъ должно быть предоставлено право установлять условія дуэли, не въ смыслѣ одного лишь нравственнаго вліянія (какъ это допущено нынѣ дѣйствующимъ закономъ), а въ видѣ активнаго участія въ обсужденіи и опредѣленіи этихъ условій, для чего должны приглашаться въ судъ и секунданты обѣихъ сторонъ. Говорятъ, что нельзя допустить участія суда общества офицеровъ въ установленіи условій поединка, т. е. дѣянія, преступнаго съ точки зрѣнія общаго уголовнаго закона. Но это возраженіе не выдерживаетъ критики и находится во внутреннемъ противорѣчіи съ закономъ о дуэли (13 мая 1894 г.), въ силу котораго суду общества офицеровъ предоставлено право рѣшать вопросъ о томъ—быть или не быть поединку, т. е. допустить или не допускать дѣяніе, признаваемое общимъ закономъ преступнымъ. Если же законъ призналъ возможнымъ предоставить суду общества офицеровъ разрѣшеніе вопроса о нарушеніи общеуголовнаго закона, то опредѣленіе самыхъ условій поединка, разрѣшеннаго этимъ судомъ, имѣетъ второстепенное значеніе и является логическимъ послѣдствіемъ дѣйствій того же суда.

[2]) См. выше, II ч., § 2. 1—5 пп. I ст. прик. по в. в. 1894 г. № 118.

[3]) См. выше, II ч., § 2, 6 п. I ст. и II ст. пр. по в. в. 1894 г. № 118.

служащихъ. Согласно этому Уложенію—поединокъ является преступленіемъ (1497 ст. Улож.). Въ силу же закона о дуэли, военно-служащіе (офицеры), въ извѣстныхъ случаяхъ, обязаны вызывать на дуэль или принимать вызовъ, т. е. обязаны совершить дѣяніе, преслѣдуемое общеуголовнымъ закономъ. Такого рода противорѣчіе спеціально-военнаго закона о дуэли общеуголовному закону не можетъ не поколебать силу и значеніе (авторитетъ) общегражданскаго закона, но для устраненія этого противорѣчія нужно было внести новый законъ о дуэли на обсужденіе Государственнаго Совѣта, что потребовало бы значительнаго времени. Военное же министерство предпочло издать, въ дополненіе къ закону о дуэли, въ томъ же приказѣ 1894 г. за № 118, примѣчаніе къ 553 ст. Воен.-Судебн. Устава, на основаніи котораго поединокъ остается преступленіемъ, караемымъ по уголовному закону, и только по особому ходатайству возможно изъятіе изъ общаго уголовнаго порядка въ путяхъ Монаршаго милосердія [1]). «*Установить однако, заранѣе, въ видѣ общаго* «*правила, меньшую наказуемость и особенно полную без-* «*наказанность такихъ дуэлей,* какъ видно изъ мотивовъ «къ приказамъ по воен. вѣд. 1894 года за №№ 118 и «119,—*оказывалось крайне затруднительнымъ*, потому «что признать таковыми всѣ офицерскія дуэли невоз- «можно; сдѣлать изъятіе только для оскорбленнаго, какъ «участвующаго въ поединкѣ по несчастной случайности «и защищающаго свою честь, а косвенно и честь всего «общества офицеровъ, тоже было бы не всегда справедли- «вымъ, такъ какъ встрѣчаются случаи, когда трудно опре- «дѣлить, кто оскорбившій и кто оскорбленный, да, кромѣ «того, нерѣдко и грубое оскорбленіе вызывается такими «мотивами, что сочувствіе всецѣло на сторонѣ оскорбив- «шаго, а не оскорбленнаго. Затѣмъ, признать ненаказуе- «мыми только тѣ офицерскія дуэли, которыя состоятся «по предварительномъ постановленіи суда общества офи- «церовъ, что дуэль въ данномъ случаѣ умѣстна, хотя и «наиболѣе отвѣчало бы общему характеру предположенной «мѣры, но не обнимало бы всѣхъ случаевъ офицерскихъ

---

[1]) См. выше, часть II, глава II, § 2, пунк. II.

«дуэлей, заслуживающихъ снисхожденія, такъ какъ есте-«ственно ожидать, что въ случаяхъ наиболѣе рѣзкихъ, «при несомнѣнныхъ, такъ сказать, поводахъ къ поединку, «таковой можетъ состояться прежде даже, чѣмъ соберется «самый судъ, и тѣмъ не менѣе характеръ самой дуэли отъ «этого нисколько не измѣнится, тѣмъ болѣе, что и глав-«ная цѣль всѣхъ проектировавшихся правилъ заключалась «въ устраненіи собственно тѣхъ случаевъ грубаго оскор-«бленія, которые не разрѣшаются поединкомъ. Наконецъ, «ставить безнаказанность дуэли въ зависимость отъ под-«чиненія участниковъ оной мнѣнію суда общества офице-«ровъ было неудобно и въ томъ отношеніи, что одна изъ «сторонъ можетъ быть готова подчиниться мнѣнію суда «объ умѣстности примиренія, другая же предпочтетъ дуэль, «которая и состоится: едва ли было бы справедливо въ «подобныхъ случаяхъ лишать всякаго снисхожденія и того «изъ дуэлянтовъ, который, при полной своей готовности, «согласно постановленію суда, извиниться или принять из-«виненіе, уступаетъ противнику, настаивающему на пое-«динкѣ. *За невозможностью такимъ образомъ заранѣе «выдѣлить, въ видѣ общаго правила, тѣ случаи дуэлей-«въ офицерской средѣ, которые, по справедливости, на-«лежитъ признать ненаказуемыми, оставался одинъ «выходъ въ этомъ отношеніи: разрѣшать вопросъ о не-«наказуемости или безнаказанности подобныхъ дуэлей «по каждому дѣлу особо, сообразно важности поводовъ «къ дуэли и, главное, смотря по тому, была ли она «признана необходимой постановленіемъ суда общества офицеровъ*». (Законодат. мотивы къ проэкту правилъ о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ).

Но такая *условность* наказуемости офицерскихъ дуэлей, въ свою очередь, непосредственно вызывала необходимость изъятія слѣдственныхъ дѣлъ о нихъ изъ вѣдѣнія суда и разрѣшенія этихъ дѣлъ въ порядкѣ административномъ. Поэтому Высочайше утвержденными «правилами о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ» постановлено, что *всякое слѣдственное производство о поединкѣ въ офицерской средѣ*, предварительно направленія въ судъ, *должно представляться* съ заключеніемъ прокурорскаго надзора и бывшими по данному случаю поста-

новленіями суда общества офицеровъ, *къ Военному Министру, который входитъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору о прекращеніи тѣхъ изъ сихъ дѣлъ, которымъ не признается возможнымъ дать движеніе въ установленномъ судебномъ порядкѣ* (см. II ч., § 2, II ст. прик. по воен. нѣд. 1894 г. № 118 и 2 пун. прик. по в. в. 1894 г. № 119).

Слѣдовательно, «въ общемъ *вводимыя нынѣ правила «признаютъ дуэли не только умѣстными иногда въ офи- «церской средѣ, но даже необходимыми, а косвенно при- «знаютъ ихъ, по справедливости, и ненаказуемыми въ «этихъ случаяхъ*. Если о безнаказанности такихъ дуэлей «прямо не выражено въ самомъ законѣ, то единственно «по крайней затруднительности выдѣлить заранѣе имѣю- «щіеся въ виду случаи, какъ это и объяснено выше» (изъ объяснительной записки, опубликованной въ Русск. Инв. 1894 г. № 118).

Новый проектъ Уголовнаго Уложенія [1].

Глава XXII.

Поединокъ.

Ст. 407. Виновный въ поединкѣ называется:

заточеніемъ [2]), на срокъ не свыше одного года.

Если вызвавшій на поединокъ и принявшій вызовъ прибыли на условленное мѣсто, или даже обнажили или приготовили къ бою оружіе, но поединка не послѣдовало и притомъ по обстоятельству, отъ воли ихъ независѣвшему, то виновный наказывается:

арестомъ [3]) на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Ст. 408. Виновный въ поединкѣ, причинившій противнику весьма тяжкое тѣлесное поврежденіе или лишившій его жизни, наказывается: заточеніемъ на срокъ не свыше четырехъ лѣтъ.

Если при этомъ условлено биться на смерть, то виновный наказывается:

заточеніемъ.

Ст. 409. Виновный въ поединкѣ безъ секундантовъ наказывается:

заточеніемъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ.

Если на таковомъ поединкѣ причинены весьма тяжкое тѣлесное поврежденіе или смерть, то причинившій оныя наказывается:

поселеніемъ [4]).

---

[1]) Проектъ Высочайше утвержденной Редакціонной Коммисіи.

[2]) Заточеніе назначается на срокъ отъ 2 недѣль до 6 лѣтъ. Приговоренные содержатся въ крѣпостяхъ, или въ устроенныхъ для заточенія помѣщеніяхъ, въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь. Приговоренные занимаются въ самомъ помѣщеніи работами по ихъ выбору; чистый доходъ отъ работъ обращается въ ихъ пользу (ст. 16 проекта Уг. Улож.). Приговоренные къ заточенію на срокъ свыше одного года признаются лишенными означенныхъ въ 24 ст. (см. выноску къ ст. 409) правъ со дня вступленія приговора о нихъ въ силу до освобожденія изъ заключенія (25 ст. проекта Уг. Улож.).

[3]) Приговоренные къ аресту офицеры, несостоящіе на дѣйствительной службѣ, отбываютъ оный на военной гауптвахтѣ (ст. 18 проекта Уг. Улож.).

[4]) Поселеніе назначается безъ срока и отбывается въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ (ст. 14 проекта Угол. Улож.). Приговоренные къ каторгѣ, поселенію или исправительному дому признаются лишенными государствен-

Ст. 410. Виновный въ вызовѣ на поединокъ органа власти или лица, исполняющаго общественную обязанность, по поводу исполненія ими своихъ обязанностей, наказывается:

арестомъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Если вызовъ сдѣланъ начальнику по службѣ государственной или общественной, то виновный наказывается:

заточеніемъ на срокъ не свыше одного года [1]).

Ст. 411. Подстрекавшій къ вызову или принятію вызова на поединокъ, или къ возобновленію поединка, буде поединокъ послѣдовалъ, наказывается:

заточеніемъ на срокъ не свыше одного года.

Передатчики вызова, секунданты, врачи и иныя лица, содѣйствовавшія поединку, наказанію не подвергаются.

Ст. 412. Виновный въ завѣдомомъ отступленіи на поединкѣ, во вредъ противнику, отъ условій поединка наказывается:

исправительнымъ домомъ [2]).

Если при семъ виновный причинилъ противнику весьма тяжкое тѣ-

---

ныхъ и общественныхъ должностей, ими занимаемыхъ; чиновъ, орденовъ и другихъ жалуемыхъ правительствомъ знаковъ отличія; почетныхъ общественныхъ званій (ст. 22 пр. Угол. Ул.), а дворяне признаются лишенными правъ дворянства (ст. 23 пр. Уг. Ул.); сверхъ того, приговоренные какъ до освобожденія, такъ и по освобожденіи ихъ отъ поселенія въ теченіе пяти лѣтъ—признаются лишенными права: 1) быть избирателемъ или избираемымъ въ земскихъ, городскихъ или сословныхъ собраніяхъ; 2) поступать на государственную или общественную службу; 3) поступать на службу въ армію или флотъ; 4) записываться въ гильдіи; 5) принимать обязанности по опекѣ или попечительству; 6) быть начальствующимъ, воспитателемъ или учителемъ въ общественномъ или частномъ учебномъ заведеніи; 7) быть третейскимъ судьею, членомъ конкурснаго или администраціоннаго управленій, присяжнымъ засѣдателемъ, присяжнымъ повѣреннымъ или повѣреннымъ по дѣламъ, производящимся въ государственныхъ или общественныхъ установленіяхъ; 8) быть свидѣтелемъ при договорахъ или актахъ, требующихъ свидѣтельской скрѣпы (ст. 24 проекта Уг. Улож.).

[1]) Ст. 410 проекта установлена взамѣнъ 396 ст. Уложенія о наказ. (нынѣ дѣйствующаго) и относится лишь къ гражданскому вѣдомству, а не къ военному, гдѣ дѣйствуетъ 99 ст. Воинск. Уст. о наказ.

[2]) Исправительный домъ назначается на срокъ отъ одного года и шести мѣсяцевъ до шести лѣтъ. Приговоренные содержатся первые шесть мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, а потомъ въ общемъ, но съ разобщеніемъ на время свободное отъ работъ и на ночь. По удостовѣренію врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго, управленію исправительнаго дома предоставляется перевести его въ общее заключеніе. Приговоренные занимаются въ самомъ помѣщеніи работами по назначенію управленія, а лица мужскаго пола и общественными работами внѣ помѣщенія, но отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ; три десятыхъ чистаго дохода отъ работъ обращаются въ ихъ пользу (ст. 15 проекта Уг. Улож.). Приговоренные къ исправительному дому, по истеченіи пяти шестыхъ назначеннаго имъ срока, за хорошее поведеніе могутъ быть, въ особо установленномъ закономъ порядкѣ, освобождаемы изъ заключенія (ст. 20 пр. Уг. Ул.). Сверхъ того, они какъ до освобожденія, такъ равно и по освобожденіи ихъ изъ заключенія въ теченіе десяти лѣтъ по освобожденіи, признаются лишенными правъ, означенныхъ въ ст. 24 (ст. 24 проек. Уг. Ул.; см. выноску къ ст. 409).

лесное поврежденіе или смерть, то онъ, соотвѣтственно учиненному, наказывается за весьма тяжкое тѣлесное поврежденіе [1]) или за убійство [2]).

Симъ наказаніямъ, и на семъ же основаніи подлежитъ: подстрекавшій къ таковому отступленію; завѣдомо содѣйствовавшій оному; секундантъ, завѣдомо допустившій таковое отступленіе.

Ст. 413. Виновный въ соглашеніи съ противникомъ поставить самоубійство одного изъ нихъ въ зависимость отъ жребія или иного условленнаго случая, буде вслѣдствіе таковаго соглашенія самоубійство послѣдовало, наказывается:

каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ [3]).

Если всѣдствіе таковаго соглашенія послѣдовало только покушеніе на самоубійство, недоверіненное по обстоятельству, отъ воли покушавшагося не зависѣвшему, то виновный въ соглашеніи наказывается:

исправительнымъ домомъ.

Симъ наказаніямъ и на семъ же основаніи подлежитъ подстрекнувшій къ таковому соглашенію [4]).

Примѣчаніе. Лишенный означенныхъ въ статьѣ 24 правъ (т. е. приговоренный къ каторгѣ, поселенію или исправительному дому—см. выноску къ 409 ст.) можетъ ходатайствовать въ мѣстномъ окружномъ судѣ о возстановленіи ихъ, если прошла половина назначеннаго ему срока лишенія правъ и если притомъ ходатайствующій прожилъ въ послѣднемъ мѣстѣ жительства не менѣе двухъ лѣтъ (по освобожденіи отъ каторги, отъ поселенія и исправительнаго дома) и имѣетъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи отъ мѣстнаго судебнаго установленія. Порядокъ разрѣшенія ходатайства о возстановленіи правъ установляется особымъ закономъ (ст. 28 проекта Уголов. Уложен.).

---

[1]) За весьма тяжкое тѣлесное поврежденіе виновный наказывается: каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ (ст. 397 проек. Угол. Улож.).

[2]) Виновный въ убійствѣ наказывается: каторгою на срокъ не ниже восьми лѣтъ (ст. 384 пр. Угол. Улож.).

[3]) Приговоренные содержатся въ каторжныхъ тюрьмахъ, въ общемъ заключеніи, но съ разобщеніемъ на ночь; они употребляются на тяжкія работы, какъ въ самомъ помѣщеніи, такъ и внѣ онаго; одна десятая чистаго дохода отъ работъ обращается въ ихъ пользу. Преступники, по отбытіи каторги, поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ (13 ст. пр. Уг. Улож.). Приговоренные къ каторгѣ на срокъ, по истеченіи двухъ третей назначеннаго имъ срока, за хорошее поведеніе могутъ быть, въ особо установленномъ закономъ порядкѣ, переводимы въ мѣста, отведенныя для ихъ поселенія. Переведенные на поселеніе изъ каторги, а равно и приговоренные къ поселенію, по истеченіи 10 лѣтъ онаго, за хорошее поведеніе могутъ быть, въ особо установленномъ закономъ порядкѣ, освобождаемы отъ поселенія (ст. 20 пр. Уг. Ул.). Приговоренные къ каторгѣ признаются лишенными правъ состоянія и другихъ правъ, лишаемыхъ при поселеніи и исправительномъ домѣ, т. е. указанныхъ въ 22—24 ст. (23 ст. пр. Уг. Ул.).

[4]) Въ ст. 413 идетъ рѣчь о такъ называемой американской дуэли.

Въ видѣ образца прилагаемъ протоколъ дуэли, состоявшейся 15 августа 1897 г. между принцемъ Орлеанскимъ и графомъ Туринскимъ. Протоколъ состоитъ изъ 2-хъ частей.

I. Протоколъ предстоявшей дуэли:

Его королевское высочество принцъ Викторъ Эмануилъ Савой-Аостскій, графъ Туринскій, найдя оскорбительнымъ для итальянской арміи напечатанныя въ «Figaro» письма его королевскаго высочества принца Генриха Орлеанскаго, послалъ послѣднему 6-го іюля письмо съ требованіемъ удовлетворенія. На это письмо могъ послѣдовать отвѣтъ лишь 11-го августа, въ день прибытія принца Генриха Орлеанскаго во Францію. Сдѣлавъ всѣ оговорки съ ссылкою на право писателя, принцъ отвѣтилъ по телеграфу. Графъ Туринскій отвѣтилъ тотчасъ же о выѣздѣ своихъ представителей полковника Феличе Авоградо ди Квинто, командира 4-й кавалерійской бригады итальянской арміи и полковника Франческо Вичино Палавичино, командира такой же бригады въ Генуѣ. Принцъ Генрихъ Орлеанскій свелъ этихъ господъ со своими двумя секундантами. Съ первыхъ же переговоровъ поединокъ былъ признанъ неизбѣжнымъ и съ общаго согласія установлены были слѣдующія его условія:

Оружіе—шпага. Каждый изъ противниковъ имѣетъ право сражаться шпагою своего отечества, но съ лезвіемъ одинаковой длины.

Захваченное каждымъ изъ противниковъ мѣсто принадлежитъ ему, при чемъ каждый имѣетъ право отступать на разстояніи 15-ти метровъ. Послѣ каждой схватки, которая можетъ длиться не болѣе 4 минутъ, дуэль возобновляется на томъ мѣстѣ, которое захвачено дуэлистами. Поединокъ можетъ быть прекращенъ лишь по рѣшенію четырехъ секундантовъ и врачей, если одинъ изъ противниковъ будетъ признанъ въ явно худшихъ условіяхъ. Мѣста выбираются по жребію. Распоряженіе дуэлью будетъ поручено попеременно обѣимъ сторонамъ, при чемъ для первой схватки сторона избирается по жребію. Послѣднее рѣшеніе было принято по настоятельному желанію принца Орлеанскаго, который категорически воспротивился тому, чтобы распоряженіе поединкомъ было довѣрено пятому лицу. Мѣсто и часъ поединка будутъ избраны въ теченіе дня.

Далѣе слѣдуютъ подписи секундантовъ обѣихъ сторонъ.

II. Протоколъ самой дуэли:

Согласно протоколу отъ 14-го августа 1897 года, поединокъ между е. к. в. графомъ Туринскимъ и е. к. в. принцемъ Генрихомъ Орлеанскимъ состоялся сегодня въ лѣсу Вокресонскомъ, въ мѣстѣ, именуемомъ лѣсомъ des Maréchaux. Продолжительность поединка была 26 минутъ, при 5 схваткахъ.

При первой схваткѣ е. к. в. принцъ Орлеанскій былъ раненъ въ правую сторону грудной клѣтки, при чемъ шпага не проникла далѣе подкожной клѣтчатки.

Послѣ мнѣнія врачей, секунданты рѣшили продолжать поединокъ.

Вторая схватка была пріостановлена вслѣдствіе того, что противники сошлись corps à corps.

При третьей схваткѣ е. к. в. графъ Туринскій былъ раненъ въ заднюю часть правой руки, при чемъ шпага проникла лишь въ подкожную клѣтчатку.

При четвертой схваткѣ было констатировано, что шпага принца Генриха Орлеанскаго покривилась. Поединокъ былъ остановленъ и шпага замѣнена.

При пятой схваткѣ, послѣ столкновенія противниковъ corps à corps, немедленно пріостановленнаго, во время парировки удара принцъ Генрихъ Орлеанскій получилъ ударъ шпагой въ правую нижнюю часть живота. Поединокъ былъ пріостановленъ.

Послѣ провѣрки и осмотра раны, врачи обѣихъ сторонъ признали, что рана принца Орлеанскаго ставитъ его въ положеніе явно слабѣйшаго. Вслѣдствіе этого секунданты принца предложили остановить поединокъ.

Съ общаго согласія это было сдѣлано.

Послѣ поединка и во время перевязки раны принцъ Генрихъ Орлеанскій, приподнявшись, протянулъ руку графу Туринскому и обратился къ нему со словами:

«Позвольте мнѣ, ваше высочество, пожать вамъ руку».

Графъ Туринскій пожалъ руку.

Врачами были: докторъ Тупэ и докторъ Гарманъ со стороны принца Орлеанскаго и докторъ Карни со стороны графа Туринскаго.

Составлено въ Вокрессонѣ, въ лѣсу des Maréchaux, 15-го августа 1897 года.

Подписи: за принца Генриха Орлеанскаго:

Графъ Николай Леонтьевъ (Comte Nicolas de Leontieff).
Рауль Муриншонъ.

За графа Туринскаго:

Полковникъ Авоградо ди Квинто Феличе.
Франсуа Вичино Палавичино.